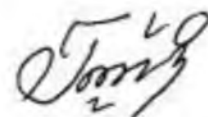

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН
ТАДЖИКИСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВ
ИМЕНИ С. УЛУГЗОДА**

На правах рукописи

МАДИМАРОВА ГУЛҲАЁ МАДИМАРОВНА

**ЖИЗНЬ И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ТВОРЧЕСТВА ШАХ НИМАТУЛЛАХА ВАЛИ**

Специальность: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

**Диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Каландаров Хоким Сафарбекович

Душанбе - 2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШАХ НИМАТУЛЛАХА ВАЛИ.....	13
1.1. Социально-политическая обстановка времени жизни поэта.....	13
1.2. Место рождения и родословная Шах Ниматуллаха Вали.....	19
1.3. Странствия и подвижническо-аскетическая жизнь Шах Ниматуллаха Вали.....	32
1.4. Проживание в Кирмане и последние годы жизни.....	43
1.5. Поэт и его современники.....	46
ГЛАВА II. ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ШАХ НИМАТУЛЛАХА ВАЛИ.....	53
2.1. Диван Шах Ниматуллаха Вали.....	53
2.2 Структура дивана: содержание и разновидность стихов.....	58
2.3 Трактаты поэта.....	78
ГЛАВА III. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ ШАХ НИМАТУЛЛАХА ВАЛИ.....	87
3.1 Особенности стиля поэзии Шах Ниматуллаха Вали.....	87
3.2 Содержание и особенности газелей.....	96
3.3. Использование средств художественной изобразительности.....	121
3.4 Назидательно-образовательные сочинения Шаха Ниматуллаха Вали...	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	145
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	150

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В изучении закономерностей и выявлении особенностей развития национальных литератур на современном этапе большое значение должно отводиться исследованию художественного своеобразия наследия писателей и поэтов, творчество которых представляет значительное явление в национальном литературном процессе. В истории персидско-таджикской литературы Шах Ниматуллах Вали признан одним из видных поэтов и мыслителей, чей стиль и мастерство словотворчества, глубина произведений оказали заметное влияние на процесс развития поэзии и прозы не только его времени, но и последующих веков.

Опыт исследования литературных процессов прошлого со всей очевидностью показал, что изучение жизни и творчества выдающихся художников слова различных эпох является важнейшей частью истории классической литературы. Неслучайно во второй половине XX в. в Таджикистане и других центрах изучения персоязычной литературы значительно возрос интерес литературоведов-иранистов к исследованию отдельных творческих личностей, как литературному явлению в истории культуры народа. К числу наиболее интересных по своей манере стихотворчества и творческих исканий художников слова, внесших заметную лепту в развитие и совершенствование персидско-таджикской литературы, следует отнести одного из литераторов XIV-XV вв. Шаха Ниматуллаха Вали, изучению жизни и творческой деятельности которого и посвящено настоящее исследование.

В данном исследовании проведен анализ поэтического творчества Шаха Ниматуллаха Вали, известного в истории персидско-таджикской литературы своими эстетическими взглядами, особым стилем, разнообразием поэтических форм и содержания, созданных им произведений, внесшего весомый вклад в развитие поэзии указанного периода. Поэт является автором отдельного дивана поэзии и многочисленных трактатов, посвященных в

основном проблемам мистицизма, познания, науки, нравственности, человеколюбия и другим. Исследование Шах Ниматуллаха Вали Кирмани особенно важно для истории персидско-таджикских народов и их культуры, так как многие представители культурной и общественно-политической мысли его эпохи были его последователями, а его учение живо до сих пор.

До настоящего времени данный аспект творчества поэта и ученого еще не стал в должной степени объектом внимания исследователей литературоведения и истории литературы. Поэтому всестороннее исследование жизни и творчества Шаха Ниматуллаха Вали обретает особое значение и привлекает к себе внимание литературоведов и культурологов.

Степень изученности темы. Следует отметить, что по количеству трактатов, посвященных проблемам нравственности, познания, образования, мистической поэзии, логики и другим вопросам Шаху Ниматуллаху Вали нет равных. Некоторые исследователи в своих работах пользовались трудами Шаха Ниматуллаха Вали, но до настоящего времени творчество этого ученого и поэта остается неизученным в полной мере.

Изучение жизни и творческой деятельности видного поэта, мистика и ученого, коим является Шах Ниматуллах Вали, еще при его жизни в краткой форме нашло отражение в отдельной книге. Согласно утверждению Абдураззока Кирмони, один из его муридов (учеников) и почитателей, Шермалик Ваизи, по просьбе самого поэта приступил к написанию истории его жизни [1,6].

Рассмотрение биографии и творчества Шаха Ниматуллаха Вали в диссертации опирается на данные антологий, творения самого поэта, теснейшим образом связанные с культурно-поэтическими традициями и являющиеся блестящим образцом их воплощения в его творчестве, представляя, таким образом, крайне ценный материал для исследования процессов литературного творчества.

Основными источниками исследования послужили сочинения современников Шаха Ниматуллаха Вали «Трактат о восхвалении

почтеннейшего Шаха Ниматуллаха Вали» Абдураззока Кирмони и «Трактат первого путешествия» Шермалика Ваизи.

Первый научно-исследовательский труд о жизни и творческой деятельности Шаха Ниматуллаха Вали принадлежит перу Хамида Фарзома, который приложил все усилия к тому, чтобы раскрыть различные грани жизни и творческой деятельности поэта, своеобразия его творчества. Несмотря на то, что Фарзом не дана высокая оценка поэзии этого художника слова, он особо подчеркнул ту значимую роль и место, которые Вали занимал на небосводе персидско-таджикской литературы и науки.

Помимо указанных сочинений современников поэта, основными источниками данного исследования явились диван и трактаты Шаха Ниматуллаха Вали, собранные и опубликованные в 1347 году доктором Джаводом Нурбахшем, который при подготовке дивана к публикации использовал и сравнил 4 копии. Основным источником стала копия дивана Шаха Ниматуллаха Вали, изданная в 996 году по лунному календарю.

Древняя копия дивана Шаха Ниматуллаха Вали, хранившаяся в библиотеке Мулк, была переписана после смерти поэта, в 860 году по лунному календарю. По утверждению исследователя, кроме дивана стихотворений, Шах Ниматуллах Вали создал более 70 трактатов. Из сохранившихся до наших дней трактатов 6 были изданы в 1066-1085 гг., их копии относятся к обители (дервишский монастырь) Шамсулирфона. Другие копии были переписаны в 1255-1264 гг. лунного летоисчисления хиджры и позже.

Необходимо подчеркнуть, что в современной таджикской литературе, в отличие от западной, в двадцатом столетии заметно усилилось внимание к творчеству Шаха Ниматуллаха Вали. Однако при этом его творчеству, как с формальной, так и с содержательной точки зрения, давалась лишь самая общая характеристика, и в фокусе исследования чаще всего оказывалось именно мистическое мировоззрение поэта-суфия.

На современном этапе интерес к личности и творчеству Шаха Ниматуллаха Вали не ослабевает не только в таджикском литературоведении, пытающемся по-новому взглянуть на наследие поэта, но и в трудах востоковедов Запада, в связи с появлением множества новых литературных школ и направлений, полемизирующих друг с другом и высказывающих свое специфическое видение.

Некоторые статьи носят научно-популярный характер и насыщены лишь общими сведениями о творчестве поэта, другие, более обстоятельные, представляют большую ценность для изучения его творчества. Однако среди целого ряда статей и нескольких монографий, непосредственно посвященных различным аспектам творчества Шаха Ниматуллаха Вали, нами не было обнаружено ни одного исследования, направленного на комплексное изучение всех вопросов, связанных с литературной составляющей его произведений, в частности литературно-эстетических проблем и индивидуального стиля его творчества, особенностей мировосприятия.

Отметим, что художественные особенности творчества поэта подробно рассмотрены в «Саропардаи ишк» («Шатер любви») – в сборнике статей по материалам конференций, посвященных Шаху Ниматуллаху Вали, опубликованном стараниями Мухаммадризо Сарфи и Мухаммеда Содика Басири. Многие исследователи по сей день опираются на информацию о биографии и творчестве поэта, извлеченную из трактатов Шермалика Ваизи и Абдураззока Кирмони.

Уместно отметить, что многие факты в исследовательских трудах часто дублируются, среди них есть и такие, которые не находят своего подтверждения, как, например, то, что местом рождения поэта является город Мохон в Иране, как об этом сообщается в антологиях Давлатшоха Самарканди и Лутфалибека Озара, составленных в XIV-XV веках.

В последние годы в исследованиях западных ученых, посвященных изучению наследия отдельных представителей суфизма, определению их мировоззренческих особенностей, часто упоминается имя Шаха Ниматуллаха

Вали. Научный интерес вызывает книга Жан Упен о творческой биографии поэта «*Matrin uxpour In biographie de Shah Ni'matulloh Wali Kirmani*» («Сборник переводов о биографии Шаха Ниматуллаха Вали Кирмани»). Исследователь в своей книге выявляет общие черты творчества поэта, размышляет об аскетическом образе жизни Ниматуллаха Вали, относя манеру его лирики к иракскому стилю. Ученый в своем исследовании опирается на факты, приведенные в трактатах Абдураззока Кирмони и Шермалика Ваизи. В книге также имеются интересные размышления, достойные внимания факты о поэтической деятельности Шаха Ниматуллаха Вали.

Э.Браун в своей книге «История литературы Ирана», приводя более подробные сведения о Шахе Ниматуллахе Вали, определяет точную дату и место рождения поэта. Исследователь относит Вали к числу выдающихся поэтов-суфиев.

Несомненная актуальность данного диссертационного исследования состоит в выявлении и характерных особенностей творчества этого известного поэта и ученого, жизнь и наследие которого до сих пор не подвергались отдельному монографическому изучению литературоведами Средней Азии и, в частности, Таджикистана. В этой связи нами предпринята попытка не только постигнуть существо творчества Шаха Ниматуллаха Вали, но и понять истоки и грани его национального художественного своеобразия, важным компонентом которого являются нравственно-этические и лирические национальные традиции и суфийское учение.

В связи с этим целесообразным представляется исследование творчества Шаха Ниматуллаха Вали в культурно-историческом контексте. Своевременность такого исследования объясняется, прежде всего, тем, что, несмотря на репутацию талантливой певца мистической любви в истории таджикско-персидской поэзии, творчество Вали изучено недостаточно, в частности, не исследовано искусство художественной изобразительности и стиль поэта.

Существующие источники о жизни и творчестве поэта можно разделить на следующие группы: а) антологии и исторические труды; б) перечень каталогов библиотек мира; в) исследования или упоминания, посвященные непосредственно жизни и творчеству Шаха Ниматуллаха Вали.

Предлагаемое диссертационное исследование призвано восполнить теоретические пробелы, чем и определяется его академическая актуальность.

Цели и задачи исследования. Основная цель диссертационного исследования заключается в монографическом исследовании творческой биографии Шах Ниматуллаха Вали и определение его роли и места в истории персоязычной литературы. Для достижения данной цели необходимо было решить следующие задачи, которые определили бы специфику творчества Шах Ниматуллаха Вали, способствовали бы выявлению его роли места в литературном процессе своего времени:

- анализировать биографию Шах Ниматуллаха Вали;
- раскрыть историко-культурный контекст поэзии Шах Ниматуллаха Вали;
- рассмотреть научную и творческую деятельность Шах Ниматуллаха Вали в призме исследований литературоведов;
- составить перечень научно-философских трактатов поэта;
- осуществить анализ сочинений поэта мистического характера;
- провести анализ дивана, определить виды стихотворений в них, выяснить место Шах Ниматуллаха Вали в поэзии;
- выявить место и роль Шах Ниматуллаха Вали в персидско-таджикской поэзии;
- определить стиль и стилистическое многообразие в творчестве поэта.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что:

- в диссертации впервые в иранистике подвергается анализу социально-политическая и культурная обстановка периода жизни поэта и мыслителя Шах Ниматуллаха Вали, состояние персоязычной литературы той эпохи;

- на достоверном фактологическом материале диссертант излагает свою концепцию роли, и места Шах Ниматуллаха Вали в истории персоязычной литературы, существенное внимание уделено содержанию отдельных произведений этого талантливой поэта и ученого;

- впервые предпринимается комплексное исследование литературной составляющей творчества данного поэта, осуществляемое путем анализа его связи с различными аспектами культурно-поэтической традиции;

- на основании полученных результатов уточняется ряд теоретических положений таджикско-персидской литературы XIV-XV вв.;

- создана теоретическая база исследований, посвященных творчеству поэта;

- составлен список его наследия с некоторыми сравнениями и противопоставлениями, точное количество философских и литературных трудов;

- впервые дано точное количество двустиший его диванов;

- пользуясь научными фактами и данными первоисточников восстановил по возможности полную творческую биографию видного филолога и писателя.

Исходя из того, что биография Шах Ниматуллаха Вали и его творчество оставалась все еще малоизученной, диссертант, пользуясь научными фактами и данными первоисточников, попытался представить, как можно полную картину его творчества и особенность языка и стиля поэта, восполнить по возможности его полную творческую биографию.

Предметом исследования является биография, и творчество Шах Ниматуллаха Вали.

Объект исследования: творческое наследие Шах Ниматуллаха Вали

На защиту выносятся следующие положения:

- Интерпретация творчества Шах Ниматуллаха Вали должна учитывать весь комплекс связей с культурно-поэтической традицией, вне которого его произведения теряют смысл. В истории персидско-таджикской художественной культуры XIV-XV вв. представляют собой уникальный период, резко отличающийся от всех предшествующих.

- Для Шах Ниматуллаха Вали, стремящегося выразить свой духовный опыт, литературные задачи не отделимы от особых задач мистицизма. Шах Ниматулла Вали - основоположник одной из известнейших сект мистицизма под названием «шахниматуллаххия». Данное направление сыграло значимую роль в развитии таджикско-персидской литературы и философии.

- Эффективность изучения стихосложения Шах Ниматуллаха Вали определяется подключением широкого круга контекстов. Его отличает стремление создать поэтическое произведение, где ярко выражены его философское мироощущение и мировосприятие;

- Анализируя диван поэта и изучая стилистику, форму выражения, использование диалектного и духовного мастерства поэта можно опровергнуть идеи некоторых исследователей, которые считают, что произведения поэта лишены художественного приукрашивания, так как не всё, сказанное теми, кто выразил мысли о его наследии, может быть полностью признанным;

- Рукописи дивана Шах Ниматуллаха Вали сохранившиеся до сих пор дают возможность для подготовки научно-критического текста дивана поэта и проведения многоаспектных исследований в русле текстологии, теории литературы и поэтики его творчества.

Методологическая основа исследования. В процессе работы над литературными источниками автор пользовался возможностями сравнительно-исторического метода исследования. Методологическую основу исследования составляют опыт работы и труды таких ученых-литературоведов, как Х.Шарифов, А.Сатторзода, Б.Исмамов, В.Охониёзов, М. Ахмаджон, Х.Каландаров, Сайид Нафиси, Р.Шафак, Ш.Нугмони, Н.

Пурджавади, З.Сафо, Х.Фарзом, Дж.Нурбахш, Ш.Кадкани, Ш.Гелони, С. Шамисо, Дж.Авбин, Ш.Ёис, А.Артур Джон, Л.Левисон, О.Шарбротт, А. Корбен, Э.Браун, С.Тременгем, а также русских востоковедов: Е.Э.Бертельс, Л.М.Терасколюский, Н.Л.Чистяков, А.В.Смирнов и др.

Развиваемые ими теоретические положения и практические методы анализа поэтических произведений оказали существенную помощь при проведении данного исследования.

В исследовании применяется компаративный метод, системный подход, предпринимается попытка как синхронического, так и диахронического описания творчества поэта, структурно-функциональный метод. Кроме того, использовались методы источниковедения и текстологии. Для передачи названий сочинений и цитат из текстов применяется стандартная русская научная транскрипция.

Теоретическая значимость работы. Теоретико-методологическая база обусловлена целью и задачами диссертации, а также спецификой анализируемого материала. Исследование творчества Шах Ниматуллах Вали предполагает обращение к широкому спектру вопросов, связанных с таджикско-персидской поэтической культурой. Связано это с тем, что современная наука остро ощущает связь поэзии с важнейшими аспектами жизни и направляет существенные усилия на выявление таких связей и их анализ.

Практическая значимость исследования обусловлена его актуальностью и новаторством. Диссертация может служить одним из базовых материалов в изучении жизни и творчества Шах Ниматуллаха Вали. Материалы данного исследования могут быть использованы при разработке научных проектов по изучению традиционной таджикско – персидской литературы периода жизни поэта, а также при создании учебных пособий и составлении лекционных курсов по различным аспектам мировой художественной культуры, истории таджикско - персидской поэзии. Анализ, проведенный в данном исследовании, может широко применяться не только

в литературоведении, но и в культурологии. Результаты исследования имеют практическую значимость, как для теории литературы, так и для переосмысления ценностей и определения жанровых особенностей, стилевых тенденций в современной таджикской литературе.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования излагались автором в научных статьях, докладах на семинарах и конференциях, которые опубликованы в сборниках материалов. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном, совместном заседании кафедры теории и истории литературы Института языков имени Сатима Улугзода от 18.02.2021 г. (протокол заседания № 7).

По результатам исследования опубликовано 7 статей, из них 4 в журналах, рекомендуемых ВАК Минобрнауки РФ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемых источников и литературы.

ГЛАВА I. ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШАХ НИМАТУЛЛАХА ВАЛИ

1.1. Социально-политическая обстановка времени жизни поэта

Необходимо подчеркнуть, что политическая обстановка и состояние литературной атмосферы XIV-XV в.в. а также времени жизни Шах Ниматуллаха Вали нашли своё отражение в трудах таких ученых востоковедов, как Хондамир, Шарафиддин Али Язди, Мухаммад Касыми, Акбар Сабури, Хиндушах Астарабади и других. Помимо этого, отдельные отечественные и зарубежные ученые с мировыми именами, как Б.Гафуров, В.В.Бартольд, Бертельс Е. Э, З.Сафо, опираясь на эти и другие надежные источники, завершили многочисленные работы, в которых подробно охарактеризовали политическую обстановку данного периода.

Исходя из вышесказанного, мы задались целью, подытожить основные тезисы и умозаключения этих ученых и вкратце представить картину политической и научно-литературной обстановки Мавереннахра, Хоросана и Ирана, в атмосфере которой протекала жизнь Шах Ниматуллаха Вали. Согласно утверждению многих ученых, время рождения Шах Ниматуллаха Вали пришлось на период правления оставшихся потомков монголов в Мавереннахре, Хоросане, Фарсе и Ираке, известного в истории под названием эльханы. Или, если быть более точным, поэт родился в последние годы правления одного из самых могущественных эльханских правителей Абусаида Бахадурхана.

Как известно, вся территория Мавереннахра, начиная с времени её завоевания чингизидами до первой половины XIV века, находилась во власти второго сына Чингизхана – Чагатая и его последователей. Согласно утверждению Б.Гафурова, «В конце 50-х годов XIV века государство чагатайцев разделилось примерно на 30 отдельных владений». После ухода с политической арены системы правления чагатайцев, под владением монголов остались только Восточный Туркестан и провинция Хафтруд [15, 413].

Все эти беспряди, хаос и междуусобицы местных правителей, их стремление и борьба за независимость продолжались до прихода к власти Тимура, известного в истории под именем «Хромой Тимур».

По словам А.М.Гуревича, самым мрачным периодом Мавереннахра в XIV веке принято считать время после смерти эмира азахана до прихода к власти Тимура, после чего произошло воссоединение малых и разрозненных государств, что привело к рождению единой и могущественной державы.

Согласно приведенному сведению Рашиддадина, Мангук-хан из братских побуждений, посоветовал Халоку-хану, стянуть все свои войска к границе Турана и Ирана. После захвата Халук-ханом Ирана ему, по воле Хубуланкаона, был присвоен титул эльхан (высший чин монгольского шаха).

В 1261 году Халоку-хан в этой части Ирана создает государство эльханов – Эльханиян, приложив усилия для того, чтобы благоустроить эту часть Ирана.

Государство Эльханиян продержалось до 1334 года и прекратило свое существование как государство, после смерти последнего эльханского правителя - султана Абу Сайид-хана Бахадура.

В исследованиях С.Айни, Х.Мирзозода, С.Брагинского, Е.Э.Бертельса, З.Сафо, С.Нафиси, Р.Шафака, Ш.Нуъмона, Э.Брауна, Г.Этте и др., посвященных литературной и культурной обстановке этого периода дана оценка социально-исторической атмосферы. Согласно сведениям, приведенным Шарофиддином Али Язди в книге «Зафарнамэ», последним представителем династии чингизидов в Мавераннахре был Казон Султан-хан.

Казон Султан-хан прославился в истории неслыханной жестокостью, во времена его правления многие монгольские эмиры, не имеющих отношения к роду Чингизхана, стали проповедовать идею независимости и самостоятельности в управлении своих владений, что вынудило Казона Султан-хана в дальнейшем прибегнуть к тяжким наказаниям в отношении этих эмиров. Одним из таких эмиров был Амир Казхан, свергнувший с

престола Казон Султан-хана. На политическую арену вошла монголо-тюркская династия во главе с Амиром Казханом [88, 154].

Но с приходом к власти Амира Казхана обстановка не стабилизировалась и вскоре он был свергнут с престола. Историки утверждают, что после свержения Амира Казхана и пришествия к власти Амира Тимура в истории Мавераннахра наступили мрачные времена. Как пишет Хондамир в «Хабибуссияр», после смерти Амира Казхана в Мавераннахре было введено большое количество налогов, даже в каждом городе, области подняли голову строптивцы, которые под различными предложениями стали требовать самостоятельности. [77, 445] Относительно политической жизни Мавераннахра и Хорасана XIV века известный ученый А.Ю.Якубовский пишет :« ..XIV век в сравнении с XIII веком сопровождался яростными противоборствами различных прослоек общества..»[130, 5-7]. К концу правления монголов и начала прихода к власти династии тимуридов социально-экономические отношения в этих владениях были очень плачевными. Беспорядки и хаос царившие в конце правления династии монголов и начале междуусобиц правления династии тимуридов еще больше усугубили тяжелое положение общества.

Однако, со временем, с приходом к власти тимуридов, социально-экономическое положение в Мавераннахре, Хоросане и Иране намного улучшилось в сравнении с периодом правления династии монголов. Так, если монголы изначально руководствовались лишь политикой захвата чужих территорий и их разрушения, то тимуриды, после жестоких и насильственных войн, принялись за благоустройство захваченных стран. Впервую очередь во времена самого Тимура его внимание было направлено в основном на благоустройство и орошение безводных, не используемых под пахоты земель [15,319].

Тимуриды покровительствовали людям науки и искусства. На месте разрушенных монголами строений появились мраморные купольные мавзолеи, мечети, медресе, библиотеки и даже Обсерватория Улугбека. В это

время высокого уровня достигает поэзия, пронизанная идеями суфизма. Появилась гератская школа Бехзада, занимающаяся искусством миниатюры. Происходили заметные процессы развития исторической науки, математики, астрономии и архитектуры. Фасады зданий украшали бирюзовые и голубые плитки, образующие причудливые линейные и геометрические узоры. Важно отметить, что архитектура тимуридов является вершиной исламского зодчества в Центральной Азии. Впечатляющие и величественные здания, возведённые Тимуром и его преемниками в Самарканде и Герате, способствовали распространению влияния школы искусств Ильханидов в Индии, что привело к появлению знаменитой Школы архитектуры Великих Моголов. Особое внимание уделялось благоустройству и ирригации залежных земель [111, 167].

Согласно описанию Забехуллаха Сафо в его «Истории литературы Ирана» («Таърихи адабиёти Эрон»): «С разрушительными набегами монголов, вырезавших народы и нации, о которых говорилось неоднократно, большая часть благоустроенного Ирана превратилась в руины, медресе, библиотеки и ученые были уничтожены. Но после подавления бунта наступило относительное спокойствие, были восстановлены некоторые города и их учебные заведения, возведены новые строения, реконструированы старые, даже не разрушенные объекты. В VII-VIII вв. некоторые из них продолжали свою культурную деятельность, а некоторые заново приобретали культурное значение» [66, 113].

Но даже при таком развитии жестокость местных правителей и фанатичных служителей религии делали жизнь жителей в городах невыносимой.

Известно, что Тимур предпринимал систематические походы для завоевания Ирана, а позже также Азербайджана, Армении, Грузии, Ирака, Сирии и Малой Азии. Эти походы наталкивались на упорное сопротивление народов всех этих стран и сопровождались большими опустошениями и жестокостями, напомиравшими времена Чингисхана. Награбленное добро

Тимур использовал для обогащения феодальной знати Средней Азии и для строительства городов. В период его правления в Самарканд и другие города Мавераннахра переселялись десятки тысяч ремесленников, художников и учёных, вывезенных из завоёванных стран.

Таким образом, Шах Ниматуллах Вали жил в такой политической, общественной и культурной среде, в которой: ни блестящие постройки, ни искусственно вызванный расцвет ремёсел и торговли в Мавераннахре, ни крупные оросительные работы не смогли оправдать опустошения Тимуром богатых, культурных стран, разграбление городов и захват в плен ремесленников. Это было время, когда все успехи Тимура достигались за счёт утверждения режима бесправия и насилия в Мавераннахре, разгула нищеты в покорённых странах.

Вторая половина XIV-XV столетия считается периодом развития таджикско-персидского языка и литературы. Одной из положительных черт этого периода было то, что персидская литература, особенно поэзия, стала занимать центральное место – тимуриды покровительствовали персидской культуре. По утверждению Алишера Навои, автора произведения «Маҷолису-н-нафоис», более 90 % из 336-ти персоязычных поэтов того времени и даже тюркские поэты творили свои произведения на персидско-таджикском языке. Но были также и поэты билингвы, которые свои сочинения писали на двух языках- тюркском и фарси, в частности Алишер Навои.

В XIV-XV веках персидско-таджикская классическая литература развивалась по нескольким литературным направлениям – поэзия, художественная и научная проза. Некоторые из литераторов были и поэтами, и писателями. Например, в эти века правофланговыми в поэзии и прозе нравоучения был Саади Ширази, сатире и критике - Убайд Зокони, в любовной лирике и газельном песнопении Хафиз Ширази и Камол Худжанди, на высоте были традиционные любовно-романтические поэмы Хусрава Дехлави.

Нуриддин Ниматулла родился в 1329-1330 гг. в семье Сейидов, возводящих свою родословную к 5-му Иمامу Мухаммеду аль-Бакиру. В возрасте 24 лет он совершил паломничество в Мекку, где провел семь лет, став учеником шейха Абдуллы аль-Йафи [1,7].

Шах Ниматулла Вали - основоположник одной из известнейших сект мистицизма под названием «шахниматуллахия». Данное направление сыграло значимую роль в развитии таджикско-персидской литературы и философии.

Часто это движение путали с интеллектуальным направлением, например, лозунг «Душа другу, руки работе», «Не придавай душу безделью», «Проводи приятно каждое мгновение бытия» и т.д. относили к первичной форме мистицизма, который учил только «радости жизни». Характеризуя данное направление М.Р.Раджабов отмечает в своей книге: «Задавшись целью использовать тасавуф – мистицизм в свою пользу, байи, крупные землевладельцы, состоятельные люди и эмиры, владевшие браздами правления, все больше и больше вступали в общество суфиев и причисляли себя к членам их общества. К таким тимуридским правителям относились Шахрухмирзо, Абу Сайид, Султан Хусайн Бойкаро». [53, 174]. Или же другой исследователь высказываясь об отношении темуридских эмиров к мистицизму подчеркивал, что: «... с другой стороны, то уважение которое он и его заместители проявляли к шейхам суфиям, становилось причиной их высокого почитания простого люда и дервишеские монастыри, будто величественные дворцы, становились местом скопления огромного количества народа [111,78].

В особенности Эмир Тимур, как это записано в «Зафарнаме» побед в какой бы город не ступала его нога, обязательно навещал известных живых шейхов и могилы великих мистиков, проявляя к ним высокое уважение и просил их о поддержке и благословении. [79,87]

1.2. Место рождения и родословная Шах Ниматуллаха Вали

Из существующих основных источников о жизни и творчестве Шах Ниматуллаха Вали целесообразно, в первую очередь, опираться на творения самого поэта, так как он в отдельных стихотворениях и стихотворных отрывках порой отображает какие-то моменты и фрагменты своей жизни. Другими источниками, способствующими раскрытию отдельных периодов жизни поэта, взлетов и падений, становления его творческой личности являются антологии, письменные литературные и исторические источники, научно-теоретическая литература. Имя Шах Ниматуллах Вали Кирмани в большинстве существующих источников и летописей значит как «Ниматуллах» и его основное лакаб (араб.- прозвище) «Нуриддин», как он сам об этом говорит: Ниматуллах имеет лакаб «Нуриддин» - то есть, свет религии [78,76]. Другой известный лакаб, который ему дали в честь его превосходства - «Вали», «Шах» и «Амир» (наместник, царь и эмир, соответственно). Так как он в стихотворении называет себя Саидом, так его и прозвали Саидом:

Ниматуллах опьянен, с кубком вина в руках,
Остаться навечно приятно среди пьяных.
Являюсь Саидом руин и собеседником любви,
Краешка страны своей миру не продам. [46,32]

Относительно места рождения Шах Ниматуллаха Вали Кирмани существуют различные мнения, однако учитывая, что его отец был одним из выдающихся арабов, то местом его рождения считаем город Алеппо (Халаб, Сирия) и ссылаемся в этом на трактат Абдураззока Кирмани: Как он сам говорит, «Вода и воздух Кирмана соответствуют моим желаниям», однако достоверным местом его рождения был город Алеппо- Халеб, об этом сам Шах Ниматуллаха пишет:

Муддате будам мучовир дар Ачам,
Чадди ман осуда дар шахри Халаб [1,10].

Был в одно время по соседству с
Аджамом, Хотя родом я из страны арабов.

Так как одним из важных источников исследования жизни и творчества Шах Ниматуллаха Вали является антология Абдураззака Кирмани, современника поэта, который с согласия самого Шах Ниматуллаха Вали, описал его биографию. В антологии Абдураззака и Кирмани отмечаются, что в период жизни поэта были составлены еще две анлогии, одна из которых называется «Трактат о путешествиях Шах Ниматуллах Вали» («Рисола дар сайри Шохнеъматуллохи Вали»), автор - Абдулазиз Шермалики Воизи [1,27].

Помимо этого подробную информацию можно извлечь в таких книгах, как «Бустон-ус-сайёха» («Цветник странствий»), «Тароик-ул-хакоик», «Риёз-ул-орифин» («Воздержание суфия»), «Номаи Донишварон» («Письмо ученых») и других источниках.

Важно подчеркнуть, что относительно времени и места рождения Шах Ниматуллаха Вали в литературных и исторических источниках нет конкретной информации. Лутфалибек Озар в своей антологии «Оташкада» («Храм огнепоклонников») дату рождения Шах Ниматуллаха Вали относит приблизительно к 730-731 годам хиджри. Автор антологии пишет: «Сайид Нуриддин Шах Ниматуллах Вали ибн Абдулла ибн Мухаммад ибн Абдулла ибн Камолиддин Халаб Кухбинон Кирмони является основоположником, так называемого образа жизни нематуллохия в мистицизме, и родился в четверг 22-го в 7-ой месяц по лунному календарю 730 или 731 году в городе Халаб» [28,345].

В другом источнике, известном под названием «Таърихи Кирмон» («История Кирмана») датой рождения Шах Ниматуллаха Вали называется 731 год хиджри: «его прозвище - Нуриддин, предки проживали в провинции Халаб. Сам тот господин родился в Язде в четверг 22-го в 7-ой месяц по лунному календарю в 731 году» [3, 174].

Абдуррофе Хакикат в своей книге «Таърихи ирфон ва орифони эронӣ» («История мистицизма и иранские мистики») называет дату рождения поэта четверг 22-го в 7-ой месяц по лунному календарю в 731 году: «Сайид Нуриддин сын Абдуллаха сын Мухаммада сын Абдуллаха сын Камолиддина Яхя Кухбинон Кирмони, известный по имени Шах Ниматуллах Вали, является известным основателем религиозного течения Шах Ниматуллах Валихия в суфизме и родился в четверг 22-го месяца раджаб 730 или 731 года хиджри в Халабе» [5,345].

Его предки были родом из Кахистан Хорасана. Отец мигрировал из Кахистана в Кедж и Макуран и согласно договоренности с повелителями чабанов, остался в Кухбинон Кирмон, где в четверг 22-го в 7-ой месяц по лунному календарю в 731 году хиджри и родился Шах Вали [1, 19]. Как явствует из вышеприведенных информации, большая часть источников дату рождения поэта считают 730–731 годом хиджри, но нигде не указано конкретно.

Вместе с тем автор трактата «Сайри Шохнеъматуллохи Вали» («Путешествие Шах Ниматуллах Вали Вали») Шермалик Воизи со слов самого поэта пишет «Дол бар валодати ман зол малфуз аст», то есть дата рождения считается 731 год хиджри» [99, 15]. Исходя из этого, можно предположить, что год рождения поэта 731 ровен 1331 году нашего летоисчисления.

Между учеными есть расхождения не только по поводу времени рождения, но и места рождения. Шермалик Воизи пишет, что «Поэт родился в городе Халабе, его мать относилась к сословию персидских чабанов, а отец был выходцем из Халаба» [79,26]. Автор книги «Риёз-ул-орифин» местом рождения поэта называет горный массив Герата, а в произведении «Бустон-ул-саёҳа» указан город Кухбанон.

Другого мнения придерживается Забеуллах Сафо: «Предки Шах Ниматуллах Вали проживали в городе Халаб. Его отец мигрировал из Халаба в район Кеджу Мукрон, где, заключив брак с дочерью одного из персидских

эмиров сословия пастухов, связал себя родственными узами с этим сословием и остался жить в Кирмане. Шах Ниматуллах Вали родился в этом городе в 730 или 731 годах» [66, 229].

Таким образом, одна часть источников считают поэта уроженцем города Халаб, а другая уроженцем иранского Кирмана и Махан.

Хамид Фарзом в «Тахқиқ дар ахвол ва накди осору афкори Шохнеъматуллоҳи Валӣ» («Исследование жизнедеятельности, произведений и учения Шах Ниматулло Вали») приводит больше сведений о жизни поэта, отрицая утверждение, что поэт родился в иранском Кирмане: «Бесспорно можно сказать, что место рождения Шах Ниматуллах Вали является известный город Халаб, а не Кирман. Авторы антологий и писатели, жившие и творившие 3 века назад, ошибались в этом вопросе» [79,27].

Существуют также другие источники, в которых местом рождения поэта указан город Халаб. Есть мнение, что его мать относилась к сословию пастухов Фарса, а отец являлся уроженцем города Халаб. Это мнение подтверждают следующие строки стихотворения самого поэта:

Нематуллох Нуриддин дорам лакаб,
 Нури дин аз Неъматуллох металаб.
 Муддате будам мучовир дар Ачам,
 Гарчи аслам бошад аз мулки Араб.
 Ман мучовир холиё дар мулки форс,
 Чадди ман осуда дар шахри Халаб [1,9].

Мое прозвище Ниматуллах Нуриддин,
 От Ниматуллаха ожидают света религии.
 Некоторое время я проживал в Аджаме,
 Хотя родом я из страны Аравия.
 Сейчас я живу на земле Персии,
 Мои предки покоятся в городе Халаб.

Известный востоковед Эдвард Браун считает дату рождения поэта 730 хиджри/1329 год н.э., а местом рождения указал город Халаб и отметил, что Шах Ниматуллах Вали большую часть детства провел в этом городе [12, 684]. Следует отметить, что, многие исследователи придерживаются мнения, что родным городом и местом рождения Шах Ниматуллаха. Вали является город Халаб.

Мы солидарны с этим мнением и считаем, что поэт родился ни в Кимроне, а в Халабе. Сам поэт в своем стихотворении тоже признает свою мать персиянкой и говорит, что его предки (поэт имел в виду свой род по линии отца) из города Халаб, но мать уроженка Аджамы:

...Муддате будам мучовир дар Ачам,
Гарчи аслам бошад аз мулки Араб... [1,29].

Некоторое время жил в Аджаме
Хотя родом сам я из Аравии...

Забехулла Сафо отмечает: «Сайид Нуриддин Шах Ниматуллах Вали ибн Абдуллах ибн Мухаммад Кухбанани Кирмани по происхождению был Сайидом хусейнидов и связывал его род с имамом Мухаммадом Бокиром» [66, 299].

Происхождение поэта, как отмечается в антологиях и источниках, относится к Пророку Расулу (Мухаммаду) в 19 колене. Относительно полного имени поэта Абдурраззак Кирмони, опираясь на стихи поэта:

Неъматуллоҳам ва аз оли расул,
Марҳами орифони раббонӣ.
Қурратульайни Мир Абдуллоҳ,
Муршиди вақту пири рӯхонӣ.
Падари он Муҳаммади Сайид,
Ки набудаш ба ҳеч ру сонӣ.
Боз султони авлиёи ҷаҳон,
Мир Абдуллоҳ аст, то донӣ.

Пири комил Камолиддини Яхё,
Сайиди маснади сулаймонӣ.
Падараш Ҳошим асту ҷадд Мусо,
Модараш шоҳзодаи сомонӣ.
Дигар он Ҷаъфари хучасталико,
Авчи маҳзу латифу нуронӣ.
Сайидсаллоҳ асту Аҳмад ном,
Ҷамъ мебуд аз парешонӣ.
Пас Муҳаммад, ки назди ҳиммати ӯ
Муҳтасар буд олами фонӣ.
Боз Ҷаъфар, ки буд олиқадр,
К-он эҳсони баҳри ирфонӣ.
Пас Ҳасан, пас Муҳаммад, он Сайид,
Рӯҳбахшандаи суханронӣ.
Подшоҳи мамолики дониш,
Ҷаъфари акбар аст хоқонӣ.
Шоҳи содот Сайид Исмоил,
Офтоби сипехри субҳонӣ.
Абуабдуллоҳ, он ки рӯҳи амин
Гуфт ӯро, ки ҷумларо ҷонӣ.
Боз имом Муҳаммади Боқир,
Муҳарриби қуфру динро бонӣ.
Падари ӯ Алӣ ибни Ҳусайн,
З-он, ки з-ин алъибод мехонӣ.
Боз имоми ҳақ Ҳусайни шаҳид,
Нури чашми Алии имронӣ.
Он васии расул ба амри Худо
Волии мулкати сулаймонӣ [1, 20-25].

Я Неъматуллах из великих,
Милостью божьей.
Свет очей Мира Абдуллоха.
Отец его Мухаммад Сайид,
Каких не было никогда.
Мир Абдуллох был еще
Известным святейшим, чтобы ты знал.
Отец его Хошим, дед – Мусо,
Мать – принцесса самандская.
Другой Джаъфар луноликий,
В рассвете изящества и света.
Имя его Сайидсаллох Ахмад,
Объединил всех вокруг.
А еще был Джафъар великий,
Дар для мира мистики.
Затем Хасан, а после Мухаммад,
Он Сейид, вдохновитель слова.
Правил миром знания,
Великий хаканский Джафъар.
Мир Мухаммад, слуги которого,
Правят миром.
Царь святейший Сейид Исмаил,
Солнце святое на заре.
Абуабдуллох, верный дух
Сказал ему, что он в числе родных.
Еще Мухаммад Бокир,
Уничтожающий безбожье.

Его отец – Али ибни Хусайн,
 Еще имам правды раб Хусайн,
 Свет очей Али.

Тот святой поэт по велению Всевышнего
 Наместник святого мира

отмечает, что его полное имя: «Шах Ниматуллах Вали ибн Абдуллах ибн Мухаммад ибн Абдуллах ибн Камолиддин Яхя ибн Хашим ибн Муса ибн Джафар ибн Сале ибн Мухаммад ибн Джафар ибн Алхусайн ибн Мухаммад ибн Исмаил ибн Абуабдуллах ибн Мухаммад Бокир ибн Зайнулобиддин ибн Хусайн ибн Али...» [1, 17].

В нижеприведенном кытъя, поэт сообщает о своем происхождении и указывает на родство с пророком Мухаммадом в девятнадцатом поколении:

Нуздахум чадди ман расули Худост,
 Ошкорост, нест пинхонй [1,26].

Мой девятнадцатый предок - пророк,
 Это очевидно, не является тайной.

В этих строках, как мы наблюдаем, поэт несколько раз приводит слово «сейид», с намеком на то, что он представитель рода Пророка Мухаммада и Имама Али:

Неъматуллох бувад пири валй,
 Ёдгори Мухаммад асту Алй [68,69].

Ниматуллах является гуру (наставников) Вали,
 Он память о Мухаммаде и Али.

Следует отметить, что определение генеалогического древа Шах Ниматуллаха Вали имеет определенную ценность для нашего исследования, так как летописцы, описывавшие личность какого-либо поэта, имя которого касалось имени Шаха Ниматуллах Вали, обязательно указывали на исследуемого нами поэта. Например, автор книги «Антология Насрободи»

(«Газкираи Насрободӣ») Мухаммад Тахир Насрободи, описывая личность Музаффара Хусайна Мирзо пишет: «Наместник индийского правителя Санджара Мирзо являющийся по материнской линии покойного царя Шаха Тамопса по отцу имеет родственное отношение к султану Шах Ниматуллаху Вали:

Ба рӯзгор аз он рӯ саромадан эшон,
Ки дар насаб зи ду чониб ба офтоб расанд|| [79, 43].

По жизни он относится к выдающимся деятелям,
По генеалогии с обеих сторон исходит от солнца.

Хандамир в своей книге «История характера приятеля» («Таърихи хабиб-ус-сияр»), представляя сведения о Мавляна Ахли Ширази, подчеркивает, что —и тот почтеннейший являясь звеном в цепочке великого рода Сайида Ниматуллаха Вали был зафиксирован, как единца его благочестия и продолжения в событиях, связанных с жизнью хокона Саида Шохруха Мирзо|| [77, 354].

Шах Ниматуллах Вали обладая острым и пытливым умом и высоким интеллектом, в детстве выучил Коран. Относительно получения им божественной милости, высочайшего таланта и дара отмечается в его диване. Тому свидетельством может служить приведенный ниже бейт из стихотворения поэта:

Маро илме, ки андар сина доданд,
Яқин медон, ки он дар сӣ надоданд.
Ба се ҳоле маро гардид маълум,
Ки шайхи чилларо дарсе надоданд [2, 56].

Наука, которую вложили в грудь мою (в меня),
Поверь, мне далась не в тридцать лет.
В трех случаях мне стало известно,
Что уединившегося (на сорок дней) шейха не обучали ничему.

Шах Ниматуллах Вали наизусть знал знаменитое мистическое наследие своего времени, в том числе, «Мирод ал-ибод» Наджуддина Дои, «ал-Ишорот» Авиценны, и особенно «Фусус ал-хикам» -и Мухайиддин ибн ал-Араби. Поэт в своем трактате, который был написан как комментарий к бейтам «Фусус ал-хикам», отмечает:

Калимоти «Фусус» дар дили мо,
 Чун нигин дар мақоми худ биншаст.
 Аз Расули Худо расид ба мо,
 Боз аз рухи ӯ ба мо пайваст [1,35].

Слова —Фусус| в наших сердцах,
 Как драгоценный камень (в кольце) заняло свое место.
 Они (слова эти) снизошли к нам от Пророка Творца,
 И вновь от Его лика соединились с нашей душой.

В связи с тем, что отец поэта занимался мистикой и достиг в этом учении определенных успехов, поэт с детства прекрасно понимал его суть, содержание. Поэт с малых лет проявлял необычайный дар и талант в осмыслении мистических слов и терминов. Поскольку его отец был одним из известнейших суфиев своего времени, его занятия в этом учении не прошли бесследно и для его сына – Шах ниматуллаха. Не смотря на малый возраст сына Мир Абдуллах постоянно брал его с собой на собрания мистиков-суфиев. Конечно же, в результате этого мир мистиков навсегда вселился в сердце маленького Шах Ниматуллаха Вали.

Безусловно, можно сказать, что первым наставником, который ввел будущего поэта и ученого в мир мистицизма, был именно его отец. Позже, задавшись целью совершенствовать свои познания в мистицизме, Шах Ниматуллах Вали обратился к известнейшим ученым того времени. Вот какими словами описывает поэт свою безграничную любовь к миру мистиков:

Соли умрам бист ӯ худ бешу кам,
 Нури ирфон аз дилам мезад алам [46,59].

Возраст жизни моей достиг двадцать или меньше тому лет,
Но в сердце моём пылал ярко мистицизма костра свет.

Первым наставников Шах Ниматуллах Вали был Шейх Рукниддин Шерози. Затем поэт обращается к Шамсиддину Макки, далее, он изучает теологию у Сайида Джалолиддина Хоразми.

Автор трактата «Путешествие Шах Ниматуллах Вали» («Сайри Шохнеъматулло») указывает на то, что «теологию, также трактат «Ал ибод» Шейха Наджмиддина Дои, тексты «Фусус ал-хикам» Ибна Араб и «Ишорот» Авиценныон поэт изучал у Кози Яздиддина» [99, 56]. На это указывает, и сам поэт в следующем бейте:

Қонуни илми куллу кашшофи акли кулл,
Ҳарфе зи дафтари вараке аз китоби мост [46, 84].

Закон науки и полное исследование разума,
Буква из тетради и листок из нашей книги

Позже Сайид Шах Ниматуллах Вали стал брать уроки у Шамсиддина Макки, Сайид Джалолиддина Харезми, и Шейх Рукниддина Ширази. Его особо привлекали беседы на религиозные темы, суфийские путешествия, в которых он занимался поиском себя. После путешествия в Иран Шах Ниматуллах Вали направился в арабские страны, где проводил полезные беседы с шейхами и известными личностями своего времени, такими как Сайид Ихлоси и Кутбиддин Рози. Шах Ниматуллах Вали не признавал путешествие последователей суфизма без духовного наставника и поэтому сам искал себе учителя:

То нагирӣ домани мақсуд ба даст,
Кай зи гумроҳӣ тавонӣ боз раст.
Роҳ биёбон асту ту гумроҳ, кучо
Роҳ тавонӣ бурд бе марди Худо [2,87].

Пока не схватишь подол своей цели руками,
 Как сможешь ты избежать заблуждений.
 Дорога как пустыня, а ты заблудший,
 Как сможешь найти путь без наставника Божьего?

Но результаты бесед с вышеназванными шейхами не удовлетворяли Шах Ниматуллаха Вали, он не мог найти ответа на свои вопросы и, тогда поэт отправился на служение к Шейху Абдуллаху Ёфеи в Мекку, где и достиг поставленной цели.

Изучая диван поэта можно заметить, что поэт около 400 бейтов и газелей посвятил восхвалению Пророка Али. Несмотря на то, что поэт был последователем шиитской ветви Ислама, он с уважением относился и к другим исламским течениям. Поэт уважал, все религии и в своих стихах упоминал их с почтением:

Чахор ёри расуланд дўстони Худо,
 Ба дўстии яке, дўст дорашон хар чахор [2, 87].

Четыре праведных пророка - друзья Бога,
 Полюбив одного, люби и всех четверых.

В антологиях, составленных в различных годах, отмечается любовь поэта к роду пророка. Например, Сом Мирза Сафави в своей знаменитой антологии «Подарок Соми» («Тӯҳфаи Соми») упоминая имя Мир Абдулбоки, пишет: «он является из рода Нуриддина Шах Ниматуллаха Вали, который не требует восхваления». Затем в качестве примера приводит это двустишие, в котором указывается на родство с Шах Ниматуллахом Вали и твердое почитание предков:

Гули бустон бани Фотима Абдулбокӣ,
 К-ояд аз ў накҳати бўи набии мурсал [46, 54].

Цветок в саду Фатима Абдулбоки,
 От которого исходит благоухание пророка.

Также в трактате «Положение и состояние» («Маротиб-ул-холия») пишет, что «К пророку относятся четыре опоры, Абубакр, Умар, Усман и повелитель всех правоверных Али...» [79,134]. Так как поэт много путешествовал и встречался с людьми различных общин, отвечал на вопрос тех, кто спрашивал о его религии, таким образом:

Пурсанд зи ман чй кеш дорй,
 Эй бехабарон, чй кеш дорам.
 Чун Шофеиву Абуханифа,
 Оини хеш пеш дорам.
 Эшон хама бар тариқи чадданд,
 Ман мазхаби чадди хеш дорам [79,54].

Спрашивают меня о моей религии,
 О, несведущие, какая у меня религия.
 Подобно Шафеи и Абуханифа,
 Придерживаюсь своей религии.
 Все они почитают религию предков,
 Я следую религии своих предков.

1.3. Странствия и подвижническо-аскетическая жизнь Шах Ниматуллаха Вали

Шах Ниматуллах Вали определённую часть своей жизни провел в путешествиях. В этих путешествиях его привлекали встречи с мудрецами, в беседах с которыми он искал путь Истины. В «Истории Кирмана» («Таърихи Кирмон») и «Царские сокровища правителя Махана» («Ганчинаи подшоҳии Шоҳи Моҳон») и других источниках описывается его маршрут, который немаловажен для нашего исследования. Это позволит понять мировоззренческие установки поэта:

- Карбала, гробница счастливого мученика Хусейна;
- Город Наджаф, место паломничества к Али;
- Египет и посещение высокочтимых людей этой земли;
- Мекка, место паломничества к шейху Абдуллаху Ёфеи, который провел семь лет в этом городе;
- Самарканд и встреча с эмиром Тимуром;
- Путешествие в Мешхед в 790 лунный год хиджры;
- Герат и вступление в брак с дочерью Сайида Хамзы Хусейна;
- Кухбанон и семь лет жизни там;
- Язд, проживание в селе Тафт и путешествие в Бофик;
- Возвращение в Кухбанон;
- Гувашир, столица Кимрана;
- В Махане до конца жизни

Поэт в своем диване очень часто указывает на эти путешествия. К примеру, в этом стихотворном отрывке:

Солхо дар сафар ба сар гаштем,
 Ошиқона ба баҳру бар гаштем.
 То бубинем нури дидаи худ
 Пой то сар ҳама назар гаштем,
 Гирд бар гирди нуктаву ҳадис,

Ҳамчу паргор паи сар гаштем.
 Ошиқу масту лобалоивор
 Дар паи дӯст дар ба дар гаштем [2,67].

Многие лета мы провели в путешествиях,
 Наслаждаясь, странствовали по морям и сушам.
 Чтобы узреть свет, исходящий из наших очей
 С головы до ног превратились мы во взор,
 Кружа вокруг точки отсчета и хадисов,
 Мы словно циркуль вращались в своей оси.
 Влюбленные и пьяные стеная
 В поисках друга по свету скитались.

Упоминания о том, как поэт «странствовал по морям и сушам» мы можем прочитать и в другой газели:

Муддате гаштем гирди бахру бар,
 Файри нури ӯ наёмд дар назар [2, 67].

Некоторое время странствовали по сушам и морям,
 Кроме света от Его лика ничто не виделось нашим глазам.

Забеуллах Сафо так описывает аскетический образ жизни Шах Ниматуллаха Вали Вали: «Сайид после долгих познаний и освоения наук начал вести аскетический образ жизни. Он отправился в Египет и страны Магриба, Мекку и Медину, Балх и Мевараннахр, в Самарканд, где посетил известных шейхов этих городов. В дальнейшем поэт путешествовал по Кирману, Персии, Хурасану, Язду. В Кирмане и в Махане, построил обитель, баню и возвел сад. После приглашения Мирзо Искандара ибн Тимура, он отправился в свое последнее путешествие в Шираз» [59, 289].

Далее, кратко рассмотрим его маршрут странствий.

Путешествие в Карбало и Наджаф. Первые путешествия Шах Ниматуллаха Вали лежали в эти города. Как видно из откровений поэта,

основной целью путешествий было посещение гробниц мученика Хусейна ибн Али и эмира праведников Пророка Али [79, 165]. Согласно словам автора книги «Храм огнепоклонников» («Оташкада») это рубаи в похвалу Али, было написано Шах Ниматуллаха Вали именно в городе Наджафе:

Он шох, ки ў қасими нор асту чанон,
 Дар мулку ва мулук сохиби сайф асту синон.
 Мулки ду чаҳон мусаххари ўст, бале
 Онро ба синон гирифту инро ба се нон [2,87].

Тот повелитель, который является частицей пламени и сердца,
 Во власти и правлении является обладателем меча и копья.
 Страны двух миров покорены им, это так, но
 Одну он завоевал остием копья, а другую хлебом насущным.

Путешествие в Мекку. Самым продолжительным было путешествие в Мекку, которую он осуществил в 754 лунный год хиджры, когда поэту было 24 года. В это время шейх Абдуллах Ёфеи занимался преподаванием и напуствием своих муридов в мечети Мекки и Шах Ниматуллах Вали также вступил в число его муридов и на протяжении семи лет провел свою жизнь на службе у шейха

Абдураззак Кирмони, так написал об этом путешествии, со слов Шах Ниматуллаха Вали: «... В один ин чудесных дней безумец распространил в городе Миср прошел слух о безумце, который вот уже на протяжении многих лет горит в пламени небытия и собрав сокровища знаний отрешился от всякой радости сведения счетов. Когда я пришел к нему, чтобы поговорить с ним, после наблюдения я обратил внимание на то, что он был в бессознательном состоянии, пламя потухло и от его бытия не осталось и следа. Я понял, что он овладел этим знаком, и я направился в священную Мекку. Как только вошел в мечеть я увидел человека, который занимался преподаванием пророческих хадисов. Как только ступил в это святилище, я

почувствовал себя каплей, а его нашел как реку.... Я протянул ему руку благосклонности и вступил под его покровительство» [1, 37].

Шах Ниматуллах Вали после семи лет служения в Мекке шейху Ёфе направился в **Египет**. В Египте поэт встречался с одним из величественных людей той земли, которого звали Кутбиддин Рози, также посетил шейха Хусейна Ихлоси. Автор «Ганчинаи подшоҳии шоҳи Моҳон» пишет по этому поводу: —Из редкостных достопримечательностей Египта есть несколько пещер, в том числе Джабалбуш на юге страны. Камень пещеры белого цвета и на входе арабской вязью выгравировано, что Шах Ниматуллах Вали вел аскетическую жизнь в этой пещере, прожив более трех лет. Длина пещеры составляет примерно сто шагов. Говорят, что Шах Ниматуллах Вали жил в этой пещере, и ее смотрители Бобохаджи Али и Бобохаджи Лутфаллах увидев некоторые чудеса и явления стали последователями Шах Ниматуллаха Вали ...» [78,60].

После возвращения из Египта в 757 лунном году хиджры поэт отправился в Табрес и остановился в местечке Сароб. Здесь он познакомился с молодым Саидкасымом Анвором. Поэт упоминает об этом, «...ко мне привели юношу, который по возрасту был несовершеннолетним, но я не видел такого одаренного как он [78,63]. По утверждению некоторых исследователей, Шах Ниматуллах Вали впервые принял отшельничество в праведных горах Балха. Давлатшах в «Газкират-уш-шуаро» по этому поводу пишет: «... успех почтеннейшего святого начался в горах Сафо, которая находится в Балхе. И эта горная местность является благословенной и благоприятной, и он провел там сорок дней». По этому поводу он указывает:

Зохирам дар Қаҳистону ботинам дар кӯхи Соф,
Сӯфиёни софро сад мархабо бояд задан [79, 151].

Внешне я в Кахистане, а внутренне в горах Соф,
Мистиков Софа следует восхвалять сотни раз.

Мурзомухаммад Али Мударриси Табреси в трактате «Райхонат-ул-адаб» и Маъсумалишах Ширази в «Тароик-ул-хакоик» также подтверждают сказанное и описывают его испытания в Балхе.

После длительных путешествий Шах Ниматуллах Вали прибыл в Самарканд и обосновался недалеко от него - в Шахрисабзе. Шах Ниматуллах Вали построил там мечеть, в которой проводил пятничный намаз. Относительно проживания Шах Ниматуллах Вали в Самарканде в антологии «Царские сокровища правителя Махана» («Ганчинаи подшоҳии шоҳи Моҳон») от имени Шах Дои указывается следующее: «... однажды, когда в пещере большой горы Самарканда осенью придавались богослужению и уединению, пошел сильный снег и вход в пещеру замело. Тот Пророк остался в пещере, чтобы провести там всю зиму и часть весны. Группу охотников, находящихся на охоте в тех местах застигла ночь, а также холодная и дождливая погода. Охотники хотели укрыться от ненастья и расчистили от снега вход в пещеру. Войдя внутрь они увидели огонь и сидящего на молитвенном коврике того Пророка, взор которого был обращен в сторону киблы. Охотники удивились увиденному и решили обратиться к нему после молитвы» [78,120].

Автор «Риёз-ул-орифин» пишет, что гора Соф, которая находится в районе Балха, была выбрана поэтом местом богослужения. Но другой автор книги «Маноқибӣ Ҳазрати Шоҳнеъматуллоҳи Вали» указывает на то, что большая часть богослужений Шах Ниматуллах Вали прошла у горы Соф провинции Самарканд, которая известна под именем пещера влюбленных. Неизвестно, эта пещера так называлась изначально, или получила это название после того, как сюда пришел поэт и начал свое богослужение. Может по этой причине гора получила такое название.

Летописцы указывают, что тюркские эмиры, проживавшие в Самарканде, предупреждали поэта о том, что зима на этой горе очень холодная, и невозможно схрониться от стужи в пещере. Но Шах Ниматуллах Вали не придал перменилась погода, тюркские вельможи пришли навестить

поэта. Они были уверены, что не застанут его живым, но, очистив вход в пещеру от снега и войдя в неё, нашли поэта в здравии во время богослужения. Таким образом, все эмиры и высококочтимые мужи Самарканда стали приверженцами Шах Ниматуллах Вали. Это вызвало зависть эмира Тимура, из-за чего он был готов изгнать его из города, устроил заговор против поэта, чтобы очернить его имя в глазах других поэтов.

Мухаммад Расо в введении «Диван стихов Шах Ниматуллах Вали» («Девони ашъори Шохнеъматуллоҳи Валӣ») так описывает встречу поэта с эмиром Тимуром: «Как только до амира Тимура дошли слухи о недовольстве народа по поводу выдворении из города Шах Ниматуллах Вали и о массовом скоплении на процессе покаяния поэта, из-за боязни перед многочисленными его учениками и поддержки со стороны людей, эмир Тимур пригласил его в Герат. Сайид Шах Ниматуллах Вали подчинясь воле эмира выехал в Герат и остановился там на некоторое время. Он постоянно само совершенствовал, стремясь направить народа на истинный путь. В результате, большинство ученых из дворца султана перешли на сторону последователей поэта, что привело к раздражению и озлоблению эмира Тимура, и тогда решил опросить поэта и устроить ему проверку на прочность. Однажды в споре с Шах Ниматуллах Вали он заявил: «...вы известный аскет в округе, являетесь собеседником моих дворцовых ученых и военачальников, а едите подозрительную еду?» Поэт с усмешкой ответил:

Гар бигирад хун чаҳонро мол мол,
Кай хӯрад марди Худо илло ҳалол [42, 6].

Если мир даже весь мир будет утопать в крови,
Разве раб Бога будет есть, кроме как халял.

Этот ответ настроил эмира против поэта еще больше, он продолжил устраивать испытания один за другим, например, приказал слуге, силой отобрать овцу у кого-либо, убить ее и приготовить из нее блюдо, и пригласил Шах Ниматуллах Вали для проведения беседы за обедом. Как только они

вместе сели за скатерть, султан часть своей еды поставил перед Шах Ниматулахом Вали. После обеда амир Тимур сказал:

«Ты знаешь, что эта за еда? Ты съел беззаботно пищу, приготовленную из мяса овцы, силой отобранную у бедной старухи и признал ее дозволенной?» Затем рассказал о том, что овца была отобрана силой у бедной старушки, но Шах Ниматуллах Вали потребовал, чтобы привели женщину, видимо, под этим что-то кроется. Эмир Тимур приказал привести ее, чтобы услышать от нее самой всю правду. Старушка сказала:

«Государь, у меня был сын, который уехал в Сарахс и некоторое время я о нем ничего не слышала. До меня доходили лишь ужасные новости. Я дала себе зарок, что если он вернется живым, то я принесу в жертву овцу во имя Шах Ниматуллах Вали. Вчера мой сын вернулся живым и здоровым, и как обещала, я несла овцу этому достопочтенному мужу. Но слуги шаха, несмотря на мои взывания, отобрали у меня овцу и принесли во владения повелителя». Эмир Тимур, услышав рассказ, покраснел от стыда и попросил прощения у Шах Ниматуллаха Вали, так он стал одним из его последователей» 42,8].

Шах Ниматуллах Вали также имел много последователей и в Туркестане. Как пишет автор книги «Полезное общество» («Чомеи муфидй»): «В один день девяносто тысяч турков присягнули на верность поэту: один давал ему руку повиновения, а другой хватался за его подол, который уже протерся...» [62,43].

Во всяком случае, Шах Ниматуллах Вали во второй год правления тимуридов приехал в Иран и приобрел массовое признание в Самарканде и Герате. Тимур, проводивший в то время политику предоставления площадки и помощи высокопоставленным, защищал поэта. «...Но после некоторого времени его стал беспокоить возрастающий авторитет поэта, и со словами «два правителя не смогут ужиться в одном городе», выпроводил Шах Ниматуллах Вали в Кирман. Поэт до конца своей жизни прожил в Махане. Он усовершенствовал религиозное течение Ибн Араби, который брал свои

истоки от магрибского мистицизма и отличался от иранского варианта, стал развиваться по всему Ирану» [79, 189]. Шах Ниматуллах Вали через какое-то время проживания в Самарканде отправился в Марв. В Марве он остановился у Закария Боги и неподалеку построил свою обитель, затем направился в Мешхед. Во времена проживания в Мешхеде поэт прибыл в Герат, где женился на дочери Хамзы Хусайна. Это событие имело место между 771 – 775 годами. Хамид Фарзом по этому поводу в своем произведении пишет: «Шаху Ниматуллах было 44 года когда он женился» [79,31]. После определенного времени проживания в Герате, Шах Ниматуллах Вали отправился в Кухбанон, где провел 7 лет своей жизни. Именно в этом городе родился его сын Халиллах, который после смерти поэта руководил течением своего отца. Поэт в своем стихотворении воспеваает своего сына так:

Эй ба нури рӯи ту равшан ду чашми ҷони ман,
 Эй Халилулоҳи ман, фарзанди ман, бурҳони ман.
 Шамъи базми ҷони ман аз нури рӯят равшан аст,
 Бод равшан доиман чашму ҷароги ҷони ман.
 Муддати ҳафтад сол аз умри ман бигзаштааст,
 Ҳосили умрам туй, эй умри ҷовидони ман [46,89].

Взор моей души становится светлым при виде тебя,
 Мой Халилулах, мой сын, моё доказательство и стимул.
 Свеча пиршества моей души становится ярче от лучей твоего лица,
 Пусть всегда будет светлым мои очи и душа.
 Прошло семьдесят лет моей жизни,
 Плод моей жизни ты, ты моя вечная жизнь.

Из Кухбанона поэт отправился в Язд и остановился в городе Тафт, где также построил себе обитель с мельницей и садом. В произведении «Цветник путешествия» («Бустон-ал-сайёҳа») указано, что жители Язда не одобрили нахождение Шах Ниматуллах Вали в их городе из-за религиозных соображений. Они начали преследовать поэта и наконец изгнали его оттуда.

Когда поэт покинул Язд, отправился в Тафт и выбрал себе красивое место для проживания посреди реки, отстроил обитель и на входе написал следующее: «Лико ал-махчуб сафо ал-кулуб». Говорят, что эту обитель построил эмир Тафта Султан Искандар, как уединенное место для встреч поэта с его последователями. В книге «Ганчинаи подшоҳии шоҳи Мохон» («Королевская сокровищница шаха Мохон») эта обитель описывается так: «Обитель сей в стиле Каабы, подобный цветнику построен для высокочтимых гостей, это прекрасное место, с чистым воздухом на которое, ниспадает лунный свет... многие из султанов, проживающие недалеко от Мекки и Медины, путники Ирака и Хурасана, прибывающие из Арабистана и Туркменистана приезжают в эти места ради беседы с поэтом и, чтобы получить его благословения». Тот Пророк говорил, что прекрасная погода, мудрость и чистота народа этих двух стран сделали нас местными жителями, притягивая то для проживания в Кухбанон то для обращения внимания на Тафт [78, 136]. Шах Ниматуллах Вали отправился в Шираз по приглашению и по воле Мирзо Искандара ибн Умара. Это путешествие произошло между 812 – 813 лунных годов хиджри. В «Таърихи Кирмон» указано, что Шах Ниматуллах Вали после двух лет проживания в Махане вместе с сотней дервишей отправился в путешествие в Шераз, которое длилось шесть месяцев [3, 253]. В диване поэта тоже об этом указывается:

Ба ҳар ҳоле, ки пеш ояд, хаёли нақш мебандам,
 Аз он рӯ чун гули хандон ба рӯяш боз механдам.
 Чу сармастон ба майхона дигар бора дар афтодам,
 Ҳубоби зӯҳд риндона зи пеши худ барафкандам...
 Мақун даъвӣ маро, шоҳо, ба Шерозу ба Исфаҳон,
 Ки дорам бо хуре майлеву чӯёи Самарқандам.
 На унсиям, на чинниям, на аршиям на фаршиям,
 На аз Булғӯору аз Чинам, магар аз шахри Узкандам.
 Чу ғайри ӯ намеёбам, ба ғайре дил кучо бандам,
 Гаҳе бар тахти Моликдору гаҳ бар кӯхи Алвандам [46, 87].

В каждом случае, когда приходят мысли я планирую,
 Поэтому, как распустившийся бутон, улыбаюсь взору их.
 Как опьяненные заново попал в кабак,
 Пузыри отшельничества хитро отодвинул от себя...
 Не претендую я мой господин ни на Шераз, ни на Исфаган,
 С огромным счастьем склонен вспоминать о Самарканде,
 Я не влюбленный, ни безумный, ни небесный, ни земной,
 Не из Болгарии я не из Китая, я выходец из города Узканд.
 Поскольку я не найду такого города, к чему мне привязаться,
 Порою я на троне Моликдора, порой на горе Алванд.

Из дивана Шах Ниматуллах Вали и из сказаний летописцев становится явным, что у поэта в Ширазе было много учеников и величественные мужи той страны, в том числе царь Мирзо Искандар были его последователями. Как приводится в одной из газелей поэта:

Хотирам мекашад сӯи Шероз,
 Мурғи чон боз мекунад парвоз [79,87].

Мои мысли тянуть меня в Шираз,
 Птица моего сердца устремляется в полет.

Или в другой газели пишет:

Бандаи турки сархуши хешем,
 Сайиди ошиқони Шерозем [79,97].

Мы рабы веселых турков,
 Но счастливые влюбленные Ширази.

Это указывает на уважение, которым пользовался Шах Ниматуллах Вали среди населения, многие из которых были его последователями. Говорят, что во время путешествия поэта в Шираз, некоторые из шейхов и поэтов, в том числе Хафиз Ширази тоже находились в служении у Шах

Ниматуллах Вали. Об этом существует газель в диване поэта, там он указывает на то, что Хафиз Шерази вступает в полемику с Шах Ниматуллах Вали. Шах Ниматуллах Вали:

Мо хокро ба назар кимие кунем,

Сад дардро ба гӯшаи чашме даво кунем [79,176].

Мы превращаем песок в лекарство, одним взглядом,

Исцеляя, сто недугов мимолетно брошенным взглядом краюшка глаз.

Ответ Хафиза:

Онон, ки хокро ба назар кимие кунанд,

Ое бувад, ки гӯшаи чашме ба мо кунанд [79,178].

Все те, кто взором своим превращают песок в лекарство,

Удостоят ли нас взором краюшка своих глаз.

Содержания этих бейтов свидетельствуют о том, что двустишие Хафиза – это ответ на газель Шах Ниматуллаха Вали. Но Сайид Нафиси в своей статье «Заимствование слов» («Сухандузди») утверждает, что Шах Ниматуллах Вали использует эти строки в качестве примера [79,180].

1.4. Проживание в Кирмане и последние годы жизни

Шах Ниматуллах Вали после длительных путешествий возвращается в Кирман и остается там. Однажды, в поисках тафрич он отправиться в маханский Сариосиёб. Поговаривают, что старец из-за уважения принес поэту кусок хлеба и кувшин молока и просил его остаться в Махане. Сайид Шах Ниматуллах Вали принял его предложение и остался жить в Махане до конца своей жизни.

Когда Шах Ниматуллах Вали прибыл в Кимран, в местечке Заранд посетил богослова Абдулмаоли Заранди, считавшимся одним из знатных и уважаемых мистиков тех мест. В Махане также поэт воздвиг обитель Хайрабад и красивые сады под названиями Шахдад и Хилват.

Шах Ниматуллах Вали покинул сей мир в возрасте 103 – 104 лет, 22-го 7-го месяца лунного календаря, соответственно 1431 году нашей эры и был похоронен в городе Махан Кирмана. В знак уважения со стороны правителя Дакана амира Султанахмада Бахмани на месте погребения поэта была возведена гробница, строительство, которой завершилось в 840 году. Во времена правления царя Аббаса, в честь поэта были построены множество зданий, которые сохранились и по сей день, став объектом паломничества последователей мистицизма Шах Ниматуллах Валихи [78, 48].

Шах Шах Ниматуллах Вали в некоторых своих стихах указывает на продолжительность жизни и пишет:

Курби сад соли умри ман бигузашт,
Қасди мӯре накардаам ба худо [46, 102].

Прошли достоинства ста лет моей жизни
Но, клянусь Богом, я не обидел и муравья.

Или в другом стихе пишет:

Наваду хафт сол умри хуше,
Бандаро дод Ҳақ поянда [46, 110].

Девяносто семь счастливых лет,
Дал рабу своему Всевышний воистину.

Во многих китъа, двустисьях и даже в отдельных бейтах поэт мечтает о продолжительной жизни, существовании после смерти. В некоторых стихах есть намеки на столетнюю жизнь:

Неъматуллоҳ чон ба чонон доду рафт,
Бар дари майхона маст афтоду рафт.
Қурби сад сола гӯям ҳичрон кашид,
Оқибат аз васл шуд дилшоду рафт...
Неъматуллоҳ, дӯстон ёдаш кунед,
То напиндорӣ, ки рафт, аз ёд рафт.
Орифона дар чахон сад сол зист,
Не чу ғофил дод чон бар боду рафт [46, 113].

Шах Ниматуллах Вали отдал душу любимому, в мир иной ушел,
Упал пьяным в дверях кабака и ушел в мир другой.
Он познал, испив чашу столетней разлуки,
И в наконец, обретя радость воссоединения ушел...
Друзья вспоминайте о Ниматуллахе,
Чтобы чтобы не думали, что он не ушел или его, забыли.
Аскетически прожил он сто лет на земле,
Жил мудро, но отдал душу неожиданно.

Говоря о смерти и продолжительности жизни поэта, отдельные летописцев допускали ошибки. Например, Давлатшохи Самарканди относит дату смерти поэта к 827 году, и считает, что он прожил 75 лет. Но Абдурразак Самарканди обозначил дату смерти 7-ым месяцем лунного календаря 834 года. Автор произведения «История обители в Иране» («Таърихи хонақоҳ дар Эрон») писал, что «25 последних лет своей жизни он провел в Махане Кирмана и его смерть прилась на 834 год» 79, 36].

Саналлах Ниматуллахи в своей книге «Чомеъи муфидй» («Собрание полезности») также называет эту дату и указывает день рождения и смерти четверг 22-го лунного календаря, а возраст указывает 104 года, приводя стих поэта:

Ангуштзанон бар дари чонон рафтем,
 Пайдо будем, агарчй пинхон рафтем.
 Гӯянд, ки рафт Неъматуллоҳ зи чаҳон,
 Рафтем, вале ба нури имон рафтем [46,169].

Ходили мы к любимой, постукивая в её дверь,
 Были наяву мы, хотя ушли тайно (не видно).
 Говорят, что покинул сей мир Шах Ниматуллах Вали,
 Ушли мы, но ушли озаренными светом веры в сердце.

Однако, имеются сведения более близкие к истине, которые привели Эдуард Браун и Хамид Фарзом. Эти их высказывания подтверждаются вышеприведенными стихотворениями самого поэта. То есть, поэт умер 22-го лунного календаря 834 года, соответственно 1431 года нашей эры, прожив 103 года.

1.5. Поэт и его современники

Известными современниками Шах Ниматуллаха Вали были такие шейхи и величайшие мудрецы, как: Мир Сайид Али Хамадани, Хаджа Исхак Хатлони, Пир Джамолиддин Урдустани, Шахкасым Анвор, Шейх Садриддин Ардабили, Хаджа Багавуддин Накшбанди, Хаджа Мухаммад Порсо, Хаджа Абунаsr Порсо, Мавлана Низомуддин Хомуши, Джалолуддин Юсуф Авбахи, Хаджа Алоуддин Чашти, Нуриддин Хафи Аbru, Саййид Мухаммад Нурбахш, Шейх Зайнулобиддин Нурбахш, Саййид Низомуддин Махмуд, а из числа ученых и богословов были Абуабдуллах Шамсиддин Мухаммад ибн Маккй, известный как первый Шейх Мученик, Шейх Рукниддин Широzi, Саййид Джалолуддин Хоразми, Абдурахман ибн Рукниддин, известный как Каяни Азидуддин, Саййид Али ибн Мухаммад ибн Алй, известный под именем Мир Джурджони, Ходжа Афзалуддин Мухаммад Садри Турки Исфакони, Мушарафуддин Исмаил ибн Абубакр Шафей, известный как ибн Ахрамин; из султанов и эмиров: Эмир Темур Гургони, Шахрух Мирзо, Мирзо Искандар ибн Умар, Шах Шуджо Широzi Султан Ахмадшах Хинди; из числа поэтов: Ходжа Хафиз Ширази, Камол Худжанди, Шейх Озар Туси, Нуриддин Абдурахман Джами, Бобо Савдо Абеварди, Мухаммад Магриби, Шейх Абуисхак, известный как Атъама и др.

Согласно сведений литературных и исторических источников, составленных в последние годы, а также наследия Шах Ниматуллаха Вали выходит, что, поэт имел прямые и косвенные интеллектуальные связи с многими выдающимися личностями своего времени, в частности с известными поэтами Абдурахманом Джами и Хафизом Ширази.

Как отмечают некоторые исследователи противоречивые отношения складывались из-за религиозных соображений и с Абдурахманом Джами, причиной тому считались противоречия в убеждениях. Но Хамид Фарзам и Насруллах Пурджавади считают, что причиной взаимной неприязни Абдурахмана Джами и Шах Ниматуллаха Вали были не религиозные

убеждения, а руководство над различными течениями. Джамии был последователем течения накшбандия, а Шах Ниматуллах Вали основателем течения Шах Ниматуллах Валихия, его известность достигала высот также, как и у Джамии, у него появилось много последователей, даже дервиши течения накшбандия становились его учениками. Как писал автор книги «Чомеъи муфиди» Мухаммад Муставфи: «В то время (странствия Шах Ниматуллах Вали) дервиш по имени Фахриддин Номи, состоявший в течении накшбандия, высказывающий свое расположение к Хаджи Абдуллах Исфакони, получивший статус проводника наставления течения накшбандия посетил собрание Шах Ниматуллах Вали и примкнул к его течению...» [62, 80] Сам Шах Ниматуллах Вали в своих диванах указывал на правоту своего течения и призывал других, чтобы те отказались от «иллюзий накшбандов». Например:

Бетакаллуф Неъматуллохро бичӯ,
В-аз хаёли накшбандон дар гузар [46,56]

Ищи без сомнения Шах Ниматуллах Вали,
Откажись от иллюзий накшбандов.

Возможно, именно эти факты и позиции стали причиной негодования Абдурахман Джамии, вследствие чего он не упомянул о Шах Ниматуллах Вали в своем известном произведении «Нафахот-ул-унс». [79,135] В диване Шах Ниматуллах Вали также наблюдается его дискуссия и с Хафизом Ширази. В этом плане имеется газель Шах Ниматуллаха Вали:

Мо хокро ба назар кимие кунем,
Сад дардро ба гӯшаи чашме даво кунем [79,72].

Мы простую глину (песок) взором превращаем в лекарство,
Исцеляя сто недугов одним лишь взглядом уголка глаз своих.

Хафиз с намеком ответил:

Онон, ки хокро ба назар кимие кунанд,

Оё бувад, ки гӯшаи чашме ба мо кунанд,
 Дардам нухуфта бод зи табибони муддаӣ,
 Бошад, ки аз хазонаи ғайбам даво кунанд [79,79].

Все те, кто взором своим превращают песок в лекарство,
 Разе смогут окинуть нас краем зора своего.
 Моя болезнь остается тайной для лекарей отшельников,
 Пусть хоть исцелят меня моей сокровищницей тайн.

Известно, что, говоря о «лекарях отшельниках» Хафиз подразумевал Шах Ниматуллаха Вали. Вместе с тем, в диване Шах Ниматуллаха Вали приводится четверостишие, в котором отмечается упрек в адрес Хафиза:

Гар маънии танзил бидонад Ҳофиз,
 Танзил ба шавқи дил бихонад Ҳофиз.
 Ӯ кард нузул мо тариқӣ кардем,
 Таҳқиқ чунин кучо тавонад Ҳофиз [46,87].

Если суть откровения божественного знает Хафиз,
 Откровение с душевной страстью прочтет Хафиз.
 Он ниспослал, мы же приняли тарикат,
 Такое исследование не сможет провести Хафиз.

Ризокулихан Хидаят в своей книге «Собрание красноречия» («Мачмаъ-ул-фусаҳо») пишет, что шейх Абуисхак являлся учеником Шах Ниматуллаха Вали [81,295]. Как становится очевидным, Шах Ниматуллах Вали написал газель следующего содержания:

Гавҳари баҳри бекарон моем,
 Гоҳ мавҷему гоҳ дарёем,
 Мо бад-ин омадем дар дунё,
 То Худоро ба халқ бинмоем [46,95].

Мы являемся жемчугом бескрайнего моря,

Порой мы как волны, а порой как реки,
 Мы пришли в этот мир для того,
 Чтобы Бога явить (показать).

на которое Абуисхак сочинил ответ и описал свое уважение к нему.
 Приведем ответ Абуисхака:

Риштаи локи маърифат моем,
 Гоҳ хамирему гоҳ бағдоем.
 Мо аз он омадем дар мадбах,
 Ки ба моҳича қала бинмоем [46,98].

Мы являемся потрепанной нитью познания,
 Иногда как тесто, а иногда как бағдо. Мы с
 тем пришли в эту кухню (мир),
 Чтобы показаться рыбке наживкой.

Когда Шах Ниматуллах Вали увидел Абуисхака, сказал: «Вы являетесь нитью познания?». Шейх ответил: «Поскольку не можем говорить о Боге, сказали о Шах Ниматуллахе Вали» [1, 87]. Шах Ниматуллах Вали был под милостью Шахруха и пригласил одного из его близких друзей Ахмадшаха Бахмани в свою обитель. В дальнейшем два внука поэта с отцом отправились в те края. Одна часть его родственников осталась в Иране, и породнилось с семейством сефевидского султана [79,120]. При погребении поэта его ученики и последователи, поклонники пели во славу ему элегию, в которой воспевалось отношение учителя к своим ученикам и близким.

Один из его учеников – Шах Дои написал четверостишие, посвященное Шах Ниматуллаху Вали:

Эй гавҳари пок аз ҳама олоиши хок,
 Доман зи миёни хок барчидаи пок.
 Афлок ба анфоси ту мегашт ҳама,
 Анфос супурдӣ ба худои афлок [86,189].

Эй жемчужина незапятнанный никакой грязью,
 Ты явился из земли, но с чистым подолом.
 Небеса держались твоим дыханием,
 Отдал свой вздох всевышнему небес.

Другой из именитых и величественных поэтов Шахкасым Анвор, который относился к течению Шах Ниматуллах Вали, в честь своего наставника написал следующую газель:

Он мохи мусофир сафар кард зи Кирмон,
 Аллоху малак гуфт хама чони каримон.
 Аллоху малак чист? Худо ёри ту бодо,
 Чун ёри ту шуд ёр, шавад кор ба сомон.
 Бо хазрати Ҳақ бош ба хар хол, ки бошӣ,
 То мушкилат осон шаваду бахт ба фармон.
 Эй чони чахон, нақди ту дар хонаи хеш аст,
 З-ин хол чу хушвакт шудӣ даст барафшон.
 Моро кадахе дод, дилу дину вучуд бурд,
 Дигар чи кунад, то пас аз ин соқии мастон....
 Қосим чу туро дид ҳаёти абадӣ ёфт,
 Дар хазрати вочиб шуда аз ин хитта имкон [78,134]

Тот странствующий месяц отправился в путь из Кирмана,
 Аллах и ангелы сказал он: души милостивых.
 Что Аллах и ангелы? Всевышний твой спутник,
 Поскольку спутник твой тебе стал другом он и решил все твои дела
 Будь вместе с Богом, в каком бы ты состоянии ни находился
 Чтобы решились трудности твои, и был ты безмерно счастлив.
 Эй земная душа, твоя критика в твоём доме,
 От этого ты стал счастливым подними руки.
 Нам дал кубок, отобрал у нас душу, религию и бытие,
 Что после этого делать кравчему...

Касим, как только увидел тебя приобрел вечность,
 Стал возможным доступ к этой территории.

Мавляна Камолиддин Насруллах ибн Халилуллах воспевая поэта
 пишет:

Он ки андар олами тавҳиди ирфон фард буд,
 Сайди содоту қутби оламу султони чуд.
 Шоҳбози олами тавҳид, фаҳри авлиё,
 Маъдани илми ҳақоик, манбаи кашфу шухуд.
 Шоҳи олам Неъматулоҳи Валӣ, аҳли Алӣ,
 Нури дини ҳақ ба рӯҳи ӯ зи Ҳақ бошад дуруд [46,181].

Тот, который был одиноким в мире познания единобожья,
 Добыча потомка пророка полюс мира добродушье султана.
 Сокол мира единобожья, гордость ангела,
 Рудник науки истины, источник открытия и созерцания.
 Правитель мира Шах Ниматуллах Вали, родом Али
 Милость божья пусть будет лучем истинной веры для его души.

Шах Ниматуллах Вали, был одним из известных мужей направления мистицизма, оставивший в наследство течение под названием Шах Ниматуллах Валихия, его последователи проживают и по сей день как в Иране, Индии, так и в странах Запада, в том числе Канаде, Англии и Америке.

Из изучения деятельности и творчества поэта становится явным, что он как великий поэт занимает особое место в истории мистицизма персидско-таджикской литературы. Поэт посвятил свою жизнь познанию жизни, внутреннего мира человека. Он был кочующим странником – дервишем, проживший большую часть своей жизни в путешествиях, изучая различные науки. Его путешествия были как богопознание, потому и принесли ему огромное уважение, особенно жителей Хорасана и Ирана, где появилось много последователей его течения. Даже повелители и эмиры его времени

выражали свою благосклонность к поэту и признавали себя его последователями. Некоторые из них читая его стихи, восхваляли поэта. Одну из важнейших причин приобретения большого количества приверженцев поэта мы видим в том, что он смог разрушить традицию прошлого мистицизма, большая часть которой проповедовала затворничество, безработицу, опровержение разума и т.д. и призывал своих учеников и последователей к ежедневной активной жизни, в частности к сельскохозяйственным работам. Сам поэт большую часть времени проводил за земледелием, садоводством и обустройством жилья и окружающей среды и эти его черты привлекали внимание народа, а также увеличивали симпатию к поэту.

Но путешествовать он не переставал никогда, для него путешествие было возможностью больше видеть на своём пути творений Всевышнего.

Кроме того, стихи поэта, его отношение к современникам, научно-философские дискуссии с учеными его времени занимают особое место в истории персидско-таджикской литературы.

ГЛАВА II. ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ШАХ НИМАТУЛЛАХА ВАЛИ

2.1. Диван Шах Ниматуллаха Вали

XIV-XV века в таджикском литературоведении принято считать основными периодами развития персидско-таджикской поэзии. Именно в этот период жили и творили выдающиеся поэты Хафиз Ширази и Абдурахман Джами. В мире поэзии правило много тем, где мирно сосуществовали различные содержания. В нашей работе мы остановимся на некоторых из них, которые кажутся нам, наиболее важными. В ходе исследования диванов и творческого наследия многих поэтов, выяснилось, что основная тема поэзии данного периода – это посвящения, хвалебные оды, тема любви, мистики, обращение к богу, печаль, грусть, страдания, страдания человека, дидактика, разлука, недоверие бренному миру, бесполезность земной жизни, печаль по потустороннему миру. Эти темы присущи также и поэзии XIV-XV вв., и в какой-то мере входят в разряд «вечных тем». Главная тема, которая волновала поэтов XV века хиджри - это хвалебная ода, воспевание, метафорическая любовь, мистицизм, бог, разлука, печаль, недоверие к миру. На эти темы писались стихи известных поэтов Абдурахмана Джами, Шах Ниматуллах Вали, Хилоли Чагatoi, Ахл Шерази, Бобофигон Ширози, Шахкасым Анвор, Котиби и др. В литературе царил разнообразие жанров, таких как газель, хвалебная ода, элегия, посвящения, эпические, лирические произведения, шарада, шахрошуб – род сатирических или юмористических стихотворений, загадки и разрозненных бейтов. Шах Ниматуллах Вали был одним из тех художников слова, в творчестве, которого можно встретить почти все разновидности этих стихотворений.

Главным его наследием считают диван стихов. Когда составляли список рукописей в библиотеках мира, оказалось, что полные и неполные копии дивана и сборник стихов Шах Ниматуллах Вали хранятся на Западе, в

странах Востока и других странах Средней Азии. Первое литографическое издание поэта было осуществлено в 1276 лунном году хиджри в Иране.

Как пишет Хамид Фарзом, лучшее издание дивана поэта с поправками Абулкасыма Шерджани увидело свет в 1338 году. В библиотеках Остони, Кудси, Маджлиси, Мулк и Центральный хранятся письменные копии дивана поэта. По мнению этого исследователя, несмотря на то, что копия, хранящаяся в библиотеке «Остини кудси» не имеет начальных и последних страниц, по сравнению с другими копиями она является более полной. Эта копия якобы была составлена при жизни поэта. Но копий дивана Шах Ниматуллаха Вали множество и именно поэтому, мнение ученых в области литературы и летописцев относительно количества стихотворений поэта чаще разнятся. Творчество и наследие поэта, очевидно, собиралось его учениками и последователями, которые читали и распространяли его стихотворения. Его газели переходили из рук в руки и становились доступными для любителей поэзии. В «Бустонус – сайёха» - («Цветник путешествий») указывается, что от Шах Ниматуллах Вали остались 12 тысяч бейтов, включая конечно-же его диваны [79,389]. Ризакулихан Хидаят отмечает, что Шах Дои, один из его учеников объединил все его стихотворения в один диван, состоящий от 10 до 12 тысяч бейтов и написал даже к ней преамбулу. [82,313] Эдвард Браун в своей книге указывает на то, что диван поэта охватывает 14 тысяч бейтов [12,533].

Сайид Нафиси в книге «История поэзии и прозы в Иране» («Таърихи назм ва наср дар Эрон») отмечает, что диван Шах Ниматуллах Вали состоит из 13 тысячи бейтов. Это количество также подтверждает Забехулла Сафо, который пишет: «Действующий диван Шах Ниматуллах Вали состоит из 13 тысячи бейтов, газелей, месневи, китъа, четверостиший и двустиший» [65, 313].

Во введении дивана Шах Ниматуллаха Вали опубликованного с редакцией Мухаммада Аббаса в 1360 году, указано на 8 изданий до этого варианта. Сказано, что диван был издан в Иране и в следующем порядке: 1. В

1276 лунном году хиджри литографическое издание, 672 стр.; 2. Тегеран, 1331 год по солнечному календарю, Мухаммад Хусайн Илми, 672 стр.; 3. Тегеран, Вазири бузург, 327 стр.; 4. Кирмон, литографическое издание, 764 стр.; 5. Тегеран, Вазири, Мухаммад Хусейн Илми, третье издание, дервиш, 600 стр.; 6. Тегеран, Издание Санои, Джавод Нурбахш, 800 стр [36,13].

И все же точное количество изданий дивана поэта не установлено, так как большая часть изданных диванов либо смешались с другими книгами библиотек, либо перепечатаны. Кроме того, избранные произведения, напечатанные на основе имеющихся диванов, приводятся в следующем специфическом порядке:

Полное собрание сочинений дивана, изданное в 1328 году в Тегеране стараниями Махмуда Илми. После введения и автобиографии приводится касыда, следующего содержания:

Аз сакфи кибриё сурати лутфи Худо,
Баста ниқобе зи нуру руй намуда ба мо [46,18].

С купола величия лик милости Бога,
Скрывшись под вуалью, одарил нас светом лица своего,

Совершенный диван Шах Ниматуллаха Вали, изданный редакцией службы культуры Кирмана с введением и комментариями Мухаммада Хаммосиёна, в виду его полноты, принят за оригинал. Книгу предворяет газель, которая начинается следующим бейтом:

Риндему дигар мастем, то бод чунин бодо,
Товба ҳама бишкастем, то бод чунин бодо [40,18].

Гуляки мы и пьяны, пока есть жизнь, будет так,
Нарушили мы зарок, пока есть жизнь, будет так.

Копия дивана Шах Ниматуллах Вали с заключением из «Источник мистицизма в Иране» («Сарчашмаи тасаввуф дар Эрон») и с

введением Сайида Нафаси, изданная издательством Пайки Техрон, состоит из 735 страниц. Книга начинается бейтом из газели следующего содержания:

Риндему дигар мастем, то бод чунин бодо,
Товба ҳама бишкастем, то бод чунин бодо [46,19].

Гуляки мы и пьяны, пусть будет, так как есть,
Нарушили мы зарок, пусть будет, так как есть.

Этот диван охватывает 1550 газелей и заканчивается касыдами, четверостишиями и интерпретацией Шах Ниматуллаха Вали.

Полное собрание сочинений творчества Шах Ниматуллах Вали с корректировкой Джаввода Нурбахша было издано в 1355 лунном году хиджри в Тегеране. После введения и биографии Шах Ниматуллаха Вали в диване приводится бейт газели такого содержания:

Риндему дигар мастем, то бод чунин бодо,
Товба ҳама бишкастем, то бод чунин бодо [83,8]

Гуляки мы и теперь пьяны, пока есть жизнь, пусть будет так,
Нарушили мы зарок, пока есть жизнь пусть будет так.

Копия состоит из 1000 газелей, 4 строфических стихотворений с рефреном, 39 касиды, 20 китъа, вопросов и ответов, 71 китъа месневи и в конце приводится словарь и терминология. Книга охватывает 964 страниц и кратко именуется «Нусхаи Нурбахш» («Копия Нурбахш»).

В городе Тегеране находятся избранные стихотворения Шах Ниматуллах Вали Вали, выпущенные в 1383 году издательством «Ҳақиқат» с предисловием Абулхасана Парвина Парешонзода. Книга состоит из 596 страниц.

Диван Хазрата Сайида Нуриддина Шах Ниматуллаха Вали, предисловие и собрание Мухаммада Расо был напечатан в Кимроне и состоял из 538 страниц и начинается с главы касыд.

Диван стихотворений Шах Ниматуллаха Вали (состоит из газелей, строфических стихотворений с рефреном, касыд, вопросов и ответов, месневи, четверостиший, двустиший и отрывочных бейтов) был издан издательством «Илм» в Тегеране в 1382 году.

Также мы имеем на руках сканированную копию древней рукописи дивана поэта. Недостаток этой рукописи состоит в отсутствии начала и конца дивана. По разновидности бумаги и стилю письма можно предположить, что данная рукопись относится к концу XVI или началу XVII веков. На некоторых страницах наблюдаются различные изображения, возносящие Всевышнего, оттиск маленькой печати, а также в нескольких местах в углу страниц фразы и предложения. Рукопись состоит из 190 страниц (52-996) а размер составляет 12 /1,5 см. Обложка сделана из бычьей или козлиной шкуры, а страницы скреплены толстыми нитями. После изучения этой копии было установлено, что некоторые бейты, имеющиеся в ней, отсутствуют в напечатанном диване поэта. Но для того, чтобы установить, которые из этих диванов напечатаны раньше, а также близки к оригиналу, необходимо провести подробное сравнение, что возможно изложить в отдельном исследовании.

2.2 Структура дивана: содержание и разновидность стихов

Как отмечалось выше, копии дивана поэта состоят из китъы, касыд, газелей, четверостиший, двустиший, месневи и неоконченных газелей. Основная тема его стихов в этих диванах посвящена мистической любви, внутренней боли, пейзажным зарисовкам. Шах Ниматуллах Вали прибегая в своём диване к высокой изящности слога придает ему особую прелесть и считает, что его диван отличается или превосходит диваны стихотворений многих других поэтов, в том числе и творений Хокони:

Чунин девон, ки мо дорем аз он девони девон бех,
 Чи чои дев ё девон, ки аз мулки Сулаймон бех.
 Давои дарди дилдard аст агар дори ғанимат дон,
 Ки дарди дарди ишқи ӯ ба назди мо зи дармон аст.
 Раҳо кун куфру хам кофир, мусулмон бош мардона
 Чу хоҳӣ мурд, эй дарвеш, агар мирӣ ба имон бех [46, 31].

Диван, который мы имеем, нет дивана лучше этого,
 Что место беса или бесов, которые лучше земель Сулеймана.
 Не упускай целебное средство коль болеешь душой,
 Так как боль его любви перед нами для исцеления.
 Освободись от ереси и безбожника по-мужски, будь мусульманином
 Если хочешь умереть, то лучше верующим,

Диван и предисловие, написанное к нему Сайидом Нафиси является до такой степени полным, что в отличие от дивана, составленного Абулхасанов Парвинии Парешонзода «Избранные стихотворения Шах Ниматуллах Вали Вали» («Баргузидаи ашъори Шохнеъматуллои Вали») охватывает все разновидности стихотворений поэта. Парешонзода в своей книге указал лишь 6 из 9 разновидностей стихотворений, которые использовал Шах Ниматуллах Вали.

Другой исследователь, занимавшийся сбором творений Шах Ниматуллаха Вали - Мухаммад Расо в своей книге под названием «Диван почтешного Сайида Нуриддина Шах Ниматуллах Вали» («Девони Хазрати Сайид Нуриддин Шохнеъматуллои Вали») собрал почти все разновидности стихотворений поэта. Различие заключается лишь в том, что этот исследователь большое предпочтение отдавал касыдам поэта и после предисловия к дивану начал книгу с этой разновидности стихотворения, в то время, как позиция газели в творчестве поэта намного прочнее, нежели другие виды стиха. Другой диван «Девони Шохнеъматуллои Вали», охвативший все разновидности стихотворений поэта, был напечатан в 1382 году в Тегеране в издательстве Илм, но, к сожалению, имя автора или собирателя не указано. Как показало сравнение, диваны поэта, в основном, охватывают газели, припевы, касыды, месневи, неоконченные газели, китъи, четверостишья, двустишья и отрывочные бейты, но главное место отводится газели. Количество газелей поэта составляет 1550 и состоят от 7 до 14 строк. Большая часть газелей поэта состоит из 7 строк, но есть и такие, которые охватывают 9, 10 и 14 строк.

Второе место в диване поэта по количеству бейтов занимают двустишья. Немало в диване касыд, по количеству они охватывают от 20 до 34 бейтов. Самой большой и многочисленной в плане бейтов является касыда «Қиссаи бас ғариб», которая состоит из 58 бейтов. Также в диване поэта имеются и другие касыды под названиями «Восхваление Мавло Али да будет мир с ним» («Дар манқабати Мавло Али алайхсалом»), «О единобожье» («Дар тавхид»), «Жизнь без любви» («Умри бе ишк»), «Душа» («Дил»), «Что нового?» («Чӣ хабар?»), «Благословение» («Салавот»), «Положение бытия» («Маротиби вучуд»), «Осведомленный тайнами вселенной» («Воқиф ба асрори олам»), «Стали явными единство и множество» («Ваҳдат ва касрат ошкор шуд»), «Мудрецы того почтешного» («Орифони хазрати ӯ») и другие, количество которых составляет 38 штук. Эти касиды охватывают от 15 до 50 бейтов, и самый маленький из них состоит из 8 бейтов. Большая их

часть посвящена воспеванию и восхвалению Пророка Мухаммада, Пророка Али, мистицизма, суфизма их последователей, пантеизма, тайн истины, единокровия и наставления человека. Имеются также касыды, которые были написаны в ответ, как исследование и приветствие суфийских поэтов Мавлана Джалолиддин Балхи, Абу Сайида Абулхайра и Носира Хисрава. Кроме того, диван охватывает 21 вопрос и ответов, 71 месневи, 3 стихотворения «Ганчулорифин», «Имония», «Факрия», 19 неоконченных газелей, 118 китъа, 170 рубаи и 266 отрывочных бейтов.

Внешне большая часть касыд поэта является посвящены восхвалениям и превозношению, но с отсутствием запроса, цели и молитвы. Если принять во внимание, что эта часть непосредственно освещает саму суть касыды, цель, желание, остаются несколько моментов, где поэт начинает свое слово с воспевания. Это положение наблюдается в касыдах, в которых поэт непосредственно определяет объект своего восхваления. Например, касыда, которая была воспета в честь Пророка:

Хуш раҳматест ёрон салавот бар Мухаммад,
 Гуём аз дилу чон, салавот бар Мухаммад.
 Гар муминиву содиқ бо м о шавӣ мувофиқ,
 Кури ҳар мунофиқ, салавот ба Мухаммад.
 Дар осмон фаришта, меҳраш ба чон саришта,
 Бар арши ҳақ навишта, салавот бар Мухаммад.
 Салавот агар бигӯи, ёбӣ ҳар он чӣ чӯй,
 Гар ту зи хайли ӯ-и, салавот бар Мухаммад.
 Эӣ нури дидаи мо, хуш маҷлисе биоро,
 Меғӯй хуш худоро, салавот бар Мухаммад.
 Валлоҳ, ки дидаи ман, аз нури ӯст рушан,
 Чони ман асту ман тан, салавот бар Мухаммад [2,67].

Приятно милосердие друзья благословение Мухаммаду,
 Говорим мы от души, благословение Мухаммаду.

Если мусульманством и преданностью будешь с нами,
 Слеп всяк лицемер, благословение Мухаммаду.
 Ангел на небесах, его любовь сохраняется в душе,
 Написанный в истинных небесах, благословение Мухаммаду.
 Если будешь благословлять, найдешь все то, что искал,
 Если ты от его рода, благословение Мухаммаду.
 О свет очей наш, организуй собрание,
 И говори отрадно, благословение Мухаммаду.
 Клянусь богом, что мой взор осветлен его лучами,
 Он, душа моего тела, а я тело, благословение Мухаммаду.

Наравне с восхвалительными касыдами, поэт также написал несколько касыд биографического, исторического, почетного и другого характера, о которых в свою очередь пойдет речь.

Китъа поэта написана внутренней рифмой и номураццаь. Номураццаь встречается намного чаще, их количество состоит из двух бейтов, и от 7 до 14. Самый большой состоит из 22 бейтов. Поэт посвящал китъа воспеванию мудрецов и великих религиозных деятелей, любви, гордости, историческим датам, биографии и другим. Так, из числа китъа поэта, которые дошли до наших дней восемьдесят был написаны внутренней рифмой, а остальные номураццаь.

Как отмечалось выше, по своим характерным чертам китъа поэта являются различными, в том числе 14 од, 8 загадок, 50 любовно-мистиических¹⁹ поучительных, 5 холия, 10 фахрия, а также несколько китъа, посвященные различным темам.

Рубаи поэта по своему охвату тем очень богаты, они украшены различными мыслями и идеями. Поэт в них воспеваает божественную любовь, природу, исторические события, мудрецов.

Из 294 рубаи поэта, которые дошли до наших дней, почти все относятся к темам божественной любви, мудрецов, суфиев и их последователей. Только несколько из них посвящены природе,

человеческому бытию, душевным переживаниям лирических героев и описанию возлюбленной:

Чашмат хама турк асту туркаш хама хуб,
 Лаьлат хама оташ асту оташ хама об.
 Рӯят хама лола асту лола хама ранг,
 Зулфат хама сунбул асту сунбул хама ноб [2,219].

Твои глаза прекрасны, а вся их турецкость очеровательна,
 Твои ланиты – лалы - огонь, а огонь вода.
 Твой лик всецело -тюьпан, а тюльпан - это все цвета, Твои
 локоны гиацинт, а гиацинт весь без примеси.

Поэт в своем творчестве не мало использует детали из своей биографии. Он часто писывает моменты детства, взросления, становлени на путь странствий в поисках правды, наставника, из этих строк мы читаем указание на возраст.

В творчестве Шах Ниматуллах Вали наблюдаются также и бейты, посвященные назиданию последователям суфизма, близким и родственникам. Имеются и полустигмат с критикой поэтов современников.

Поэт часто пользуется и приемами вопрос/ответ, как одной из разновидностей стихотворения. В его диване насчитывается 21 таких стихов, состоящих от 2 до 13 бейтов. Обычно, такие стихи пишутся для ответа на вопросы учеников, что явно видно из их содержания.

Этот вид стиха у поэта охватывает весьма острые спорные вопросы, такие как познание истины Бога, пути суфизма, постижение мистицизма, пантеизма, о которых постоянно спрашивали его ученики и близкие, и на которые, как правило, отвечал поэт:

Вопрос:

Зи вохид то аҳад фарке баён кун,
 Баёни ин маъониро айён кун.
 Ту маъсуливу мо маҷмӯи соил,

Цавоби ин суоли мо равон кун

Укажи разницу между создателем и человеком,

Раскрой суть этого вопроса.

Ты целомудренный, а мы просящие

милостыню, Раскрой суть нашего вопроса.

Ответ:

Зи вохид то аҳад фаркест ай ёр,

Зи ман бишнава, валекин ёд медор.

Аҳад бо зот бошад он ягона,

Вале вохид ба касрат гардад изҳор [46,419].

Есть разница между создателем и человеком мой друг,

Услышь от меня и запомни.

Создатель един в роде своем,

Но человек излагается родственниками.

В диване поэта также имеются 71 месневи, охватывающие философские мысли мистицизма и суфизма, которые состоят от 8 до 40 бейтов, самой большой из них охватывает 64 бейтов. В этом диване также собраны 170 двустиший, которые охватывают различные темы, а большая часть из них отражает опять-таки мнимую любовь. В них отмечается минимальная роль возлюбленной:

Хонаи торик агар рӯшан кунӣ,

Хилвати худ чун сарои ман кунӣ.

Гар биёбӣ Юсуфи гулпираҳан,

Кай сухан бо мо зи пирохан кунӣ [46, 432].

Если осветишь ты темную комнату,

Украсишь одиночество свое моей обителью.

Если найдешь Юсуфа в цветочной рубашке,

Когда молвишь слово перед нами о рубашке.

В диване немало и отдельных бейтов социального, назидательного и нравоучительного характера, их количество достигает до 766, В них поэт ведет беседу об этике:

Мову Моҳону хитаи Кирмон,
Саъдию лулиёни Шерозӣ

Или:

Агар дар халқ ҳақро дар наёбӣ,
Биёбӣ хона, аммо дар наёбӣ [46, 310].

Если в народе не найдешь правды,
Найдешь дом, но не найдешь двери.

В диване Шах Ниматулаха Вали наряду с газелями, которые составляют большую часть творчества поэта, имеются также и другие разновидности стихотворений. Как было отмечено выше, диван поэта состоит из припевов, месневи, касыд, китъа, двустиший, четверостиший, отрывочных бейтов и неоконченных газелей. Для дополнения и внесения ясности в эту тему мы изучим все разновидности стихотворений поэта с указанием количества, содержания и оглавления.

Припев. Количество припевов достигает 4-х, три из которых посвящены мистическим темам пантеизма и один восхвалению Пророка Али. Приведем пример одного из припевов:

Эй ба мехрат дили хароб обод,
В-аз ғамат чони мустамандон шод.
Токи абрут қиблаи Хусрав,
Чашми чодут фитнаи Фарход.
Лаби лаъли ту комбахши хаёт,
Сари зулфат гирехкушои мурод.
Ҳар ки шогирдии ғами ту накард,
Кай шавад дарси ишқро устод.

Мо ба турки муроди худ гуфтем,
 Дар раҳи дӯст ҳар чи бодо бод.
 Дӯш сармаст дар гузар будам,
 Бар дари масчидам гузор афтод.
 Зоҳиде зикри қоматаш мегуфт,
 Ҳар ки он ҷо расид хуш б-стод
 Аз пай он ҷамоат афтодам,
 То бубинам, ки ҷӣ нишон овард.
 Ногаҳ омад имоми рӯхонӣ,
 Рафт бар минбар ин нидо дар дод.
 Ки саросар ҷахону ҳар чи дар уст,
 Акси як партавест аз руҳи дӯст
 Эӣ ба меҳрат дили хароб обод,
 В-аз ғамат ҷони мустамандон шод.
 Тоқи абрут қиблаи Хусрав,
 Чашми ҷодут фитнаи Фарҳод.
 Лаби лаъли ту комбахши ҳаёт,
 Сари зулфат гирехкушои мурод.
 Ҳар ки шогирдии ғами ту накард,
 Қай шавад дарси ишқро устод.
 Мо ба турки муроди худ гуфтем,
 Дар раҳи дӯст ҳар чи бодо бод.
 Дӯш сармаст дар гузар будам,
 Бар дари масчидам гузор афтод.
 Зоҳиде зикри қоматаш мегуфт,
 Ҳар ки он ҷо расид хуш б-стод
 Аз пай он ҷамоат афтодам,
 То бубинам, ки ҷӣ нишон овард.
 Ногаҳ омад имоми рӯхонӣ,
 Рафт бар минбар ин нидо дар дод.

Ки саросар чакону хар чи дар ўст, Акси
як партавест аз рухи дўст [46, 503].

Душа становится светлее от твоей любви,
И от твоей печали радуются души несчастных.
Твое надбровье кибла Хусрава,
Черные глаза соблазн Фархада.
Твои алые уста щедроты жизни,
А локоны волос исполнители желаний.
Тот, кто не был учеником твоей печали,
Не может стать наставником любви.
Мы по-турецки загадали желанье,
Будь что будет на пути дружбы.
Был я плечом для пьяного,
Мой путь проходил через мечеть.
Отшельник говорил о своем росте,
Тот, кто дошел до того места был счастливым.
Пошел я в поисках той общины,
Чтобы увидеть, какое знамение получил.
Вдруг появился духовный священник,
Дошло до трибуны это восклицание.
Все то, что целиком в мире и в нем самом,
Изображение отблеска от лица друга.

Касыды. Их 32 единицы и состоят они из 7 до 56 бейтов, которые затрагивают такие темы, как единобожье, любовь божья и познание пантеизма. Также, несколько его касыд посвящены восхвалению Пророка и пророка Али. Одна из касыд, большая по объему, имеет элементы биографизма, с тенденцией предсказывать будущее мира:

Кудрати кирдигор мебинам,
Ҳолати рӯзгор мебинам,

Аз нучум ин сухан намегӯям,
 Балки аз кирдугор мебинам.
 Дар Хуросону Мисру Шому Ироқ,
 Фитнаву корзор мебинам
 Гирди оинаи замири чаҳон,
 Гарду зангу ғубор мебинам [46,427]

Вижу могущество творца,
 Вижу состояние жизни,
 Не говорю эти слова со звезд,
 Вижу, напротив от творца.
 В Хурасане, Египте, Сирии и Ираке,
 Вижу смуту и войну
 Вокруг зеркала тайн вселенной,
 Вижу пыль, ржавчину и мглу.

Этой касыдой поэт пытается предсказать о наступлении тяжелых времен, столкновении различных мировых течений и последователей разных религий. Эту касыду можно в дальнейшем проанализировать и изучить в качестве научной статьи.

Шах Ниматуллах Вали также написал несколько касыд в честь Пророка Мухаммада, одну из которых приведем в качестве доказательства:

Аз токи кибриё сурати лутфи Худо,
 Баста ниқобе зи нуру рӯй намуда ба мо...
 Барзах чомеъ буд, сурат чамъи вучуд,
 Нур гирифта зи Ҳақ, дода ба олами сиёх.
 Маънии ал- Китоб, нури Мухаммад буд,
 Асли ҳама айн ӯ айни ҳама чизҳо.
 Бештар аз ақли кулл хонда зи лавҳи замир,
 Ҳукми қазо бе ғаллат лавҳи қадар бе хато.
 Нуктаи охири хеш шакли алиф нақш баст,

З-он алиф омад паидид чумла китоби Худо [46,378].

Из великой арки образ милосердия Бога,
 Накинув вуаль на лицо, явилось к нам...
 Середина общины, образ всего бытия,
 Взяв луч от Бога, отдал в темный мир.
 Значения аль-Китаб были лучи Мухаммада,
 Основой сущности он является основой всех вещей.
 Больше изучив высший разум от тайной плиты,
 Решение судьбы без ошибки плита рока, без ошибки.
 Последняя моя точка запомнилась стройной как алиф,
 С того алифа появилась книга Божья.

Месневи. В целом в диване поэта собраны 71 месневи, которые состоят из 2 до 63 бейтов. Темы этих месневи также являются восхваление Всевышнего и пантеизма. В одной из месневи поэт говорит о себе:

Эй, ки мепурсй зи мову холи мо,
 Неъматуллоҳ номам омад аз Худо.
 Сайиду дарвешу Ҳақро бандаям,
 Мурдаам аз ҷон ба ҷонон зиндаям.
 Ман наям Маҳдӣ, вале Ҳодӣ маннам,
 Раҳнамои халқ дар водӣ маннам.
 Мустафоро бандам, Ҳақро гулом,
 Пешвои босаломат вассалом [46,576].

Эй, который справляется о нас и наших делах,
 Шах Ниматуллах Вали имя мое дарованное Богом.
 Я раб благополучия, дервиша и Истины,
 Покину душу, жив я любимой.
 Я не Мехди, но я путеводитель,
 Раб избранника Бога, слуга Истины,

Глава внушительный вот и все.

Кроме этого имеются 3 других месневи в значении:

Убеждение: о вере и ее основных элементах, которые начинаются следующим бейтом:

Гар касе пурсадат, ки имон чист,
Сифати дину шарти эхсон чист [46,584].

Если кто-то спросит тебя что такое вера,
Что такое свойство религии и условие благотворительности.

О бедности: состоит из 127 бейтов и начинается так: Эй ки дорй либоси фақр ба бар,

Ҳеч дорй зи холи фақр хабар? [46, 585].

Эй имеющий бедную одежду,
Имеешь ли представление о бедности?

В этом стихотворении поэт пишет о достойной бедности, которое присуще не каждому, о справедливости, истине, воздержании от грехов, алчности, разгульному образу жизни, лжи, грубости. Он проповедует великодушие, покаяние, веру, моление, праведность, благодарность, почтительность. Заканчивается эта часть бейтом, посвященным почтительности:

Эй, ки дар роҳи Ҳақ талошӣ,
Кӯш, ки доим бо адаб бошӣ.
Адоб оини некмардон аст,
Беадаб бар мисоли ҳайвон аст.
Гар ризои Худо металаби,
Боядат кард тарки беадабӣ.
Боадаб мард сурхрӯ гардад,
Беадаб чун сағони кӯ гардад.
Бо адаб банда подшоҳ шавад,

Бе адаб кам зи хоки роҳ шавад.
 Боадабро бувад саодат ёр,
 Беадаб ҳеч гаҳ наёяд кор.
 Ҳар ки шамъи сафо бияфрӯзад,
 Одоб аз соликон биёмӯзад [46, 589].

Эй тот, кто старается на пути Истины,
 Старайся всегда быть воспитанным.
 Воспитанность зеркало благородных,
 Невоспитанный похож на животное.
 Если просишь одобрение Бога,
 То должен освободиться от невоспитанности.
 Воспитанный всегда краснеет лицом,
 Невоспитанный становится как неуклюжая собака.
 С воспитанностью человек станет королем,
 Невоспитанный становится малой пылью на пути.
 Воспитанного повсюду сопровождает благополучие,
 От невоспитанного нет никому пользы.
 Тот, кто зажжет свечу бескорыстия,
 Заимствует воспитанность от последователей суфизма

Стихотворение «Сокровища мудрецов» (Ганчулорифин): это сборник 149 бейтов, и начинается с этих строк:

Дило парҳез аз зӯҳду риёӣ,
 Агар ту толиби роҳи Худой [46 ,467].

Душа откажись от аскетизма и двуличия,
 Если ты жаждущий на пути Бога.

В этом месневи критикуется аскетизм и двуличное богослужение, демонстрация своей набожности и благочестивости. Поэт проповедует не был надменным, враждебным, алчным, жадным, завистливым, беспечным,

безрассудным. Его рассуждения распространяются далеко за пределы действительности и постоянства мира, Поэт призывает народ к богобоязненности и заканчивает свою мысль следующим бейтом:

Чу ин ганч аз барои орифон аст,
 Касе к-ин ганч дорад, ориф он аст.
 Ту хам бардор ганч эй марди огох,
 Ба ишки пири маъни, Неъматуллох [46,412]

Когда это сокровище для мудрецов,
 Тот, кто владеет этим сокровищем он есть мудрец.
 Ты тоже получи сокровище озабоченный муж,
 Любовь духовного мира пира Шах Ниматуллах Вали.

Китъа. В диване Шах Ниматуллах Вали имеются 118 китъа, состоящие из 2 до 22 бейтов. Тема этих китъа преимущественно - мистицизм и пантеизм. Иногда затрагиваются социальные вопросы, несколько из них посвящены высокопочтимым мистикам и одна-две китъа носят автобиографический характер:

Қурби сад соли умри ман бигзашт,
 Қасди мӯре накардаам ба Худо.
 Нони худ хӯрдаам ба касби ҳалол,
 Моли ғайре нахӯрдаам ба Худо.
 Дар хароботи ишқ риндона,
 Рӯзгоре супурдаам ба Худо.
 Мӯи ҳастӣ ба теги сармастӣ,
 Аз сари худ сутурдаам ба Худо.
 То азизи Худову ҳақ бошам
 Иззати кас набурдаам ба Худо [46,678].

Прошли сто лет моей жизни,
 Я ничего не сделал на пути к Богу.

Я хлеб насущный ел добытый честным трудом,
 Не ел чужого на пути к Богу.
 На руинах любви ловко,
 Отдал я жизнь на пути к Богу.
 Волосы бытия клинком хмельным,
 Я с головы обрил на пути к Богу.
 Чтобы быть дорогим Богу и истине,
 Не отбирал я ничего достоинства на пути к Богу.

Во многих стихах поэта Шах Ниматуллах Вали наблюдаются обращения к сородичам, людям, близким по духу, крови. Он дает им наставления, пропедует им истину, указывает на правильный путь, так он описывает рождение своего сына:

Панчу хафтод буду хафтод сол,
 Рафта дар Кӯҳбанон, ки ногаҳон.
 Мир Бурхониддин Халилуллох,
 Омад аз ғайб бандаро меҳмон.
 Хайри мақдам баромад аз олам,
 Марҳаборо шунидам аз ёрон.
 Касби ӯ бод илми раббонӣ,
 Ҳосилаш бод умри ҷовидон [46,467].

Отправившись в Кухбан как вдруг,
 Мир Бурханиддин Халилуллах,
 Явилось приветствие от мира,
 Услышал я добрую весть от друзей.
 Будь полученная весть божественной,
 Пусть будет плодом вечная жизнь.

Приобретению знаний и применению на практике, любви к профессии также было посвящено стихотворение, которое написано в следующем содержании:

Илму амал чамъ кун бо хам,
 Чӣ куни чамъи молу сими дағал.
 Ин насихат ба гӯши чон бишнава,
 Ки чунин гуфтаанд аҳли дувал [46,342].

Копи в себе знание и практику,
 Зачем тебе собирать товар и нечистое серебро.
 Услышь это наставление,
 Так как говорили об этом государево мужи.

Один из китъа поэта посвящен окончанию дел в дни маѐин, которая приобрела форму доброго предзнаменования. Следует отметить, что такие добрые предзнаменования сохранились и по настоящее время в отдаленных районах ГБАО. Некоторые люди верят в эти предзнаменования и действуют, согласно предупреждению и опираются именно на эту китъу, написанную Шах НиматуллахВали:

Ба шанбе рӯзи хуш бошад хама кор,
 Валекин сайд кардан аз хама бех.
 Ба якшанбе бино оғоз мекун,
 Вагар азми сафар дорӣ душанбе.
 Сешанбе қасд мекун ё ҳичобат,
 Ба реши марҳамат марҳам ҳам не.
 Агар дори ҳавои шурбу шарбат,
 Чаҳоршанбе бихӯр в-аз ранҷ ворах.
 Ба панҷшанбе муроди хеш мечӯй,
 Зи ҳар бобе, ки хоҳи аз кӯху мах.
 Ба одина агар ёби арӯсӣ,
 Бикун тазвичу доди хеш медеҳ.
 Ки ғайри анбиёву авлиё кас,

Надонад сирри ин илм аз кӯху мах [46, 620].

Суббота является прекрасным днем для всех работ,
 Но лучше всего в этот день выйти на охоту.
 Не начинай строить дом в воскресенье,
 Если хочешь выйти в путешествие то в понедельник.
 Во вторник не старайся ё хичобат,
 На рану милосердия наложи целебную мазь.
 Если есть желание выпить вина и шербета,
 Сделай это в среду, избавься от страданий.
 Не ищи желания в четверг,
 Все, что ты желаешь от гор и луны.
 В пятницу, если найдешь невесту,
 Женись и не вопи.
 Так как кроме пророка и святых,
 Никто не знает тайну этой науки с гор и луны.

Четверостишье. В диване Шах Ниматуллах Вали отображены 294 четверостишья, которые также посвящены темам познания, мистицизма, религии, единобожья, науки, разуму и так далее. Поэт призывает отказаться от надменности, высокомерия, алчности, лицемерия, враждебности, быть счастливыми. В том числе:

Хандону латифу бо табассум мебош,
 Чун кутб мудом дар тараннум мебош.
 Чому майи завки Неъматуллоҳ менӯш,
 Човид ба завқ дар танаъум мебош [46, 644]

Будь радостным и улыбающимся,
 Как личность будь постоянно в восхвалении.
 Испей кубок вина веселья Шах Ниматуллах Вали,
 Будь вечно радостным в благоденствии.

В четверостишиях поэт иногда использует выражения из турецкого, арабского и даже русского языков. Например, используя слово «кутон» указывает на вид твердой ткани в России. Он говорил, что кутон ничто перед рубищем, который мы имеем, то есть он считал рубище мистиков превыше и качественней, чем русский кутон, о чем и пишет:

Бо хикмати мо Насири Тусй чи бувад,
 Бо хиркаи мо кутони русй чи бувад.
 Гуи, ки ба ақл метавон рафт ин роҳ,
 Бо дини мухаммадӣ маҷусӣ чӣ бувад [46,354].

Кем может стать Насир Туси от наших мудростей,
 Чем может стать русский кутон от нашей рыбищи.
 Ты говоришь, что сможешь одолеть этот путь разумом,
 Кем может стать огнепоклонник от религии Мухаммад.

Двустиишья. Двустиишье также имеет свое место в творчестве Шах Ниматуллах Вали. Их количество составляют 170 единиц, и он являются выразителями мистических и суфийских содержаний поэта. Но в отдельных случаях в двустиишьях имеют место и полезные нравоучения для народа. Например:

Ҳафт сифоти бад агар аз худ чудо созӣ чу ман,
 Неъматуллоҳи замон бошу султони замин.
 Ғайбату намому хирсу ҳасад ин ҳар чаҳор,
 Боз бухлу кинаву инанк тамаъ бишнаван зи ман [46, 679].

Если ты освободишься от 7 пагубных качеств, как и я,
 Будешь Шах Ниматуллах Вали своего времени и правителем земли.
 Злословие, намом, корыстолюбие, зависть все эти четыре,
 А также жадность, месть, алчность сейчас услышь от меня.

Иногда в своих двустиишьях поэт вспоминает о своих друзьях, хочет при помощи стихотворения и речи высказать свои эмоции, в частности:

Эй сабо гар раси ба Туркистон,
 Дустонро салони мо бирасон.
 Мо ба чон пеши он азизонем,
 Гар чи тан сокин аст дар Кирмон [46, 279]

О ветерок коль ты достигнешь
 Туркестана, Передай наш привет друзьям.
 Мы душой вместе с ними,
 Хотя телом проживаем в Кирмоне.

Отрывочные бейты. Шах Ниматуллах Вали в своем диване собрал 266 отрывочных бейтов, большая часть которых касаются мистицизма. Но среди этих двустуший имеются те, которые затрагивают социальную тему. Например:

Номи нек аст ёдгори башар,
 Номи некат ба хайр беҳ, ки ба шарр[46, 700]

Доброе имя память человечества,
 Хорошее имя лучше, чем плохое.

Вопрос и ответ. В диване имеет местами вопросы и ответы, написанные стихами. Точное количество вопросов 20, и на них поэт сочинил ответы. Вопросы состоят из 1 – 6, а ответы из 1 – 13 бейтов. Преимущественно эти вопросы были заданы учениками и последователями, а поэт в свою очередь, ответил им в стихах. Приведем образец первых вопросов и ответов:

Вопрос:

Меғуфт дар биёбон ринди даҳандарида,
 Ориф Худо надорад, ӯ нест офарида.

В песках говорил кутила пустословный,
 У мистика нет Бога, он не сотворен

Ответ:

Фармуд Неъматуллоҳ ориф Худо надорад,
Зеро ҳам ӯст ориф, к-ӯ нест офарида [40, 39].

Ответил Шах Ниматуллах Вали, что у мистика нет
Бога, Поскольку он сам мистик, но не есть творение.

Следует отметить, что в диване поэта имеются 19 незаконченных
газелей, которые состоят из 2-4 бейтов на тему мистики и суфизма.

2.3 Трактаты поэта

Несмотря на многочисленные путешествия в различные части Востока, благодаря чрезвычайным способностям и большую трату времени, Шах Ниматуллах Вали находил возможность заниматься сочинением научно-художественных произведений, благодаря чему его творчество по сегодняшний день привлекает внимание деятелей науки и мистицизма. Наследие поэта по прошествии длительного времени не потеряло свое большое историческое, философское и мистическое значение. От поэта достались множество прозаических и поэтических произведений, в которых ведется диспут на различные темы, в том числе о философии мистицизма, этики, познании, литературе, богословии, теологии, познании человеческого бытия, единстве, солидарности, почетной статусе человека как одного из существ созданного Богом.

Произведения Шах Ниматуллах Вали хранятся в больших библиотеках мира, в частности в Иране, Индии (Хайдарабад, Дели), Пакистане, Афганистане, Турции и Англии.

В наследие Шах Ниматуллах Вали кроме дивана стихотворений входят и несколько трактатов. Как отмечает исследователь его наследия Хамид Фарзом: «Шах Ниматуллах Вали кроме поэзии приступил к написанию многочисленных трактатов по различным вопросам мистицизма и суфизма» [79, 483].

Поэт написал много трактатов, особенно на суфистские темы. Как отмечают исследователи, последователям и любителям его творчества мало удалось собрать его сочинений. Со слов Абдураззака Кимони исследователь Забеуллах Сафо отмечает, что: «Не установлено, что кому-либо удалось собрать сочинения того почтеннейшего полностью. И диван поэзии, чудо наследия, хотя существовало больше стихотворений, которые так и не вошли в диван» [68, 483]. Мавлана Садалидин Насрулла относительно найденных

им газелей и не включенных в диван, отмечает, что один из современников поэта в Сирии собрал 240 трактатов поэта. В Индии собраны 3 тома его произведений: первый том 150, второй том 64 и третий том 50 трактатов. [79, 156].

Сам Абдураззак Камони, перечисляя некоторые трактаты, указывает на то, что в общем количество трактатов составляют 106 шт., большая часть из которых написаны на персидском и арабском языках, посвящены мистике, изложены научным писанием» [1,110].

В другой книге «Ганчинаи подшоҳии шоҳи Моҳон», написанный Рузонуром Шах Ниматуллах Вали указывается на то, что количество трактатов Шах Ниматуллах Вали составляет более 300, 82 книг из которых он видел сам лично и они хранятся у него.[59,93]

Мирзомухаммад Али в своем трактате «Райҳона-ул-одоб» упоминает о 20 трактатах Сайида в следующем порядке: «Порядочность, середина, душа, буквы, символ, пояснение искренности, пояснение победителя, пояснение цветника тайн, благодеяние, проект, камилия, познание души, мукошафа, мунхочалмуслимин, колыбель, наставление имущества, маленькие и новые изречения» [79, 242].

Со слов некоторых из летописцев Алисгар Халаби называет количество трактатов Сайида от 300 до 500, часть из которых была напечатана в Тегеране. В частности называют такие трактаты, как «Преобразование суфизма» («Истилохот ал суфия»), «Мукошифот», трактат «Восхваление» (рисолаи «Таърифот»), трактат «Буквы последних слов Карана» (рисолаи Хуруфи мактаоти куръонӣ), тарктат «Положение» (рисолаи —Маротиб), трактат «Сборник произведений» (рисолаи Маҷмӯъ аласъор), «Трактат восхваление в тысяча четырехстах бейтов» (Рисолаи авсоф дар ҳазору чаҳорсад байт), рисолаи «Завқиёт» (шомил бар панҷ завку дар сад байт), трактат «Вдохновение» (в пределах 400 бейтов), тарктат «Сборник анекдотов» в 50 бейтах (рисолаи Маҷмӯъаи латоиф, дар панҷох байт). Хамид Фарзом согласно данным

Абдулазиза Воизи и со слов Сайидмаджид Табреси указал: «...у меня в Сирии были несколько тысяч трактатов Шах Ниматуллах Вали в нескольких томах, не было возможности привести с собой, я их оставил там. Но 3 тома произведения и сочинения говорили в этом томе 544 трактатов. В первом томе 340, во втором томе 154 и в третьем томе 50 трактатов...» [79, 374].

Эдуард Браун в своей книге «История литературы Ирана» (Таърихи адабиёти Эрон) также подтверждает эти слова. Он указывает, что —Шах Ниматуллах Вали написал 500 трактатов о мистицизме [98, 529]. Но в «Истории поэзии и прозы в Иране» (—Таърихи назм ва наср дар Эрон) называются 126 трактатов Шах Ниматуллах Вали [12, 289].

Сборник из 108 трактатов Шах Ниматуллах Вали Вали, объемом в 1134 страниц, был напечатан в Тегеране, благодаря стараниям Мухаммадризо. Современные летописцы в различных цифрах указывают количество трактатов Шах Ниматуллах Вали Вали. Но вывод заключается в том, что исследователь Амид Фарзом, который увидел и написал комментарий ко всем трактатам Шах Ниматуллах Вали Вали, указывает: «Все то прозаическое наследие, которое дошло до нас и имеется в наличии, кроме 2 поэтических трактатов составляют 114 единиц. Это количество как повествуют Абдураззак Кирмони и Акобир Кирмони, составляет 114 трактатов поэта» [1, 176].

Трактаты поэта по существу были посвящены анализу вопросов единобожья, истины, познания, суфийской любви, терпенья, воли и так далее. В этом плане Хамид Фарзом также указывал: «...из названия некоторые из этих трактатов следует, что они были написаны как толкование религиозных течений, путешествий и странствий в поисках истины. А одна часть была написана для комментирования смысла, полного понятия, пантеизма и терминологии» [79, 484].

Для развития этих мыслей можно привести название нескольких трактатов поэта, которые всецело охватывают суть и сочинение мистических мыслей поэта, в том числе: —Барзахия» («Барзахия»),

—Мукошифот, «Положение» (Маротиб), «Исследование» (Тахкикот), «Метод» (Усул), «Сборник произведений» (Маҷмӯъал асрор), «Тайна письменности» (Фи-асрор ул-хуруф), «Жизнь суфия» (Сулук), «Раскрытие тайны» (Кашфуласрор), «Нурия»(Нурия), «Просвещение» (Маориф), «Любовное послание» (Муҳаббатнома).

Хамид Фарзом видел трактаты поэта в реестрепосменных копий и дополнительные трактаты письменных копий в библиотеке Мулк Тегерана и привел перечень в сжатой форме:

1. Рисолаи —Шарҳи фасл аввали Фусусалҳикам|| - «Описание первого раздела «Суждения долей»
2. Рисолаи «Барзахия» – Трактат «Перешеек»
3. Рисолаи «Мукошифот» – Трактат «Открытия»
4. Рисолаи «Муншоот» - Трактат «Источники»
5. Рисолаи «Ҳо» – Тратат «Сейчас»
6. Рисолаи «Нафсия» (маърифти нафс) –Тркатат «Состояние души»
7. Рисолаи «Мадҳия» – Трактат «Хвала»
8. Рисола “Дар таҳқиқи маънии вилоят” (баёни ҳақиқати муҳаммадия)
- Трактат «Исследование значени области»
9. Рисолаи “Маротиб ”(вилоят ва нубувват) – Трактат «Степень»
(покровители и пророчество)
10. Рисолаи “Таҳқиқот”. – Трактат «Исследование»
11. Рисолаи “Фи-таҳқиқи маънӣ ал чонон” - Трактат «Рассуждение о душе»
12. Рисолаи «Усул» - Трактат «Способы»
13. Рисолаи «Шарҳи Фусуалҳикам» - Трактат «Суждение долей»
14. Рисолаи «Маҷмӯъ ал асрор» - Трактат «Совокупность тайны»
15. Рисолаи «Асрор ал ибодот» - Трактат «Тайны поклонения»
16. Рисолаи «Фи-асрор ал-хуруф» - «О тайнах букв»
17. Рисолаи «Савол ва ҷавоб» - «Вопросы и ответы»
18. Рисолаи «Сулук» - «Образ действий»
19. Рисолаи «Кашф-ул асрор» - «Исследование тайн»
20. Рисолаи «Нурия» - «Свет»
21. Рисолаи «Баёни ақтоб» (Кутбия) – «Изображение полюса»
22. Рисолаи «Муҳаббатнома» - «Писъьмо о любви»
23. Рисолаи «Маъориф» (Маърифати кабир) – «Великое познание»

24. Рисола «Дар тафсири ло илоҳа илаллоҳ» - «Коментарий к «Нет Бога кроме Аллаха»
25. Рисолаи «Шарҳи фотеҳа ал китоб» - «Коментарий благословения книги»
26. Рисола «Дар насихати Сайид Нуруллоҳ» - «В назидание Сайиду Нуруллаху»
27. Рисола «Дар шарҳи сураи Ихлос» = «Коментарий к суре Ихлас»
28. Рисолаи «Хурия» - «Ангел»
29. Рисола «Дар насихати Сайид Халилуллоҳ» - «Вназидание Сайиду Халилулаху»
30. Рисола «Дар таҳқиқи маротиби илоҳия» - «Исследование периода божества»
31. Рисолаи «Хилват» - «Уединение»
32. Рисолаи «Аҳдия» - «Завет»
33. Рисолаи «Халқия» - «Создание»
34. Рисола «Дар баёни мақомотал-қулуб» - «Заявление оместе души»
35. Рисолаи «Таҳқиқ ал-Имон» - «Исследование веры»
36. Рисола «Дар байёни ишороти фотеҳа ал китоб» - «Высказывание овведение»
37. Рисолаи «Манзумае дар насихат» - «Поэма о наставлении»
38. Рисолаи «Булуғия» - «Зрелость»
39. Рисолаи «Нафсия»(рӯҳия) – «Душа»
40. Рисола «Дар таърифи рӯҳи инсонӣ» - «О предсталвнии души человека»
41. Рисолаи «Вачҳия» (рӯҳи аъзам) – «Великий дух»
42. Рисола «Дар баёни халифа» - «О правителе»
43. Рисолаи «Калимаи қудсия» (мавт ва ҳаёт) – «Святое слово»
44. Рисолаи «Тавҳид» - «Единство»
45. Рисолаи «Таърифот» - «Определения»
46. Рисолаи «Маротиб» (маротиби ринд) – «Случаи
47. Рисола «Дар байёни маъони хуруф» - «Определение значения букв»
48. Рисолаи «Завқия» - «Удовольствие»
49. Рисолаи «Шариҳ саволи Камил ибн Зиёд» - «Коментарий вопроса Камиля ибн Зияда»
50. Рисолаи «Айния» - «Существенный»
51. Рисола «Дар таҳқиқи вучуд» - «Исследование о сущности»
52. Рисолаи «Насихатномаи халифай Аллоҳ» - «Назидание халифа Аллах»

53. Рисола «Насабати хирка» - «Основы суфийской одежды»
54. Рисолаи «Нукот» - «Высказывания»
55. Рисолаи «Таваккул» - «Упование»
56. Рисола «Дар тахкиқи тасбех» - «Исследование о сущности четок»
57. Рисолаи «Нукот» (хасия ва нукот) – «Вопросы»
58. Рисолаи «Эҷодия маъруфия ба баёни худаш» - «Высказывания об известных творениях»
59. Рисолаи «Баёни нафс» (баёни мавчуд ва маъдум) – «Голос души»
60. Рисолаи «Барозах» - Мечтатели»
61. Рисолаи «Хайёлия» - «Идеалисты»
62. Рисолаи «Баёни сирри тавҳид» (нукот) – «Описание тайны единства»
63. Рисолаи «Завқия» - «Искусство»
64. Рисолаи «Рамуз» - «Символы»
65. Рисолаи «Файзиёт» - «Благодеяния»
66. Рисолаи «Мачмӯъа ал латоиф» - «Сборник анекдотов»
67. Рисолаи «Махзан ул-асрор»- «Сокровищница тайн»
68. Рисолаи «Вучудия» - «Бытие»
69. Рисолаи «Илҳомия» - «Вдохновение»
70. Рисолаи «Байёни маротиби хуруф» - «Высказывание о порядке букв»
71. Рисолаи «Инъомот» - «Вознаграждение»
72. Рисолаи «Ҳидоя» - «Наставление»
73. Рисолаи «Факрия» - «Бедность»
74. Рисолаи «Иршоди толибин» - «Повествование студентов»
75. Рисолаи «Лавоех» (такрор) – «Иллюстратор»
76. Рисолаи «Истилоҳхот ал сӯфия» - «Термины суфизма»
77. Рисолаи «Айния» - «Тождество»
78. Рисолаи «Чавҳар дар тарҷумаи Фусусал- хикам» -«Толкование мудрых изречений»
79. Рисола «Фи таҳқиқ ал–вучуд» - «Рассуждение о бытие»
80. Рисолаи «Вучудия» - «Бытие»
81. Рисолаи «Шарҳи абёти Фусусал-ҳикам» - «Толкование мудрых высказываний»
82. Рисолаи «Нафсия» - «Духовный мир»
83. Рисолаи «Тоҷнома» - «О правлении»
84. Рисолаи «Усули хамса» - «Методы пятикнижия»
- 85.Рисола “Чавоби баъзе саволот”– “Ответы на некоторые вопросы”
86. Рисолаи “Шарҳи ламъот”– “Пояснение блеска”

87. Рисолаи “Нурияи чомеъуланвор ва мачмауласрор” – “Свет святых и совокупность тайн”
88. Рисолаи “Шахидия|| – “О мученике”
89. Рисолаи “Байёни эчоди улуму хуруф ва манозил” – “Высказывание отворение науки”
90. Рисола «Дар байёни маротиб» – «Высказывание о периодах или Времени»
91. Рисолаи “Савол ва чавоби ҳаким Тирмизӣ” – “Вопросы и ответы мыслителя Тирмизи”
92. Рисола «Дар тафсири шеъри Абул Сайид Абулхйра” – “О коментарии стихов Абул Саида Абулхайра»
93. Рисолаи «Адаб» – «Вежливость»
94. Рисола «Дар байёни ҳақиқати муҳаммадия» – «Высказывание об истинности мухаммадия»
95. Рисолаи “Имонот” – «Вера»
96. Рисола “Дар баёни исми аъзам» – «Высказывание о великом имени»
97. Рисолаи “Маърифат” – «Познание»
98. Рисола — Дар баёни хилъати Халилуллоҳ||- — Об одежде Халилуллаха||
99. Рисола “Дар баёни ояи нур” – “Высказывание об аяте Нур”
101. Рисола “Дар баёни ҳамд” – “Высказывание о восхвалении”
102. Рисолаи “Нурия дар тафсири ояи Аллоҳнур валсамовот валарз” – «Нурия и его комментарий»
103. Рисола “Дар баёни фазоили саҳоба” (хулафои арбаъа ва аҳли байти расул)|| – “Высказывание о достоинствах соподвижниках пророка) арабских халифах и родственниках пророка)
104. Рисолаи «Насихат ба муридон» – «Назидания муридами»
105. Рисолаи “Таҳқиқ ал Исломи” - Исследование Ислама”
106. Рисолаи «Суччодот» – «Поклонения».
107. Рисола дар баёни фазоили саҳоба (хулафои арбаъа ва аҳли байти расул)
108. Рисолаи «Завқия» - «Искусство»
109. Рисолаи «Насихат ба муридон» - «Назидания муридам”
110. Рисолаи «Айния» - «Тождество»
111. Рисолаи «Таҳқиқ ал-Имон» - «Исследование веры»
112. Рисолаи “Таҳқиқ ал Исломи” - «Исследование Ислам»
113. Рисолаи Суччудот- Рисолаи “Суччодот” – «Поклонения”.

Следует отметить, что часть трактатов, приведенных выше, повторяются своим названием или являются одинаковыми. Такое положение отмечается как в перечне, приведенном Абдураззакам Кирмони, так и в списке Хамид Фарзома. По нашему мнению, при составлении перечня трактатов поэта, исследователи оказались перед текстовыми ошибками. Несмотря на то, что названия некоторых трактатов одинаковы, но их ведение и содержание полностью отличаются друг от друга.

Например, трактат Завкия, который в списке числется под номером 63 отличается своим началом и содержанием от трактата Завкия под номером 108.

Трактат Завкия начинается с толкования мусульманской истины, истины человеческой, имен и качеств Бога, совокупности имен, единение Бога и области массы. В конце трактата приводится: «Наслаждение: это истина создателя мира, отображенная в людях...».

На ҳар факре, ки медони чунин аст,
Фақирему ғинои мо ҳамин аст [86,311].

Не всякая бедность, которую ты знаешь такова,
Мы бедны и такова наша музыка

Во-вторых, трактат Завкия посвящен различным проблемам мистицизма и начинается со следующих слов —Перед учеными целые четкие изобретения полные мазахар относящийся по истине к пророку музахар и сущность мазахар как зеркало, которое на языке дарования великих мыслителей создает метафорические рассказы и от значения изображения лица, который отображался на нем указывает:

Як шамъу сад оина бинҳод ба пиромун
Ҳар оинаи шамъе, бинмуд туро рӯшан...» [86,216].

Кругом поставил свечу и сто зеркал
Каждое зеркало и свеча осветили тебя...».

От сравнения трактатов, приведенных Абдураззаком Кирмони и Хамидом Фарзомом можно сделать вывод, что Шах Ниматуллах Вали писал свои трактаты на двух языках – персидском и арабском и для создания поэтических и прозаических произведений имел острое перо. Как упоминалось выше, кроме сочинения стихотворений, прозаические трактаты принесли уже пользующемуся уважением Шах Ниматуллах Вали популярность и сделали его в мире восточной литературы, в частности таджикско-персидской обладателем особого ранга и положения.

ГЛАВА III. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ ШАХ НИМАТУЛЛАХА ВАЛИ

3.1 Особенности стиля поэзии Шах Ниматуллаха Вали

Литературоведами высказаны различные точки зрения относительно языковых особенностей и литературного стиля Шах Ниматуллаха Вали. Забехуллах Сафо – автор «История литературы в Иране» (Таърихи адабиёт дар Эрон) - подчеркивая, что стиль поэтической речи этого поэта отличается простотой, а стихи лишены нарочитой игры словами, демонстрации художественной изобразительности, пишет: «Популярный диван Шах Ниматуллаха Вали, включающий в себя более тринадцати тысяч бейтов, состоит из нескольких касыд, огромного числа газелей, нескольких безымянных маснави и рубаи. Представляется, что некоторые произведения этого дивана могут принадлежать перу —Саида. При всем этом, все они представляют собой разновидность мистической поэзии и различные сентенции относительно суфийских воззрений, определенная же часть, являясь повторением статей и высказываний предшественников, в целом лишены нарочитой поэтической вычурности и отображают его цели и идеи» [65,284].

Как уже было отмечено выше, Шах Ниматуллах Вали является одним из известных поэтов и мистиков, который с точки зрения количества прозаических и поэтических произведений на персидском и арабском языках, места и роли в истории суфизма и мистицизма, персидско-таджикской литературе занимает особое положение. Он, как и другие художники слова классической литературы обладал своим индивидуальным, ярко выраженным стилем письма. Его произведения относительно мистицизма, философии, науки и образования, любви и других благих состояний человеческой души, написаны очень простым и доступным языком, вместившим в каждой своей единице всеобъемлющие понятия. Важнейшей чертой жизни поэта, ставшей

причиной его известности и почитания в его время, является огромное число мистических и сифийских произведений поэта и неслучайно некоторые исследователи, при упоминании его имени, указывали на эту особенность. Также очень привлекательны язык и способы мыслевыражения поэта. Некоторые использованные им слова и выражения редко встречаются в общепринятом языке и потому часто заставляют читателя размышлять и пускаться на поиски раскрытия значений таких понятий и выражений. Использование поэтом многообразия слов и понятий способствовало наполнению стиха широтой содержания и свидетельствует о богатом словарном запасе его памяти. Однако в творчестве поэта, также немало доступных и простых, с точки зрения стиля и языка стихотворений. Такие стихотворения, можно наблюдать в ряде китъа (фрагментах), незаконченных газелях, дубейти и рубаи поэта. Например в следующем рубаи:

Аз баҳри худо агар худо мечӯй,
 Медон, ки худоро ба ҳаво мечӯй.
 Ҷуро биталаб, то ки биёбӣ ӯро.
 Ғайраш чӣ кунӣ, ғайр чаро мечӯй [2,89].

Коль Бога ты во имя бога ищешь,
 Знай, ты Его лишь в небе (в воздухе) ищешь.
 Зови Его в молитвах, чтобы найти его,
 Зачем его сторонним делаешь, потусторонним ищешь.

Как мы уже отмечали выше, время жизни поэта пришлось на период правления, таких царей и эмиров династии тимуридов, как Амир Тимур, Шохрухмирзо, Мирзоискандар, Ахмадшах Бахмани. В этот длинный временной отрезок, начавшийся с XIV века, персидско-таджикский язык продолжал развиваться и набирать сил. Также в этот период происходили бурные дискуссии вкруг мистицизма, которые так или иначе оказали влияние на творения таких поэтов суфиев, как Шах Ниматуллах Вали Вали, Абдурахман Джами, Шахкасым Анвор и др. Размышляя о влиянии суфизма

на творчество известных поэтов XIV-XV веков Гулмирзо Мухаммад высказывает следующую мысль: « В этот период научный и суховатый мистицизм ибн Араби, который преподавался и пропагандировался начиная с III века, проникнув в персидско-таджикскую литературу мистического толка, наполнил язык её прозы и поэзии, своими терминами и понятиями, что конечно же оказало влияние на творчество многих поэтов – мистиков. Что можем встретить в поэзии Шах Ниматуллах Вали, Абдурахмана Джамии и др., подобные дискуссии и термины» [79,207].

Одной из форм поэзии, широко распространенной в творчестве поэтов периода правления тимуридов, была газель. Шах Ниматуллах Вали, также является поэтом мыслителем, чьи творения, в большинстве случаев составляют стихи, созданные в жанре газели. При создании своих стихов поэт чаще всего обращался к таким метрическим размерам и поэтическим тропам, как *матбуъ*, *матнуъ*, *хачаз*, *рачаз*, *рамал*, *мучтас* и *сареъ*. Примечательно, что в его стихотворениях не встречаются такие тяжеловатые метрические размеры, как *сақил* (хафиф или гарон) и *махчур*. Например эта газель поэта написана в размере аруза рамали мусаддаси махзуф:

Гар зи чини сунбули зулфат сабо бӯе барад,
Нофаи мушки хутан гирад ба хар сӯе барад [2, 67].

Коль ароматом волнистых локонов твоих ветерок повеет,
Взяв будто у кабарги мускусный мешочек, он повсюду развеет.

Большинство газелей поэта снабжены глагольными и существительными редирами. Поэт, порой в своих стихах, также прибегает порой к использованию тюркских слов и лексем, характерных для какой – либо определенной местности, то есть к говорам. Одной из особенностей литературных произведений того или иного писателя или поэта в каждом веке, заслуживающего особого внимания, является использование слов – диалектов. Поэты и писатели стараются используя термины и понятия характерные периоду своего времени, привлекать в прозаическом или

поэтическом тесте большое количество обращений к адресатам. Диван Шаха Ниматуллаха Вали, также изобилует такими словами, на что считаем своим долгом обратить особое внимание. Эту особенность отметил ученый литературовед Насрулло Пурджаводи: «В стихах каждого поэта мы встречаем отдельные слова и термины, которые являются ключевыми для многих общеупотребимых слов и лексем, но обладают особым смыслом. Так, к примеру, в поэзии Ниматуллаха часто употребляются такие суфийские слова, как: пир (глава духовной общины), муғӯон (зорастрийец), харобот (винный погребок), қаландар (отшельник), ринд (гуляка), майкада (кабачок), куфри зулф (богохульник) и т.д.» [43, 61].

Зинхор, дило, макӯш чуз бар некӣ,
 Зеро ки зиён накард кас дар некӣ.
 Гар з-он, ки касе ба чоӣ ту нек накард,
 Ту некӣ кун ба чоӣ ӯ гар некӣ [46, 576].

О сердце, стремись в согласие жить с добром,
 Тому, кто благороден, ненастья ни по чем.
 Пусть грубым кто-то был с тобой, не огорчайся,
 Прими его любя как брата, заплатив добром.

В своем диване Шахниматуллах Вали, также иногда прибегал к использованию таких форм множественности арабского языка, как- чамъи шикаста и чамъи солим. Такие словосочетания чаще характерны для таких употребительных слов таджикско-персидского языка, как : аён (знать), хубоб (пузырь), қусур (порок), ағӯёр (недруг), укбо (загробный мир), ашә (предметы) и т.д. В качестве примера обратимся к следующему стихотворению:

Сохибназаре ку, ки чакон дар назар орад,
 Ё марҳами розе, ки зи укбо хабар орад.
 Зинхор мазан тири ситам бар дили дарвеш,
 К-он тири ситам теғу синон бар чигар орад [46,210].

Где прозорливый тот, что мир весь может нам представить,
 Где тайны знавец, что весть о загробном мире нам представит.
 Смотри же не пронзи стрелой насилья сердце дервиша,
 Ведь та стрела насилья, твоей душе немало зла доставит.

Невзирая на то, что поэзия Шаха Ниматуллаха Вали создавалась в традициях мистической поэзии суфийских поэтов прошлого, он все же обладает своим индивидуальным стилем, который позволяет увидеть отличие его поэтической речи от других предшествовавших ему поэтов суфийского направления. Таким образом, мы задались целью исследовать некоторые особенности поэзии этого волнительного мыслителя, чтобы выявить её своеобразие и неповторимость.

Шах Ниматуллах Вали назидая свим муридам (последователям и ученикам) как и многие другие предводители школы мистицизма и суфизма использовал поэзию в качестве инструмента пропаганды своих мыслей и воззрений. Но, согласно словам одного известного иранского литературоведа А.Зарринкуба, подчеркнувшего, что: - «Его поэзия, на самом деле представляет собой сгусток воззрений школы мистического суфизма» [6, 329] Мы также считаем, что он действительно был одним из ярких представителей этого литературного направления своего времени.

Эдвард Браун убежден в том, что: «Известность пришла к Шаху Ниматуллаху Вали не столько благодаря его творческой деятельности как поэта, сколько благодаря суфийской составляющей его поэзии. Его поэтические произведения воспринимаются читателями как однообразные и в целом средние по своей художественной значимости». [12,429] Некоторые исследователи и ценители персидско-таджикской поэзии проявляют свою солидарность с этим мнением. Так, доктор Забехулла Сафо считает, что его творения своего рода есть повторение мысли и суждений, высказанных в статьях предшествовавших поэтов, а стиль его поэтической речи отличается простотой и стихи лишены нарочитой игры словами, демонстрации

художественной изобразительности, Зарринкуб, который, также подчеркивает высокую роль поэта в суфизме, однако не видит в его стихах особого изящества и завораживающей очаровательности.

На основе наблюдений и анализа произведений Шах Ниматуллаха Вали можно прийти к выводу, что важнейшей особенностью поэтической его речи является то, что его стихи изобилуют религиозными, мистическими и философскими терминами и понятиями. Знакомство и привязанность Шаха Ниматуллаха к воззрениям Мухиддина Араби, в частности его книги «Футухоти Маккия» и «Фусусалхикам» - отложили отпечаток на всех его мыслях и поэтической речи. Тому свидетельством служат стихи самого поэта:

Каломоти Фусус дар дили мо,
 Чу нигин дар макоми худ бинишаст.
 Аз расули Худо расид ба ӯ,
 Боз аз рӯхи ӯ ба мо пайваст [46,312].

Слова книги Фусус в нашем сердце,
 Подобно камню перстня глубоко засели.
 Устами посланника бога пришли к нему,
 И вновь от духа его к нам возлетели.

Эту особенность можно считать одним из конкретизирующих факторов его поэтической речи в сравнении с другими поэтами его времени. Английский востоковед Леонард Луизин по этому поводу отмечал: —На самом деле одним из источников поэзии Шах Ниматуллах Вали были комментарии теории Ибн Араби в форме простых стихотворений, таким образом, чтобы его мюриды и ученики могли пользоваться ими полагаясь на свою память» [27, 188].

Из знакомства и наблюдений его поэзии можно заключить, что стиль Шах Ниматуллаха Вали тяготеет к иракскому стилю. Однако, мы не можем согласиться с суждениями тех исследователей которые считают, что его поэзия лишена высокой изящности и отличается искусным украшательством,

так как среди творений этого художника слова, также существует немало произведений высокого содержания и удивительных по своей художественной изобразительности, которые не оставляют читателя равнодушным. Нижепривденные примеры стихов свидетельствуют о том, что он всегда в своих стихах опирался на высокие человеческие идеалы, и свои суждения и чувства обрамлял в различные средства художественного изображения, в частности использовал такое средство художественного изображения, как ирсоли масал (перенаправление на притчи и басни, пословицы и поговорки) :

Наку набувад тухми бадї коштан орї,
 Гар тухми бадї корї, он тухм бардорї.
 Аз сангдилї санг манех дар рахи мардум,
 К-ӯ кӯхи азобе ба иваз дар гузар орад.
 Чӯбе, ки зани бар кафи пое ба тазаллум,
 Бешак ба яқин дардисарио ба сар орад.
 Бедод макун чони бародар ба хакикат,
 Бедоди падар раҳмати он бар писар орад [40, 218].

Из самолюбия не подобает сеять семя зла,
 Коль все ж посеешь зло, сожет оно тебя дотла.
 Не застилай, по грубости своей, камнями путь людей,
 Ведь горами непроходимыми они же станут для тебя.
 Когда ты палками со зла в кровь разбиваешь спины,
 Знай от мук и страданий ты лишишься покоя и сна.
 Ты брата не вини и душу не терзай во имя правды,
 Блага, что он оказал отцу, его спасут сполна.

В процитированной выше китъа стихотворные строки «*Гар тухми бадї корї, он тухм бардорї*» («Коль все ж посеешь зло, сожет оно тебя до тла» и «*Бедоди падар раҳмати он бар писар орад*» (Блага, что он оказал отцу, его спасут сполна») использованы как художественный прием ирсоли масал, который в народе бытует в выражении «*Бадї кунї, бадї бинї*»,

(*Совершивший зло зло и увидит*) или «*Оҳи меш барра мегирад*» («*Стенания овцы овца лишь понимает*»). Некоторые исследователи считают Шах Ниматуллоха Вали не столько выдающимся поэтом, сколько признанным мистиком и суфием. По словам Мухаммада Шарифи: «Его поэзия всецело служит выражению целей и по этой же причине она предельно проста и, с точки зрения художественности, посредственна, но важное в ней качество — это глубина содержания и высокая мистическая мысль, которые сделали её весьма популярной среди дервишей и последователей суфизма» [85, 185].

Однако мы не можем всецело согласиться с этим их выводом, так как поэту удалось именно благодаря искрометности и действенности своей завораживающей поэтической речи занять достойное место в литературном круге своего времени и привлечь к себе внимание большого количества читателей. Он выражал свои мистические мысли, порой в поэтической и иногда в прозаической формах. Некоторые его газели, которые создавались от пламени мистической любви, обладая большим изяществом и смыслом, повествовали о его душевной теплоте и нравственной красоте.

То есть, поскольку для него стихи считаются, больше всего средством мистических высказываний, но являясь воздействующими и глубокомысленными, не могут стать причиной того, чтобы мастерство описания в его поэзии оставалось не замеченным. Мы в последующих разделах, можем подтвердить эту мысль, приведя отрывки стихов из наследия поэта.

В истории персидско-таджикской литературы Шахниматуллоха Вали знают, как совершенного мыслителя, знаменитого суфия и основателя сборника ниматуллохи. Большая часть наследия Шахниматуллоха Вали повествует о единстве сущности (пантеизм), высшей ценности и значении человека перед Создателем. О мистической философии единства сущности Шах Ниматуллоха Вали, провёл подробное исследование таджикский учёный Б. Исмагов [123, 156]. Также о философских размышлениях поэта, особенно значении человека и его величии и значении перед Аллахом, было проведено

научное исследование в форме диссертации Гавмирзо Мирхусайном, которое является очень важным для ознакомления с философскими мыслями поэта.

В период, когда творил и жил Шахниматуллох Вали, газель являлась стихотворной разновидностью, которая создавалась на самые различные темы и отличалась своей многообразностью. В эту эпоху литературной деятельностью занимались прославленные художники слова, мастера жанра газели, такие как Хафиз Шерази, Убайд Зокони, Камол Худжанди, Абдурахман Джами и другие. Газель считалась одной из самых популярных стихотворных форм XIV-XV веков. Идеино-тематические границы газели были очень широкими, поэты этих веков словно соперничали при её создании. Но предводителем всех поэтов, создающих газели, считались Хафиз Шерази и Саъди Шерази, и они были признаны мастерами этого жанра лирики. Глубина мысли и чувств, удивительная красота созданных Хафизом газелей, способствовали тому, что другие поэты его времени, также создавая свои газели обращали большое внимание на изящность формы выражения поэтической речи, логическую связанность бейтов между собой. Идеи и смысл газелей в эти века охватывали также лирические и социальные, иногда политические, но зачастую любовные, жизненные, мистические и праздные проблемы путём отображения различных образов. Однако следует отметить, что лирические и эпические персонажи, темы и средства воздействия газелей в этот период, особо не отличались от газелей других, предыдущих периодов литературы.

3.2 Содержание и особенности газелей

Начиная с конца пятого века и до завершения правления династии Газневидов в развитии поэзии произошёл спад, до определённого уровня, но на территории Хурросона заново началось развитие мистицизма и суфизма. Эти два явления стали причиной появления нового течения на основе отражения — платонической любви в персидско-таджикской поэзии. Одним из изящных явлений сотворения мира является любовь, которую Аллах поместил в сердце каждого творения, как один из видов сбережения. Любовь имеет различные виды и красоты, которые явились по своей разновидности причиной появления притягательного произведения в стихотворном жанре газели на поприще персидско-таджикской литературы. Поскольку любовь всего лишь чувство, то на протяжении времён мнения и мысли, социальные и политические условия, религии и духовные перемены оставив на ней отпечаток, стали причиной появления различных групп в лирической поэзии. Платоническая любовь, отражённая в стихах и газелях с шестого по девятый века, в отличие от описания любви в предыдущих веках, не соединяет в себе достижения, радость и покой, а полна мотивов печали, неудачи и горя. Поэт вместо того, чтобы отражать внешность, портрет возлюбленной и естественные её очертания, при описании возлюбленной, также вносит своё воображение, вдохновение и интеллект.

Преобразует внешнее описание во внутренне представление и старается описать свою земную возлюбленную с духовной и религиозной стороны. Под этим предлогом, что возлюбленная осведомлена о прошедших столетиях, она становится до определённого предела недоступной. Отсутствие возможности достигнуть небесной возлюбленной, становится причиной того, что влюблённый постоянно находится в состоянии горя и печали, что помогло придать изящества любовной поэзии. Доктор Заринкуб относительно подобной любви пишет: — Кажется, что развитие мистической любви нельзя считать безвоздейственной в преобразовании платонической любви по этим духовным и религиозным граням. В действительности суфийский стиль

выражения мысли придавал потустороннее благородство персидской поэзии, возможности, которой не имела совершенная (фузало) поэзия кроме, как в стиле и смысле одобряемого народом, даже одобренными самими сочинителями [8,89].

Также, как было отмечено ранее, любовные газели девятого века отражают эту особенность, то есть платоническую любовь и стоит отметить точку зрения, что большинство любовных стихов того времени создавались в жанре газели. Содержание некоторых газелей девятого века, особенно Шахниматуллаха заключается в описании высшего создателя и эта тема отражается в разных видах их газелей. Некоторые поэты в том числе, Ахлии Шерази, Шахкосым Анвор и Шахниматуллах акцентировали свое внимание на отображении качеств Всевышнего относительно мудрости, науки и вопросов касающихся создания всего сущего. И другая группа, из числа Джамии, Бобофигона Шерази в большей мере творили в жанре муноджот (обращения) восхваляя Аллаха. Наиболее выдающимися личностями девятого века, которые в своих любовных стихах воспевали платоническую любовь, были Джамии, Ахлии Шерази, Косим Анвор, Хилои Чагатай, Шахниматуллох Вали.

Газели Шахниматуллаха Вали, тоже с точки зрения жанровых особенностей, мало чем отличались от газелей предшествующих поэтов и его современников. Поэт при создании газелей в основном, тоже придерживался предыдущих традиций, сохраняя стихотворную систему и традиционные стихотворные размеры, рифму и редиф (словосочетание, повторяющееся в конце стиха). Газели поэта, имеющих редиф составляют более 400 наименований. Число газелей без радифа в его наследии достигает 100 штук. Шахниматуллах Вали, будучи последователем таких великих мастеров мистицизма и воображения, как Мавлоно Джалолиддин Балхи, Аттори Нишапури, Хаким Санои Газнави и шейх Фахриддин Ироки, основную цель своих произведений видел в определении единства

сущности. Эти вопросы отражены во всех его газелях, как и в ниже приведенных бейтах:

Дар мазхаби мо мухибу махбуб якест,
 Рағбат чй бувад, роғибу марғуб якест.
 Гуянд маро, ки айни ўро биталаб,
 Чй чои талаб, толибу матлуб якест [46,345].

В нашей вере любящий и (любимый) едины,
 Когда желанье есть, желающий и предмет желания едины.
 Мне говорят: «желай ты его сущность (каков он есть)»,
 К чему желать, когда желающий и желаемый едины.

Тема любви и влюблённости, являясь обыкновенными и традиционными темами произведений, почти всех предыдущих и современных поэтов, составляют одну из важных их частей. Воспевание чистой любви и влюблённости, верности и преданности занимают важное место в лирических творениях поэтов. Шахниматуллах Вали, также является одним из поэтов, который наряду с другими темами, искусно создавая стихи на темы любви, широко их использовал. Но следует отметить, что большая часть, созданных им произведений, воспевая любовь, отражали аллегорическую и платоническую любовь, в его стихах земной любви придавалось небольшое значение.

Газели Шах Ниматуллаха Вали отображают зачастую восхищения влюбленного красотой и обаятельностью возлюбленной, невзгоды влюблённого, жеманство и кокетство возлюбленной, и мгновенья веселья. В центре внимания Шахниматуллаха в основном находится божественная любовь. Как было отмечено, в диванах поэта любовная газель занимает ключевую позицию. И на наш взгляд поэт, создавая понятные, простые, изящные и искренние газели, несмотря на то, что не всех из них лежит печать высокого мастерства, все же довольно чётко и талантливо отобразил духовное состояние и чувство лирического героя. Шахниматуллах Вали, как

и другие поэты персидско-таджикской литературы, особенно создатели мистической поэзии, считая любовь высочайшим и нежнейшим чувством, отобразил её очень изящно и красиво:

Май зи чоми ишқ менӯшем мо,
 Хилъате аз ишқ мепӯшем мо.
 Дар тариқи ошиқӣ чун ошиқон,
 Муддате шуд, то ки мекӯшем мо.
 Ишқ мегӯяд сухан аз вай шунав,
 Ман намегӯему хомӯшем мо.
 Ошиқона ҳамчу хуми майфуруш,
 Боз сармастему дар чӯшем мо.
 Ҳамчу булбул дар ҳавои рӯи гул,
 Рӯзу шаб мастона бихрушем мо...
 Неъматуллоҳему бо Саид ҳариф,
 Бода менӯшему мадхушем мо [46,113].

Вино из кубка любви пьем мы,
 В халат любви облачаемся мы.
 По стезе любви, как подобает влюбленным
 Вот уж какое время стремимся идти мы.
 Любовь говорит слушай речи её,
 Не говоря я, молчание храним мы.
 Влюбенные, словно кувшин торговца вина,
 Вновь опьяненные в кипение находимся мы.
 Как влюбленные в розу желанья соловьи,
 Днем и ночью трелью пьяной заходимся мы.
 Ниматуллах, что соперничает с Саидом,
 Пьем вино и во хмелю блаженном находимся мы.

В основном газели поэта охватывают темы, связанные с любовью и разлукой, безразличием мира, печалью влюблённой, божественной любовью и другое. Ниже приводятся некоторые образцы подобных лирических стихов:

Любовь и разлука. Понятие любви и разлуки издревле, привлекало внимание персидско-таджикской литературы, этот смысл с новой силой проявившись в персидской поэзии уличил влюблённого в набожности в ограниченных условиях с шестого по девятый века, что стало причиной возникновения в персидской литературе этого распространённого понятия под названием —газели разлуки!:

Паёпай шуд ғазалҳои фироқӣ,
Баромад бонги нушонӯши соқӣ [46,98]

Полились нескончаемые газели разлуки,
Раздались возбужденного виночерпия крики.

Размышления о разлуке и любви и её воспевание Шахниматуллохом Вали, которые отражены в форме любовных газелей, составляют 80 процентов всего его наследия. Потому что, как было отмечено, смысл разлуки в поэзии девятого века взаимосвязан с набожностью влюблённого и создан больше в жанре газели. В этом смысле газели Шахниматуллоха Вали, тоже не были исключением от этого общего процесса:

Чонам афгор асту тан бемору дил хун аз фироқ,
Ҳар нафас дардест бар дарди ман афзун аст фироқ.
Ғарқи хун дидан шабҳои ҳичронӣ аҷал,
Бар сарам пайваста меояд шабехун аз фироқ.
Ғар нахоҳӣ бар сари бемори ҳичрон омадан,
Чон нахоҳад бурд муштоқи ту берун аз фироқ...
То шудӣ эй гавҳари мақсуд ғоиб аз назар,
Чашмаи чашми Саид гашт чайхун аз фироқ [46, 64].

Душа истерзана, тело нездорово и сердце в корови от разлуки,

Каждый вздох приносит боль и прибавляет страданий от разлуки.

Видения утопающей в крови ночи одиночества и смерти,

Преследуют меня словно ночная атака от разлуки.

Коль не желаешь навестить больного, захворавшего одиночеством,

Душа не пожелает выплеснуть желанья твои от разлуки...

Пока испарялся жемчуг цели твоей из глаз твоих,

Родник очей Саида превратился в океан от разлуки.

Как видно, основной целью любовных газелей Шахниматуллаха является, какими бы ни было путями и средствами, добиться встречи с возлюбленной, соединиться с ней и в целом добиться близости со своей возлюбленной. Однако необходимо сказать, что эти мечты лирического героя газелей поэта, то есть влюблённым, осуществляются все нелегко. Герой на этом пути достижения своих желаний, сталкивается с многими трудностями и неудачами, претерпевает гнёт и насилие, но ради любви для суфия честь и имя не имеют никакого значения. Например, в нижеприведённой газели поэт сгорание от любви к возлюбленной, горя и разлуки, считает лекарством для души влюблённого:

Дарди дил аз ū давои чон аст,

Ранчу ғами ū сафои чон аст.

Як чуръа зи дурду дарди чонон,

Валлоҳ, ки дусад балои чон аст.

Соқӣ қадаҳе ба ошиқон дех,

З-он бода, ки аз барои чон аст.

Дар неҳ қадаму зи сар маяндеш,

Чун хилвати дил сарои чон аст.

Сад чон ба фидои ишқи чонон,

Гарчи ду чаҳон фидои чон аст.

Чое, ки мақом Саиди мо аст,

Эй роҳати чон чӣ чои чон аст 40, 86].

Боль сердца от неё - лекарство души,
 Страдания и печаль по ней – спокойствие души.
 Глоток осадка страданий по возлюбленной,
 Ей богу, исцеленье от сотен недугов души.
 Кравчий дай же чарку вина того влюбленным,
 Которое будет бальзамом для исстрадавшейся души.
 Дай же вина и не думай о последствиях,
 Ведь уединением сердца служит пространство души. Сто
 жизней готов отдать за любовь возлюбленной, Несмотря
 на то, что двое миров – жертвы возлюбленной.
 Там, где пребывает (правит) каприз нашего Саида,
 О, услада души, стоит ли искать место для души.

В произведениях поэта встречаются биографические мотивы и наставления детям и окружающим. Он в отдельных эпизодах, желая информировать читателя относительно отдельных вопросов, непосредственно или по какому-либо случаю, в своих газелях вспоминает моменты своей жизни подчеркивая эти желания:

Негматуллох Нуриддин дорам лакаб,
 Нуриддин аз Негматуллох металаб.
 Мудате будам мучовир дар Ачам,
 Гарчи аслам бошад аз мулки Араб
 Ман мучовир холиё дар мулки Форс
 Чадди ман осуда дар шахри Халаб [1,15].

Негматуллах Нуриддин есть мой псевдоним,
 Снисхождения у Негматуллаха просит Нуриддин.
 Жил когда-то я на персидской земле – в Аджаме,
 Хотя предки мои – арабы, но не персиане.
 Теперь я проживаю жизнь свою в стране Фарс
 Предки мои пребывают в спокойствии в Халабе.

В другом месте поэт, воспевая своего внука – сына Халилуллаха, от любви к нему горячо выражает свои чувства:

Чашми мо рӯшан ба Нурулоҳи мост,
 Ҳамчу нури рӯи Нуруллоҳ кучост.
 Аз барои умри ҷовидони ӯ,
 Доимо вирди забони ман дуост
 Офтоб аз нури рӯяш рӯшан аст,
 Маҳ зи акси рӯи ӯ ҳам бозиёст
 Бошад ӯ сирри Халилуллоҳи ман,
 Лочарм сарҳалқаи харду сарост [40, 53].

Наши очи светлы от нашего Нурулаха,
 Где еще сыскать света ярче, чем от лика Нурулаха.
 Для того чтоб вечная жизнь была у него,
 Я в молитвах своих прошу бога за него.
 Солнце яркими лучами светится от его лица
 И луны свет золотой исходит от лика его...

Шах Ниматуллохи Вали для того, чтобы прославить своё направление, очень много путешествовал по миру. И в этих долгих странствиях приобрёл немало друзей и последователей. Но он никогда не использовал поэзию ради корысти и выгоды. Саид Нафиси в своей книге об этом пишет: —Но существует мнение, что поэзия Шахниматуллаха Вали в отличие от его современников свободна от литературных восхвалений, которое было одной из особенностей поэзии того периода, так как Шахниматуллох не сочинял стихов с целью восхваления других или своей проверки и других поэтов» [45,326]. Поэт в своих газелях, также вспоминает друзей и близких:

Дили ман дар ҳавои Алванд аст,
 Дар сари зулфи ёр дар банд аст.
 Хоча Табрэзӣ аст дар қаъри бог ,
 Шоҳи Шервону мир дар банд аст.

Ёри Балхии мо зи Тирмиз рафт,
 Дар каши хочаи Самарқанд аст.
 Сухан аз Руму Шом чун гуед,
 Он хучандӣ, ки сокини Ҳинд аст.
 Турки сармасту ҳиндуи ширин,
 Он яке чун гул асту в-ин қанд аст.
 Гарчи одам ба чисм буд падар,
 Назди хотам ба рӯҳ фарзанд аст.
 Саиди базм ишқ дони кист?
 Он, ки ӯ бандаи Худованд аст.[46, 98]

Страсно грезит Алвандом сердце моё,
 Локонами возлюбленной в полон взято оно.
 В сердце (дне) сада пребывает Ходжа Тебрезид,
 Шах Ширвана и эмир стали пленниками его.
 Наша краса из Балха покинула Термиз,
 В объятьях ходжди Самарканда теперь лоно её.
 Чего нам речь вести о Риме и о Шаме,
 Когда тот худжандец живет в Индостане...
 Ты знаешь кто Саид (счастливец) на пиршестве любви?
 Тот, кто раб послушный и кроткий у Всевышнего.

Безразличие мира и отсутствие в нём гарантии является одной из мыслей, которая широко отражается в литературе. Эта мысль усилилась, особенно после внесения мистических размышлений и интереса к концу света и Аллаху, которая с точки зрения суфиев является конечной целью и сущностью (маъбудом). В большинстве диванов наблюдаются бейты, которые отталкивая человека от интереса, опоры и возжелания к существующему миру, доводят до человека в различных выражениях бедствия этого бытия (фактора). В произведениях Шахниматуллаха это тоже

отражено. Также это наблюдается в жанрах китъа, рубаи, дубейти и в большинстве в маснави. Например:

Эй асири лаззати дунё чи буд,
 Чуз зиён аз нафси бадфармо чи шуд.
 Чав чав аз мардум гадоӣ то ба кай,
 Охир эй чон подшоҳӣ то ба кай?...
 Аз фусуни ин чаҳон дор ғурур,
 Дур мондӣ аз чаҳон дорӣ ғафғур [46, 98].

Быть пленником наслаждения жизнью, что нам принесло,
 В подчинении неумной страсти быть, кроме вреда, что принесло.
 Нищенствовать, прося у людей хлеб на пропитание, до коих пор?
 О моя душа, мнить себя сидящей на троне падишаха, до коих пор?
 Воздержись от гордыни своей, остерегаясь колдовства этого мира,
 Ты остранился от мира внешнего, коль не победил гордыню свою.

Другой темой, которая часто встречается в газелях поэта, это размышления о пользе усения ценить время. Даная тема, также является из числа тем, о которой много было сказано с начала появления первого стиха в литературе, особенно в стихах поэтов - не мистического направления.

Шах Ниматуллах, тоже относится к числу поэтов, которые утверждая о временности и неустойчивости этого мира, пользовании его красотами и радостью, призывает проявлять терпение к печали и горю. Необходимо сказать, что эта мысль, также существует в литературе последующих периодов, особенно в поэзии. В поэзии девятого века тема - ценить время, как в предыдущие эпохи, опиралась на материальную основу. Однако в отрывках смысл ценить время приобретает отличительное значение относительно предыдущих периодов. То есть поэты праздность и время смешивали с ценностями мира и духовности и были уверены, что необходимо использовать эти мгновения для аёдат (воспоминания) и достижения мистического совершенства.

К плеяде поэтов этого века, которые в своих творениях отобразили подобные размышления можно отнести и Шахниматуллаха Вали:

Меравад умри мо дарего умр
 Магузораш чунин худоро умр,
 Умр барбод мадеҳӣ хайф аст,
 Боз наёрад гузашта чонон умр.
 Як ду рӯзе ғаниматаш медон,
 Ки намонад мудом бо мо умр.
 Умри имрӯз дар пайи фардо,
 Сарф кардан дарег фардо умр,
 Ҳарчи фавт шуд аз ту дар олам,
 Арзишаш боз ёбӣ илло умр.
 Лаззати умр Неъматулло чӯ,
 То биёбӣ чу завқи ӯ бо умр [46,292].

Проходит наша жизнь, как жаль проходит жизнь,
 Не дай же Бог, чтоб проходила быстротечно жизнь.
 Не позволяй жизнь прожигать напрасно, это грех,
 Ведь не вернется никогда все прошлое в эту жизнь.
 Ты дорожи мгновением, отпущенным тебе и знай,
 Ведь не дано навеки пребывать нам в этой жизни.
 Не подобает жизнь сегодняшнюю проживать за завтра,
 Сегодняшняя жизнь дана сегодня, а завтра ждет другая жизнь.
 Все, что ушло (умерло) от тебя в этом бренном мире,
 Ты сможешь оценить потом (найдешь), в другой жизни.
 Так попытайся ты узреть наслаждение жизни Нигматулы,
 Чтобы понять его любовь и стремление к жизни.

Горе от любви является смыслом, которое существовало с самого начала в поэзии, и также в девятом веке было отражено в стихах. Взгляд на горе в поэзии девятого века может иметь земное и ощущаемое или мистическое и

небесное свойство. Во всяком случае является причиной появления чувств в поэзии. Стоит отметить точку зрения, что Шахниматуллах, тоже как поэт оставившие наследие, в своих газелях горе от любви считал выше всякой радости и понимал, что иногда надо испытать горе, только чтобы достичь частицу любви, которое неизменно с ним до смерти. Приведём пример разсуждений о смысле горя в стихах Шахниматуллаха:

То бо ғами ишқи ў ҳамовоз шудам
 Сад бор зиёда бар адам бор шудам.
 3-он роҳи адам низ басе паймудам,
 Розӣ будам кунун ҳама роз шудам [46, 76].

Когда со страданиями своими от любви к ней я слился,
 То в сотни раз тяжелым грузом на мир я этот навалился.
 Не мало верст я жизни своей проделал в этом мире,
 Доволен был, но я теперь всецело в тайну превратился.

Нет сомнений в том, что в произведениях Шах Ниматуллаха, в газелях и других сборниках его произведений используются термины и обороты речи Ибн-ал-Араби, но разве в реальности эти термины существуют до такой степени, что увеличивая ценность мастерства стихов Шахниматуллаха, факт большего использования этого вида терминов, может послужить причиной недостатка грани его мастерства и поэтичности. Важнейшей теорией, которая отражена в стихах, особенно в газелях, является теория единства сущности и значения человека, это требование Шах Ниматуллах много раз выражал и в различных формах. Например, понятие разлука Шах Ниматуллаха, также выражено в сравнении реки и капли или воды и пузыря. Пузырь поскольку с точки зрения стихии является той же рекой или водой, но внутри имеет ветер (воздух), поэтому Шах Ниматуллах считает пузырь разновидностью вымысла. Человек думает, что обладает самостоятельной сущностью. В то время, как реальной сущностью является сущность Аллаха. Так пузырь,

тоже в реальности та же река. Эту мысль Шах Ниматуллах выразил в различных формах. Например, в отрывке текста данной газели:

Мо хаёлему дар хақиқати ӯ,
 Чуз яке дар ду кавни дигар кӯ [46, 692].

Мы воображение и в сущности Его,
 Ничто иное как в двух других мирах творения Его.

Шах Ниматуллах не только использовал мистические мысли Ибн Араба в своих газелях, но также выразил свои идеи в поэтической форме. Например, в настоящем бейте говорит:

Гар мушаккакро шаке бошад ба як,
 Кай мухид дар яке афтод ба шак [46,430].

Если сомнение (недоверие) к чему-либо даже мышонка одолевает,
 Дивись, что атмосфера (среда - Он) ни в ком сомнения не знает.

Эта форма стихов, которая выводит газели поэта из поэтического и художественного состояния. Другой смысл, который отделяет это состояние от его газелей до определённой степени, это его притязания. Поэт при создании любовных газелей находится в состоянии «транса». Он является человеком, который обычно объят болью разлуки и желает встречи с возлюбленной. Если имеет мгновения радости, это по причине того, что ему приснилась возлюбленная, но поэт в большинстве своих газелей, также претендует быть шейхом и влюблённым. Он в своих газелях не нуждается в соки (виночерпии), а сам является соки и пишет:

Мо муршиди ошику хароботи чахонем,
 Сокии саропардаи майхонаи чонем [46,120.]

Духовные наставники влюбленного и завсегдатаев трактиров мы
 Кравчие царского шатра питейного дома души и сердца, мы.

Шах Ниматуллох, несмотря на то использовал смысл влюблённости и метафору хароботи джахон (винный погреб), но иногда претендует быть муршидом (шейхом) и повторяет свою влюблённость.

Стихи, приведённые до настоящего времени выявляют мистические стороны газелей Шах Ниматуллаха, которые свободны от воздействия Ибн-ал-Араби. Как, например, проводятся рассуждения, в виде единение и разделение, порода и качество, божественное имя, тело и душа и несколько других обиходных терминов, которые встречаются в любовных и мистических стихах. Кстати больше всего в произведениях Шахниматуллоха встречаются, вымышленные выражения, которые часто используются для приукрашения слова. Сравнительные выражения на подобие река, капля, волна, кубок, чаша, хароботи мугон (винный погреб зороастрийцев), зеркало, река, жажда и другие являются из числа этих выражений. Помимо этого, Шахниматуллох, как большинство предыдущих таджикско-персидских поэтов, подвержен влиянию любовных стихов.

«Например, в стихах Шах Ниматуллоха, где термины винопития, такие, как хароботи мугон (винный погреб зороастрийцев) и кубок, чаша, соки (винчерпий) использовались, думаем в мистической форме. Шахниматуллох используя как арабские стихи, и также персидские стихи Ирака, затем констатировал их смысл при помощи терминов Ибн-ал-Араби» [79,142].

Шах Ниматуллох широко используя смысл винопития и харобот (винного погреба), наряду с этим, также использовал любовные мысли. Но он использовал любовные слова таким образом, что читатель обычно заинтересовавшись мыслью поэта, понимал смысл его мыслей, что целью поэта от этой любви, является истинная любовь. Исследователь Насруллох Пурджаводи по этому поводу отметил: «... но его любовь являющуюся, что истинной, что мистической, что хмельной, её могут почувствовать все и суфий, и гуляка и возлюбленный». [43, 64] Например, в нижеприведённых стихах, поэт использовал такие термины и выражения, как кубок, чаша, соки (виночерпий), гуляка и вино. Но между тем, также обращаясь к читателю,

говорит, что смысл соки не в его действиях, и описание вина и кубка, тоже имеют другое смысл:

Мудом чоми майи ў хаёт мебахшад,
 Ҳамеша ҳиммати ў коинот мебахшад.
 Камоли бахшиши соқӣнигар ки риндонро,
 Шаробу чом зи зоту сифот мебахшад [46,496].

Чаша его вина всегда нам жизнь дарит,
 Его щедрость всегда вселенную нам дарит.

Погляди на совершенство щедрости кравчего, ведь он гулякам,
 Вино и чашу из первоосновы и качества дарит (приподносит).

На основе анализа нижеприведённого стихотворения, относящегося к одной из известных газелей Шахниматуллоха, приходим к выводу, что поэт не оставляет сомнений читателю в том, что его цель при описании им влюблённого и возлюбленной, это обращение к Всевышнему:

Маҳбуби дилу роҳати қоне чи тавон кард,
 Султони ҳама халқи қаҳоне чи тавон кард.
 Аз содадилӣ оина бинмуд чамолат,
 Дар оина бар худ нигарони чи тавон кард?
 Ту подшаҳи мою мо бандаи фармон,
 Гар зон, ки нахонию бирони чи тавон кард?
 Мо ишқи ту дорему туро майл ба мо нест,
 Моем чунину ту чунини чи тавон кард? [46,234].

С любимым и усладой души что можно поделатъ,
 С султаном всех людей мира что можно поделатъ.
 По простодушию соему зеркало явило нам твою красоту,
 Когда ты смотришь на себя в зеркале, что можно поделатъ?
 Ты падишах наш, мы же рабы, твоей воли,
 Коль не желаешь нас и гонишь, что можно поделатъ?
 Мы влюблены в тебя, но ты к нам равнодушен,

Мы таковы, и ты таков, что с этим можно поделаться?

В стихотворениях многих поэтов классиков тщательно описаны труд, деятельность и не тунеядничать в жизни. Но некоторые поэты- мистики прошлого в своих стихах больше отражали отказ от этого мира и не влюбляться в земную жизнь. Шахниматуллох Вали был из числа поэтов суфиев, который призывал людей в своих стихах и газелях честно трудиться и жить, что является его отличительной чертой, как поэта- мистика от других поэтов данного направления. Сельский труд был одним из излюбленных занятий поэта, что отрицали некоторые поэты мистики. Абдураззак Кирмани о тяге поэта заниматься сельским хозяйством пишет: «Его персона была склонна к занятию сельским хозяйством. И сам всегда трудился на земле. Его напоминание не было только нравственной инструкцией, это действие было программой для духовного воспитания учеников и не имело только политику для призыва всего общества» [1, 54].

Такие размышления поэта широко использованы в его газелях, где речь идёт о труде, усердии, доброте и безвредности:

Умр зоеъ макун ба бекорй,
 Амал овар хайёл чй меорй.
 Мӯ ба мӯят ҳисоб хоҳад буд,
 Дар чи андешаву чи пиндорй.
 Тухми некй бикору бад бигзор,
 Тухмҳои бадй чй мекорй.
 Ту ки дар хоби ғафлати доим,
 Чи шиноси ҳузури бедорй.
 Дарди озор агар бидони ту,
 Хотири пашшае наёзорй.
 Кори мо бандагист эй Саид,
 Умр зоеъ макун ба бекорй [46,473].

Жизнь в безделии не проводи,
 Действуй, кому нужны грезы твои.
 Ответ будет держать каждый волос твой
 О чем думал, как проводил свои дни.
 Сей семя добра, зло от себя гони.
 Благими делами воссияй поступки свои.
 Ты, что пребываешь во сне беспечности,
 Как можешь знать наслаждение от бодрости.
 Наша участь быть в рабах о, Саид,
 Неистачивай понапрасну дни свои.

Одной из тем, которую Шах Ниматуллох подвергает критике в своих газелях, это заниматься попрошайничеством. Поэт отрицает нищенство и попрошайничество ради набивания своего брюха и говорит, что здоровый человек должен зарабатывать на своё пропитание трудом и усердием. Он не был из числа суфиев, который ничем не занимаясь, находясь в уединении, возлагал надежду найти своё пропитание за счёт чужого труда:

Эй нафси шӯхчашм марав дар қафои нон,
 Ҷонат мадеҳ ба боду ҳаво дар ҳавои нон.
 Бикшода чу коса даҳон дар ҳавои ош,
 Монанди суфра ҳалқабағӯши барои нон.
 Баҳри ду нон марав ба дунону шарм дор,
 Ҳайф аст к-обрӯй фуруши барои нон.
 Одам барои донаи гандум бихишт дод,
 Ту бозхар ба нони чав эй мубталои нон.
 Ҳар хашт хулду шаш чихату панҷ ҳис туро,
 Гардад мутеъ гар бидиҳи як дутой нон.
 Аз хони Неъматуллоҳ агар хӯрдаи таъом,
 Чӣ қадри ош назди ту бошад чи ҷои нон [46, 397].

О страсть с лукавыми глазами, не бегай за хлебом (богатством),
 Души не отдавай ветрам и страсти, горя желаньем обрести богатство,
 Разинув рот словно котел, желая больше плова,
 Подобно скатерть - самобранка, не думай о богатстве.
 Ради двух ломотей хлеба, ты совести не лишайся и постыдись,
 Не подобает продавать свое достоинство ради богатства.
 Знай человек гонимый алчностью лишился рая,
 Ты ж выкупи двумя зернами пшеницы богатства рая.
 Все восемь райских садов, шесть свойств и пять рецептов чувств
 Будут покорны тебе если пожертвуешь во благо свое богатство.
 Если довелось тебе есть явства и пищу из скатерти Нигматуллы,
 То знаешь чего на самом деле стоит хлеб и все богатства.

В книге “Наследие мистики”¹¹ подчеркивается такая мысль, что: когда Шах Ниматуллох, после написания прозаических и поэтических произведений находил свободное время, занимался сельским трудом. Занятием, посредством которого, проживая в Герате добывал средства к существованию. Несмотря на большие подарки, которые он получал от своих почитателей в Мохоне, он жил очень скромно и полученные средства расходуя на строительство, возводил и ремонтировал дома и оказывал помощь нуждающимся. Он был примером для других и занимаясь сельским трудом, агитировал своих учеников, чтобы выбирали какое-нибудь ремесло. Благодаря этому заданию бедняки являющиеся членами кружка Ниматуллоха привлекались к социальной деятельности и не оказывались без работы и не ленились¹² [59, 88].

Рекомендации Шахниматуллоха своим ученикам были такие, что самым лучшим согласием и успокоением для души и усмирения совести, является забота о народе и служение обществу. Шахниматуллох призывает своих учеников и весь народ к честному труду и заработку. Он особенно любил заниматься сельскохозяйственными работами и агитировал безработных заниматься этим:

Андар ин мазраъе зироат кун,
 Бо каму беши худ қаноъат кун [46, 585].

Ты на пашне этой семя посади,
 Малым довольствуйся и страсть усмири.

Шах Ниматуллох был поэтом любящим жизнь и ценил человеческую жизнь. Он утверждал, что никогда не надо заниматься напрасным и пустым времяпровождением, так как каждый миг жизни человека ценен:

Меравад умри мо дарего умр,
 Магзораш чунин худоро умр.
 Умр бар бод медих ин айб аст,
 Боз н-ояд гузашта чоно умр.
 Як ду рӯзе ғаниматаш медон,
 Ки намонад мудом бо мо умр.
 Умри имрӯз дар паи фардо,
 Сарф карди дарего фардо умр.
 Ҳар чи шуд аз ту фавт дар олам,
 Ивазаш боз ёбӣ илло умр.
 Лаззати умр Неъматуллох чӯ,
 То бидони ту завқи ӯ бо умр [46, 285].

Проходит наша жизнь, как жаль проходит жизнь,
 Не дай же Бог, чтоб проходила быстротечно жизнь.
 Не позволяй себе жизнь прожигать напрасно, это грех,
 Ведь не вернется никогда все прошлое в эту жизнь.
 Ты дорожи мгновением, отпущенным тебе и знай,
 Ведь не дано навеки жить нам в этой жизни.
 Не подобает жизнь сегодняшнюю проживать за завтра,
 Сегодняшняя жизнь дана сегодня, а завтра ждет другая жизнь.

Все, что ушло (умерло) от тебя в этом бренном мире,
 Ты сможешь оценить потом (найдешь), в другой жизни.
 Ты попытайся узреть наслаждение жизни Нигматулы,
 Чтобы понять его любовь и стремление к жизни.

Среди мистических стихотворений Шахниматуллоха, также можно встретить газели о земной любви. Исследователь Насрулло Пурджаводи об этом выразил следующую мысль: —Шахниматуллох Вали, тоже как другие предыдущие персоязычные поэты и его современники был в восторге от стихотворений о земной любви и возлюбленной|| [43,66]. Следующая газель подтверждает высказанную нами мысль:

Духтаре бар бод дода ғунчай хандони гул,
 Булбули сармаст монда волаву хайрони гул.
 Хуш гулистоневу дар вай андалеби чони мо,
 Ҳар замоне достоне созад аз дастони гул.
 Сӯхбати гулро ғӯанимат дону гулро барфишон,
 З-он ки набвад этимоди умр бар паймони гул.
 Гул бувад умри азизи мо чу диди даргузашт,
 Як ду ҳафта беш набвад равнаку даврони гул.
 Андалеби гулшани ишқему гул маъшӯқи мо,
 Гарчи бошад бевафо гул они мо мо они гул.
 Ҳар ки мехоҳад, ки гул наяндешад зи хор,
 Домани гул чидаму дасти ману домони гул.
 Неъматуллоҳ аз барои гул ба бӯстон меравад
 Гар на гул чинад, чӣ кор ояд саробӯстони гул [46, 198].

Девушка отдала ветрам (времени) улыбку бутона розы,
 Растерян и несчастен соловей хмельной, влюбленный в розу.
 Прекрасен цветник и в нем соловей нашей души
 Каждое мгновение создает поэмы, водимый руками розы.
 Дорожи беседой с розой, и лепестки её рассыпай,

Так как нет надежды у жизни в верности обета розы.
 Наша жизнь – роза, подобная уходящим нашим видениям,
 Не продлится более двух-трех недель пышность и цветенье розы.
 Мы соловей цветника любви, в котором роза наша возлюбленная,
 И пусть не верна она нам, но роза принадлежит нам, а мы розе.
 Нигматулло отправляется в сад, чтобы розы срывать,
 Если бы не ради роз он шел туда, зачем ему идти в этот сад.

В диване поэта, также имеются газели воспевающие друзей, близких, родственников и детей. Так как поэт на протяжении всей жизни имел всего одного ребёнка - сына по имени Халилуллох, когда тот находился в путешествии, по этому поводу написал газель о разлуке:

Як сафар Яъкуб бе Юсуф набуд,
 Гар чи хичронаш ба зоҳир менамуд.
 Ҳар киро диди намуди Юсуфаш,
 Ҳар чи бишнуди, зи Юсуф мешунуд.
 То магар Юсуф дарояд аз дараш,
 Дар ба рӯи ҳар ки буди, мекушуд.
 Ҳар ки дар Канъон бидиди, пеши ӯ,
 Юсуфи мисрии худро месутуд.
 Чунки бар тахт ин зухурашро биёфт,
 Шарри худ ҳақ дид аз он кардаш сучуд.
 Ҳарчи буду ҳасту хоҳад буд ӯст,
 Ҳарчи бошад, бошад аз худи вучуд.
 Гар Халилуллох ба сурат ғойиб аст,
 Неъматуллох як даме бе ӯ набуд [46, 240].

В путешествие ни одно, Якуб без Юсуфа не пускался,
 В разлукеу с ним всегда страдал, хотя скрывать старался.
 Кого бы не увидел, будто Юсуф пред ним вставал,
 Что б не услышал, будто голос Юсуфа раздавался.

В страстном ожидании, что вот-вот войдет Юсуф,
 Дом его открытым был для всех – не запирался.
 Всякого кого он видел будто бы на дне Каньона,
 Пред ним тот в образе Юсуфа словно появлялся.
 И узрев на шахском троне он свои виденья,
 Несчастье свое приняв за явь, молился пав на коленья.
 Просил чтоб все, что есть и будет, пусть будет он,
 Все чтоб он не видел, чтоб в нем была Юсуфа суть.
 Если же Халилуллах мираж, рожденный воображением,
 Ниматуллах в миг один, без него, превратится в муть.

Также в диване Шах Ниматуллоха помещены стихи о некоторых религиозных воображаемых и мистических предводителях. В том числе поэт намекает на мистика, Боязида Бастоми, к которому он имел особое доверие. “По мнению Шахниматуллоха Вали Боязид является совершенным аскетом, который отрёкся от мира фони (преходящего) и приблизился к Аллаху. В том понимании, что между ним и Аллахом не существует ничего другого” [50, 68]. Приводим пример из газели восхваления Боязида:

Офтоби чархи маънӣ Боязид,
 Сояи хуршеди оӣ Боязид.
 Вокифи асрори субҳонӣ ба Ҳак,
 Кошифи асрори маъни Боязид.
 Чавҳари дарёи ирфон аст яқин,
 Орифу маъруф яъне Боязид.
 Нуктаи ваҳдат даромад дар алиф,
 Дар зухур он ҳарф шавад бе Боязид
 Сураги ҳар ду чаҳон бастоми ишқ,
 Меваи маънии тавба Боязид.
 Саидо, аз соҳибдилони лочарм,
 Карда бар қонат таҷаллӣ Боязид [46,355].

Ты солнце небосвода моего, Боязид,
 Тень солнца мирового Боязид.
 Знающий тайны мироздания Его,
 Раскрывающий тайны смысла Боязид.
 Сущность моря мудрости без сомнения,
 Свет просвещения и мыслитель, то есть Боязид.
 Точка духовного единства отразилась в букве алиф,
 Однако на яву она станет лиш буквой без тебя
 Боязид. Образы двух миров обителей любви,
 Плоды сути покаяния в тебе мой Боязид.
 О, Саид, свет души великих людей, несомненно,
 В твоём сердце воссиял, стократно Боязид.

Также есть газели – посвящения, адресованные Шамсиддину, под которым подразумевается Шамс Табрези, к которому Мавляна питал страстную любовь:

Чист олам соябони Шамсиддин,
 Ину он бошанд аз они Шамсиддин.
 Шамсиддинро дӯст медорам ба чон,
 Мехӯрам савганд ба чони Шамсиддин.
 Орифона бо ту мегӯем равон,
 Ин маъони аз баёни Шамсиддин.
 Нури дин аз Шамсиддин рӯшан шуда,
 Додамат инак нишони Шамсиддин.
 Маҷлиси ишқ асту мо масту хароб,
 Боданӯшон ошиқони Шамсиддин.
 Гар ба байтуллоҳ азимат мекуни,
 Роҳ рав бо роҳравони Шамсиддин.
 Неъматуллоҳ саиди шоҳон бувад,
 Гарчи аст аз бандағони Шамсиддин [42, 414].

Что есть мир, дающий тень (покровительствующий) Шамсиддину,

То и другое на всем белом свете принадлежит Шамсиддину.
 Шамсиддина всей душой и сердцем обожаю и люблю,
 Клянусь я во имя души и жизни светлой Шамсиддина.
 Мудрые мысли высказываем мы тебе по пути,
 Те слова, исходят из уст красноречивых Шамсиддина.
 Свет религии воссиял от лучей, нимба Шамсиддина,
 Таким образом я дал тебе намек на приметы Шамсиддина.
 Пиршество любви в разгаре и мы пьяны в нем и опустошены,
 Все пьющие вино беспмятно влюбленные в Шамсиддина.
 Коль решим ты желаньем посетить (байтулаллах) обитель Бога,
 Путь свой соверши по дороге, проложенной Шамсиддином.
 Негматуллах есть самый счастливый (саид) из всех царей,
 Хотя и является он покорным рабом Шамсиддина.

Как было отмечено выше, Шахниматуллох Вали был одним из поэтов, которые высоко ценят значение человека и считают самым любимым созданием Аллаха. Стиль установления во главу ценности человека, что в газели и что в других поэтических произведениях поэта, отражается в большинстве случаев. Необходимо сказать, что многие поэты мистического направления, особенно Мансур Халлодж и Джалолиддин Руми, также в своём творчестве давали высокую оценку человеку, творению создателя и Шахниматуллох, тоже продолжил это направление:

Чоми гетинамои мо инсон,
 Ҳофизи чомаъи Худо инсон.
 Сурати исми аъзамаш донем,
 Марҳами рози кибриё инсон.
 Ганчу ганчинаву тилисм ба ҳам,
 Менамояд аён туро инсон.
 Ҳар чи дар коинот мехонанд,
 Бандагонанду подшоҳ инсон.

Хонакоҳест шаш чихат ба мисол,
 Сӯфии сафай сафо инсон.
 Мавчу баҳру хубобу катраву чӯй,
 Ҳама бошанд назди мо инсон
 Ин сарохонаи хароб бувад,
 Гар набудаш дар ин саро инсон...
 Неъматуллоҳро агар ёбӣ,
 Хуш нидо кун бигу, ки ӯ инсон[42, 396].

Кубок наш подобный миру - человек,
 Певец всей сущности Творца - человек.
 Великое имя его (образ) мы знаем,
 Бальзам грандиозности тайны - человек.
 Драгоценности, богатства и чары вместе,
 Могут показать твою суть человек.
 Все, что во вселенной называют и знают,
 Состоят из рабов и повелителей, о человек.
 Дервишский монастырь, к примеру с шестью свойствами,
 Есть суфий страницы чистоты и прозрачности – человек.
 Волны, океаны, капли воды и ручьи,
 Все в наших глазах есть только ты – человек.
 Эта обитель жизни была бы пуста и никчемна,
 Если бы не был в ней ты сотворенный Им - человек...
 Если ты все же найдешь Негматуллу,
 Позови его сказав: —О, человек!!

Пустившись в поиски этих смыслов, отображенных в газелях поэта, нами были выявлены и изучены такие часто встречающиеся важнейшие понятия и определения, как восхваление, ирфон (мистика), ишқи маҷозӣ (платоническая любовь), худо (Аллах), фирок (разлука), безътибории дунè

(безразличие мира), ахлоку панду андарз (нравственность, наставления и советы), дам ғӯанимат шуморидан (ценить время), дурй чустан аз бадй (отдаляться от скверны), ишқи маҷозй (платоническая любовь), мавкеи инсон (роль человека), чустучӯи хақиқат (поиск истины). Высказывание этих мыслей и выражений, понятий стало возможным благодаря наблюдениям и глубоким размышлениям поэта о сути жизни и человека.

3.3. Использование средств художественной изобразительности

Важнейшим средством выражения таланта поэта в стихосложении является использование средств художественной изобразительности, в зависимости от которых стилистика речи поэта становится понятной и доступной читателю. Использование средств художественной изобразительности в диванах Шахниматуллоха является одним из основных приёмов его поэтического мастерства и свидетельством творческого таланта. Одним из ярких средств художественного изображения, которое больше всего использовалось и имеет особое значение в произведениях поэта, это приём восхваления, связанный с темами газелей и касыд описывающих времена года, как например весны и осени, любви, возлюбленной или какой-нибудь прекрасной черты, как чистоты, нежности и их величия.

Изучение граней стилистики диванов Шахниматуллоха показывает, что прекрасно соблюдая форму и смысловое значение стихотворения, его символику и требования, в совершенстве с научной и литературной точки зрения мастерски выражал художественное и духовное требование в своих произведениях. Как было сказано выше, некоторые исследователи высказали мнение о значении поэзии поэта и мы, тоже имеем возможность выразить свои размышления относительно произведений поэта. Шахниматуллох Вали не допускал поспешности в создании стихотворения и не только для выражения своих аскетических мыслей, а будучи просвещённым поэтом, также обладал широкими литературными знаниями стихосложения.

Использование средств художественной изобразительности произведениях поэта хоть наблюдается в какой-то степени меньше по сравнению с другими поэтами-мистиками, но поэт приложил усилия, чтобы его слово не было лишено этой красоты. Исследователь Бахром Бахрами воспевая форму выражения и изящности слова поэта, в своей поэзии отразил его, как утвердителя философии единства сущности: —Шахниматуллох своей

аллегорической поэзией и словом, задавшись отражением теории единства сущности, обогатил философию Ибн Араби [89,74].

Некоторые литераторы и исследователи отрасли считают поэзию суфизма полным повторением слов друг друга. Анзобинаджод Ризои придерживается мысли, что: —Одним из методов правил, наблюдающееся в суфийском тексте, по сути является повторение, которое учёные литераторы считают средством украшения слова. В то время, как суфии с пренебрежением, неоднократно красиво использовали этот недостаток в своей речи и слово превратили в поэтическую форму, приятную для восприятия» [10, 39].

По идее исследователя суфийской литературы Абулхасана Зарринкуба, как было ранее отмечено, поэзия для Шахниматуллоха Вали, как великого мыслителя мистицизма, являлась средством выражения мистического смысла. Поэты суфийского толка так поглощены любовью к всевышнему, что не утруждаются в приукрашении слова и художественного мастерства. Но несмотря на всё это, в деванах поэта наблюдаются произведения украшенные различным художественным мастерством. Он обладая литературной научной трицей, смыслом, выражением и художественностью, выразил это состояние и значение изящным мастерством и несравненностью в одном из бейтов:

Илми бадеъи мост, ки аз ғояти шараф,
Дорад маъоние, ки баёнаш падида нест[42, 198].

То наша поэтика, что в высшей степени благородства,
Несет в себе понятия, смысл которых не лежит на поверхности.

Из средств художественного изображения, он больше всего проявил интерес к тачнис (однородности) и этот приём использовал чаще по сравнению с другими средствами образного изображения. Например, исследователь Хамид Фарзом отмечая, что поэт больше внимания уделял смыслу стихотворения, чем искусству красноречия пишет: —Шахниматуллох

Вали больше заинтересован смыслом, а не языковыми сентенциями. То есть, поэзия для него является средством выражения его мистических мыслей [79, 198].

Хотя использование средства художественного изображения таҷнис в стихах поэта встречается часто, но он также нередко прибегает к использованию других средств изобразительности, как сравнение, метафра, иносказание, гиперболо, ирония, омнимия, контраст, подражание (тазмин) и ответ. Также в диванах поэта часто можно встретить искусство повтора, которым автор по видимости пользовался для укрепления и повторения своих размышлений. По поводу частого использования приёма повтора в поэзии Шахниматуллоха Вали Сарфи Мухаммади подчеркнул, что: —Первой задачей, на которую мы обращаем внимание при начальном прочтении стихов Шахниматуллоха Вали, является мастреское использование средств художественного изображения. Повтор в творчестве этого художника слова можно встретить в структуре, ритмике и даже размерах аруза, использовании аналогии (каринасози), что свидетельствует о многообразии форм повтора в его творчестве. Уделяя внимание важности повтора, в каждом месте, можно выявить его значение в искусстве и литературе [63, 27].

Конечно использование различных видов средств художественного изображения в поэзии и литературе, подтверждает дар мастеров художественного слова, их неумную фантазию и большой талант, глубокие знания в теории стихосложения. Мы также приложили усилия, чтобы привести некоторые примеры художественной изобразительности, мастерски использованных им в произведениях.

Как было отмечено, Шахниматуллох Вали из многих средств художественной изобразительности больше всего предпочитал таҷнис и использовал его в своих стихах. В подтверждении этого тезиса ограничимся несколькими примерами:

Гар туро азми олами **адам** аст,

Сар фидо кардан аввалин **қадам** аст [46, 214].

Коль ты решим в мир **изначальный** явиться,

То с превым **шагом будь** готов с головой (жизнью) проститься.

В вышеприведённом бейте использован тачнис с изъяном, в котором слова «**адам**» (человек) и «**кадам**» (шаг), как выражения тачниса составляют его основу. Только при исключении первой буквы в словах, их смысл совершенно отличается друг от друга. Приведём также пример другого бейта, где отражён полный тачнис, то есть без изъяна:

Дар мухаббат чон агар бозй хуш аст,

Гар куни бозй, чунин бозй хуш аст [46,521].

Коль ты решим в мир **изначальный** явиться,

То с превым **шагом будь** готов с головой (жизнью) проститься.

В этом бейте слово «бози» в первой строке выражает смысл проигрывать или испытывать проигрыш и «бози» во второй строке означает смысл играть, заниматься игрой. Другим художественным мастерством, которое часто встречается в произведениях Шахниматуллоха, является сравнение. «Сравнение является одним из красивых форм описания воображения в стихах, благодаря интеллекту и воображению, поэт приводит в движение безжизненные элементы природы и в результате, когда мы смотрим сквозь призму его взгляда на природу и окружающие предметы, нашему взору, всё представляется полной жизни и движения» [16,149]. Несмотря на татаббуь (приверженность) у других поэтов, в произведениях поэта встречаются художественные описания и взгляды, которые присущи ему и исполнены высокого поэтического мастерства:

Мурғи чонам барои донаи хол,

Шуда дар доми зулфи ӯ побаст [46, 547].

Птица моей души ради зерен своего состояния (любви),

Оказалась опутана по рукам и по ногам силками её локонов.

В вышеприведённом бейте поэт, сравнивая локон возлюбленной с «силком» и свою душу с «птицей», таким способом выражает свою любовь к возлюбленной. Или в другом бейте:

Офтоб аст ўву ба олам соябон,
Шохбоз аст ўву ошиқ фохта [46, 549].

Она солнце, дарящее тень всему миру,
Она Сокол, а её возлюбленный голубка.

Поэт сравнивает возлюбленную с —солнцем‖ и —сокольник‖ и влюблённого с —фохта‖, это вид птицы на которую всегда охотится сокол. Художественное мастерство таззод, также нашло свою нишу в деванах произведений поэта. При констатации таззод отмечено: —Сравнение, которое называют таззод и табок, в словаре приводятся, как противопоставление двух понятий и в обиходе это противоположные термины, в виде: день и ночь или безобразно и красиво‖ [84, 273].

При определении значения таззод, необходимо отметить, что некоторые литераторы считают его присущим при использовании духовного взгляда и сопоставления, так как, возможно от услышанного чего-то вспоминается ему противоположное и поэтому говорят, предмет выявляется благодаря противоположному. Таззод является мастерством, которым пользовались все поэты, некоторые в большей и другие в меньшей мере. Шахниматуллох Вали, тоже с присущим ему особенным свойством, часто использовал мутаззод, как например радость и горе, чужой и знакомый, дервиш и падишах, ночь и день, друг и враг, внутрь и наружу, отказ и согласие. Для подтверждения приведём пример таззода в стихотворении поэта:

Бо ақл ҳадиси ишқ гӯи ҳай-ҳай,
Дар айни адам вучуд чӯй, ҳай-ҳай
Чомиву шаробу ошику маъшӯқӣ,
Ято ба худ ой, ки худ ту ў-й ҳай-ҳай [46,356].

Ты разумом повесть любви рассказываешь, ай-ай,
 В сути небытия ищешь бытие, ай-ай.
 Ты кубок и вино, любимая и возлюбленный,
 Приди же на миг в себя, узнай, что ты есть он, ай.

В большинстве стихотворений Шахниматуллоха Вали, также встречаются киноя(иносказательность) и мачоз(аллегория) , которые были присущи поэзии предыдущих веков и они часто встречаются в стихах поэта:

Бе оина тамсил намояд, ҳай-ҳай,
 Бе меҳр ба шаб моҳ барояд, ҳай-ҳай.
 Сӯзад субухати ва чаҳашдидаи мо,
 Гар пардаи вача баркушояд, ҳай-ҳай [46, 354].

Без зеркала все кажется иносказанием, ой-ой,
 Без солнца(любви) ночью восходит луна, ой-ой.
 Сожет лик божий наи очи - глаза
 Если Он сбросит покрывало с лица, ой-ой.

В вышеприведённых стихах —оинаву тамсил|| (—зеркало и уподобление||) намёк на схожесть и —субухати вачах|| (внешней красоты) это намёк на божественный лик или божественный луч.

Противоположность повелению или парадокс, также часто использовался поэтом для украшения слова и своих стихотворений. —Парадокс является из числа красивых образцов восхваления Всевышнего, которые приводятся в наследии, как противоположные предметы и выражаются в виде мутаззода, как разрешённое и запрещённое и ...|| » [84, 308]. О значении парадокса необходимо отметить, что это является формой игры слов, которая привлекает внимание читателя для восприятия цели и обычно точно разъясняет суть и изящность понятия. Примеры, таких описаний, можно встретить во всех произведениях Шахниматуллоха. И использованные парадоксы в газелях поэта являются формами парадоксальных выражений, которые противопоставляют две

противоположные стороны. Хотя его использование не часто встречается в произведениях поэта, но присутствует:

Он каъба равонем, ки дар бодияи роз,
Хомушии човид фиғони чараси мост [46,82].

Мы направляемся в каабу, что в пустыне тайн,
Где звон колокольчиков нашего каравана - вечная тишина.

В этом стихотворении «хомӯшии човид» («вечная тишина») и «фиғони чарас» (звон колокольчиков каравана) использованы, как парадокс, от которых, обычно читатель, приходит в изумление и не сразу понимает замысел поэта. Поэт сначала выразил вечную тишину и затем говоря крик плача, одновременно использовал два противоположных смысла.

«Соблюдение схожести заключается в том, чтобы в речи отразить действия, которые соответствуют друг другу по признакам, как цветок и тюльпан, базилик и алый, солнце и луна, звезда и космос, губы и очи и уста, ворот и подол и их соответствие с точки зрения сравнения или подражания и угождения схожи, как свеча и мотылёк, стрела и лук, и другое» (83, 335). Это средство художественной изобразительности часто использовалось многими поэтами и Шахниматуллох, тоже является в их числе. Эта особенность соответствия, в его произведениях или соответствие при отражении природных явлений или названии птиц, которое заслуживает внимания в различных примерах его стихотворений:

Гар олами сирри лайма-Аллоҳ шавӣ
Донандаи рози бандаву шоҳ шавӣ
Гар сурату маънии чаҳон дарёбӣ,
Воқиф за рамузи Нёматуллоҳ шавӣ [46,298].

Коль познаешь тайну единения с Богом ты,
Знающим тайны рабов и шахов станешь ты.
Коль сможешь объяснить суть и смысл мироздания,

Будешь способен познать намеки Негматуллы ты.

Выражения «раб и шах» и «внешность и смысл», в этом рубаи использовались, как сравнение.

Другим средством художественного изображения, имеющим спрос в персидско-таджикской литературе является талмех (указание), который заслуживает размышления с возникновением этой литературы и Шахниматуллох, тоже при создании хвалебных касыд, описании и превозносил мамдухон (восхваляемых) и в произведениях, обширно использовал возможности художественного приукрашивания указания.

«Талмех является указанием на поэму или сказание, или историческое событие, или хадис» [84, 135].

Каждая из поэм, сказаний, аяты или событий обладают видимой и символической ролью и внушают особое понятие памяти. При их слышании память быстро готова воспринимать эти понятия. Например, в различных произведениях Шахниматуллоха, имя Мансур, оказывало помощь для выражения любовного смысла, одновременно поэт использовал это, как мастерство талмех (указания). Он, поэт с мыслями полных изящества и воображений, который сумел с особым и божественным талантом, в новой форме и используя воображаемую картину и литературные достоверности предложить понятие и смысл своих стихов читателям.

Хотя поэт не достиг уровня поэтов прошлого, но он часто использовал много двусмысленности и сложности. В произведениях Шахниматуллоха можно встретить указания и ссылки на древние легендарные происшествия и события иранских, арабских, тюркских, народов стран Кавказа и Рума, также Африки. Больше всего он отразил древние исторические происшествия, события и личности Ирана. В его произведениях мы встречаем исторические легендарные личности в форме указания, как Джамшед, Хусрави Парвиз, Ромин и Вис, Ширин и Фарход, Рахш, Коф, Кишмар, Шуштар, Шабранг и другие. Из древних великих религиозных шейхов отражены Ибн- ал-Араби, Авраам, Пророк ислама, Джабраил, Хотам Тай, Хизр, Саламон,

Лайло, Азро, Вомик, Корун, Коран, Лайли, Моисей, Ной, Нил, Яман, Вода живая, Зулфикар, Кааба и другое. В произведениях поэта можно встретить талмех и указание на другие древние народы и племена Платона, Хабаша (Эфиопии), Кайсар (Кесаря), Ганга (падишахов Индии), что свидетельствует о его информированности относительно этих древних стран и народов.

В поэзии Шахниматуллох, хоть и немного, также использовал истиора (аллегория), что придало красочность его поэтическому воображению. Для подтверждения этой мысли приведём пример из стихотворений поэта:

Ҳар ки ояд бар сари дори фано,
 Ёбад аз дори фано дори бако.
 Хидмати Мансур аз он сар дор шуд,
 Завки сардорӣ агар дори биё [46, 421].

Всяк кто к виселице этого мира придет,
 От этой виселицы (жизни)вечность жизни обретет.
 Заслуга Мансура в том, что голову отдал виселице,
 Если ты горишь желанием править (виселицей) приходи.

В вышеприведённых строках указывая на аскетический образ жизни и знаменитого поэта Мансура Халлоджа, приведён талмех, который за высказывание —ан-алхак|| был повешен. Мастерство отражения, как художественное мастерство, больше всего отражалось в произведениях поэта по сравнению с другими.

Нури ду чашми олам аст, нақши хайёли рӯи ӯ,
 Нақши хайёли рӯи ӯ нури ду чашми олам аст[46, 598].

Или:

Масти май маломатам нест сари саломатам,
 Нест сари саломатам, масти майи маломатам [46, 278].

Иштикок является одним из видов диалектного художественного мастерства, поэты или писатели выражают несколько слов, которые имеют

один корень. Шахниматуллох Вали, также в своих произведениях не чурался от данной формы художественного мастерства. Например:

Ишку маъшӯку ошики хешем,
Ҳар чӣ ҳастем ин замон, ишқ аст [46, 593].

В возлюбленную и любовь свою влюблены мы,
Все что мы собой сегодня представляем, и сеть любовь.

То есть, в данном бейте слова «любовь», «возлюбленная», «влюблённый» один корень, использованы для большей привлекательности формы и смысла стихотворения. Красивейшим художественным мастерством, которое придаёт красоту и поэтическое изящество слову, литераторы считают истиора (аллегория). «Истиора это явление, язык, в котором слова или предложения используются не по установленному смыслу. Смысловое восприятие по установленному и не установленному слову имеет обоснованную связь между диалектом и смыслом» [84, 114]. Истиора, как одна из форм приукрашивания стихотворения и речи, много использовалось персидско-таджикскими классическими поэтами. Шахниматуллох, тоже не задержался с его использованием и в его произведениях можно обнаружить истиору(аллегория). Для примера, ниже приводим один из них:

Эй банурам, дида рушан аст ба нури рӯи ту,
Оламе ошуфта чун боди сабо аз бӯи ту [46, 93].

Я свечусь, лицо моё сияет светом лица твоего,
Мир взбудоражен, как утренний ветерок, от аромата твоего.

В приведённых строках поэт использует выражение —банурам|| (лучезарная) как истиора (аллегория) к возлюбленной, от луча её лика озаряется облик народа и весь мир опьянён от её аромата, как ветер пустыни (сабо).

В литературной терминологии ихом (слово имеющее два разных смысла) означает ввести читателя в заблуждение или недоразумение. Он, также является одним из средств описания и духовного мастерства, которое Шахниматуллох, тоже отразил в своих стихах. Например, в следующем бейте:

Сари мўйе зи сирри ӯ гуфтем,
Сари зулфаш аз он шуда дар тоб [46, 411].

Всего лишь на волосок открыли завесы тайн его,
От того и закудрились кончики локонов его.

Здесь выражение —кончик волоса||, использованный в первой строке, означает мало или немного, который повторяясь в следующей строке, в настоящем смысле —кончик локона||, вводит в заблуждение читателя. В реальности эта поэтическая строка имея мистическое значение, цель поэта от приведения этого бейта является то, что раскрыв ему немного секреты Аллаха, оставшаяся жизнь завилась, как локон. Значение выражения завился локон, здесь означает мысль растерянный и нерасчѐсанный, что многие из суфиев будто в поисках Аллаха больше не обращают внимание на свою внешность.

Муболига (гипербола или приукрашивание), тоже как другие виды средства художественного изображения не было обделено вниманием пера Шахниматуллоха Вали, Как, к примеру:

Бо мухити ишқи ӯ дунè бар мо шабнаме аст
Чашмаи об чї бошад, ҳафт дарè шабнаме аст [46, 107].

Находясь в атмосфере её любви, воспринимаем мир как росу,
Что нам воды родника, когда семь рек для нас кажутся росой.

Поэт описал любовь влюбленного такой огромной и большой, что будто мир со всей его бескрайностью, предстаёт перед его любовью наподобие росы. Обычно поэты-мистики считают любовь влюбленного больше и выше всех существ мира. Шахниматуллох Вали часто при

использовании мастерства намёка (иносказания) в своих произведениях указывал на великих учёных и знаменитых поэтов. Например, в следующем бейте он говоря —друг оврага||, указал на жизнь Пророка Мухаммада (с):

Чй гам дорам, ки ёрам ғамгусор аст,
Ҳарифам чому соқй ёри гор аст [46, 560].

К чему печалиться мне, когда любимая печалиться о бо мне,
Когда соперник мой - чаша с вином, а кравчий друг мой.

Другой гранью этого мастерства, которое выгодно использовал Шахниматуллох это —отражение предметов и противоположных событий, мутаазод явлений и событий природы, общества и жизни человека|| [16, 122]:

Лоғар миёни он санаму рост коматаш,
Зулфаш хилофи комату зидди миён кафал [46, 5.8]

Тонка талией та красавица и прямой её стан,
Локоны, вопреки стану и талии, скрючены (волнисты).

Лаф и нашр (Соединение и распространение) в незначительном количестве, также можно встретить в диванах поэта. Можно привести несколько их примеров, но мы ограничимся для его доказательства, приведя одно из них:

Зоҳиду муфтй ба ишқ чуръае аз чоми ӯ,
Он яке саччодаву ин яке китоб андохта [46,41].

В вышеприведённом примере сравнивая жизнь грешника и муфтия, создал упорядоченное лаф и нашр (соединение и распространение). В первой строке собрав слова, затем во второй строке, согласно соответствию смысла, приводит другие слова, которые раскрывают или разделяют смысл собранных слов первой строки.

Одно из средств описания, которое является очень привлекательным, считается ручувь (отступление). Шахниматуллох, также при украшении стихотворных строк обширно использовал эту форму художественного

мастерства. Он, посредством образа, выражая свои чувства, использовал это для большей привлекательности и действенности своего слова:

Суратгарони хусн ба гирди чамоли ёр,
 Шакли латифу маъни аз ин сон кашидаанд.
 Ё зангиён ба ғорати Рум омадданд боз,
 Ё худ рақам зи куфр ба имон кашидаанд.
 Не, не ғалат, ки хизрмисолони сабзпӯш,
 Нақши хайёл бар лаби хайвон кашидаанд
 Хуш лаззате, ки доранд чону дилам ҳамеша,
 Чон дар ҳавои маънӣ дил дар висоли сурат [46,73].

Создатели красоты, вдохновленные красотой лица возлюбленной,
 Открыли для себя нежные формы и глубину смысла красоты.
 Или негры грабить Рим явились вновь,
 Или неверность для себя избрали основой основ.
 Нет, нет неверно, ибо в одеждах зеленых хизруподобные,
 Воображаемый образ на колонах бытия начертали.
 Какое наслажденье испытывают все время моё сердце и душа,

Назира являясь одним из видов художественного мастерства, имеет важное значение и очень широко использовано в произведениях поэта. Назира, то есть, стихотворение, которое создаётся в подражание и последованию поэзии какого-либо поэта прошлого или современности. В персидско-таджикской классической литературе мастерство создания назиры много встречается в наследии поэтов. Создавать назиру(поэтическое подражание) на стихи какого-нибудь поэта, означает в основном единомыслие и солидарность. Одним из таких великих персидско-таджикских поэтов, который оказался под воздействием наследия некоторых поэтов прошлого и современности и оставил неизгладимый след в произведениях будущих поэтов, является Шахниматуллох Вали.

Он, проявляя особенный интерес к произведениям великих поэтов, таких как: Мавлоно Джалолиддини Руми, Носири Хусрав, Абусаид Абулхайр, Саъди Шерози, Ходжуи Кирмони, Хофиз Шерози и другие, на произведения некоторых из них написал ответы и пояснения. Необходимо отметить, что произведения Шахниматуллоха Вали имеют близость, знакомство и схожесть с наследием ибн Араби, особенно с его книгой —Футухоти маккия и Фусус-ал-хикам¹¹. Можно в какой-то мере сказать, что он является важным звеном распространения культуры ибн Араби в литературном и мистическом круге Ирана.

Поэт, как было отмечено выше, проявил большой интерес к творчеству других персидско-таджикских поэтов. Особенно, совершенное доверие проявлял произведениям и самому великому поэту и учёному Мавлоно Джалолиддину Руми. Шахниматуллох Вали всегда с большой уважением и почтением обращался к Мавлоно и с интересом старался получить пользу, и духовно обогащался от его изысканных научных произведений и изучил много изящных идей его школы любви и мистицизма.

Доверие Шахниматуллоха к Мавлоно и удовлетворение от его школы любви и мистицизма совершенно проявляется выражением нескольких назир, которые он написал ему в ответ. Так на знаменитую газель Мавлоно Джалолиддина Руми, которая содана в форме фано филаллох, написал пояснение привлекающее внимание. Мавлави утверждает:

Дод чорӯбе ба дастам он нигор,
 Гуфт, аз ин дарè барангезон ғубор.
 Боз он чорӯб дар оташ бисухт,
 Гуфт, аз ин оташ ту чорӯбе барор [136,76].

Вручила веник мне в руки та моя краса,
 Сказав: «Подними из этой реки пыль в небеса».
 Вновь тот веник сгорел в огне до тла,
 Сказала: «Извлеки же ты веник из этого огня».

Пояснение Шахниматуллоха:

Ақл чорӯб аст нигор он пири кор,
 Ботинат дарёву хастӣ чун ғӯубор.
 Оташи ишқаш чу сӯзад ақро,
 Боз чорӯбе зи ишқ ояд ба кор [146,77].

Веник есть разум, красавица тот всезнающий старик,
 Твоя сущность река, и ты сам как пыль (дым).
 Когда огонь его любви твой разум спалит
 Вновь веник из любви твою жизнь может продлить.

Анализирую диван поэта и изучая стилистику, форму выражения, использование диалектного и духовного мастерства можно сделать вывод, что Шахниматуллох Вали в какой-то мере использовал в своих произведениях красочное описание, образ и богатое воображение. Таким образом, приведя несколько образцов стихотворений поэта, мы смогли опровергнуть идеи некоторых исследователей, которые считают, что произведения поэта лишены художественного приукрашивания, так как не всё, сказанное теми, кто выразил мысли о его наследии, может быть полностью признанным.

3.4 Назидательно-образовательные сочинения Шаха Ниматуллаха

Вали

Поучительная литература издревне является художественным приёмом, который основан на нравственных и поучительных примерах. Эта художественная форма —разъясняет для читателя знание или поясняет нравственные, философские вопросы в художественной форме, утверждает известный немецкий поэт, учёный и педагог Фридрих Рукер. [137, 67]

Подлинное значение поучительной литературы заключается в добром, правдивом и красивом взгляде. Если обратить внимание на персидско-таджикскую поэзию, наряду с различными темами и их целями, в ней отражены поучительные стихи, отражающие особенности социальных проблем. Если в общем виде изучить и исследовать литературу и поэзию, в первую очередь в них заметим творца и мухотаб (адресата), которые связаны между собой. Если эта связь установлена по требованию и социальному положению, она воссоздаёт социальную и поучительную литературу. Слово учение соразмерно выражению воспитание, обозначает изучать, обучать, призывать, советывать, мораль, знание и познать Аллаха, быть осведомлённым о каких-то символах.

Поучительное произведение заключается в том, что поэт в своих произведениях приукрашивает изучение нравственности, излюбленные мистические учения и мысли или другие науки. В другом смысле поучительные стихи создаются для того чтобы читатель мог почерпнуть в них поучение и наставление. С учётом различных трактований и пояснений отдельных учёных о поучительной поэзии, которую также называют нравственной и социальной, можем сказать, что поучительной поэзией называют наследие, в котором поучительные грани являются устойчивыми.

Целью этого раздела является знакомство с поучительно-нравственными и аскетическими мыслями Шахниматуллоха Вали, который считается одним из просветителей персидско-таджикской литературы, великим суфием и

достойным поэтом. Поэт имеет огромное наследие, как с прозаической так и поэтической точек зрения. В этом разделе уделено внимание темам поучительной поэзии и в предшествующей персидской литературе, смысловому взгляду на произведения поэта, образцам из поучительного произведения, как например, единство сущности, любовь и влечение к ней, не вредить, делать добро, оказывать терпение, отказ от гордыни и надменности, выражать правдивость и говорить приятное, сдерживать обещанное слово и другое.

Как известно диван поэта составляют газели, рубаи, маснави, касыды, муфрадот (отдельные бейты) и дубейти (двустушия). Он в своём диване высказывался о любви и восхвалении Аллаха, нравственной чистоте, быть совершенным человеком. В этой форме стихотворений он призывает других к совершению добрых дел, высокой нравственности и хорошему поведению, отказываться от плохих деяний. Поэт пропагандирует в своих стихотворениях, чтобы люди в своём общественном поведении были приверженцами степенности и нравственных норм, к примеру, не обманывать, изучать науки, быть сдержанными, воздерживаться от гордыни и зависти и не совершать деяний наносящих вред другим. Ещё одно понятие в этом жанре поэзии заключается в том, что в ней смыслу придаётся больше внимания, где красота речи подчинена смысловому значению, поэтому эти описания и воображения, являясь тусклыми и невзрачными, стихотворения имеют эпохальную и местную ценность.

Относительно поучительной поэзии в персидско-таджикской литературе можно сказать, что в ней отражены тонкости обучения и воспитания, и другое множество социальных тем и актуальных вопросов, существующих с самого начала до сегодняшнего дня. К примеру Носир Хусрав: —я не тот, кто склоняется перед свиньями||, Рудаки: —Эпоха преподнесла мне наставления и свободу||, Хокони: —Добро и зло, что есть в сущности людей||, каждый создавал на этой основе стихотворения и другие поэты, также в трудные

периоды продолжили этот путь. Такие поэты, как Санои, Мавлони, Саъди и Хафиз довели эту форму поэзии до кульминации.

Другой заслуживающей внимания мыслью в поучительной поэзии является, то, что эта форма стихотворения, создаваясь в виде выражения для обучения и познания поэзии, помогала поэтам в поисках хофизы (способности запоминать), ритма и рифмы и воспринималась с целью распознавания наук и дисциплин, логических смыслов и различных наук, как медицина и математика, энциклопедия, человек и другое.

Шахниматуллох Вали, тоже относится к числу поэтов, которые в своих произведениях обширно использовали поучительные стихотворения. Подлинный смысл его произведений является суфийское учение. О единстве человека с Аллахом и всей вселенной, спор который повторно вспоминается, всё считается созданным Аллахом. В действительности поэт хочет сказать, что кроме Аллаха ничего другого не существует. При возникновении вопросов и ответов, красивое изречение решает эту проблему:

Вопрос:

Яке дуду яке гўянд ёрон,
 Байёнаш кун ки бар ту ҳаст осон.
 Чи гуна чому май бо ҳам якеанд,
 Кучо чамъаш кунанд акли парешон.

Вот дым тебе, а вот тебе друзья,
 Скажи же, что из двух есть легче для тебя.
 Как могут быть едины чаша и вино, Кому
 собрать рассеявшийся разум дано.

Ответ:

Зи ях чоме бисозу пур кун аз об,
 Бинех дар пеши оташ назди асҳоб.
 Чу бигдозаду бипурс аз ҳоли ҳарду,

Ки чун харду яке шуд нек дар ёб [46,97].

Сделай чашу из льда и наполни водой,
 Поставь у огня пред публикой дорогой.
 Когда она растает спроси у них что стало с ними,
 Ведь когда они слились воедино, ответ простой.

Поэт к любви, также относится с добром. Любовь к небесной возлюбленной, любовь, которая освобождает человека от всякой зависимости и от всяких условностей и доводит до высшей степени совершенства. И направляет в мир без условностей. Жизнь проходит в религиозной любви, существование любви, придаёт силу и человеческая жизнь без этого явления не имеет мысла. Есть любовь, которая придаёт человеку величие и бессмертие и делает его вечным.

Сарварӣ хоҳӣ баробар дор ишқ,
 К-аз сари дори фано ёбӣ бако [46,43].

Коли желаешь править (жить), возлюби любовь,
 Лишь на виселице небытия вечность обретешь.

Также имеет касыду о «Жизни без любви» финальная часть которой завершается следующими бейтами:

Умри беишқ мегузори ҳеч,
 Ҳосил аз умри худ чи дорӣ ҳеч.
 Суи аллоҳ талаб кунӣ шабу рӯз,
 Ба адам меравӣ чи дорӣ ҳеч [46,541].

Напрасно без любви жизнь пролетит твоя,
 Плодов не соберешь ты без неё в жизни для себя.
 Пусть даже дни и ночи просить ты будешь у Аллаха,
 Все попадешь в небытие, когда нет её (любви к Богу) у тебя.

Поэт всегда утверждал, что отшельничество и лень становятся причиной болезни и слабости, и призывал учеников к общественной деятельности, общению с народом и сторониться наркотических средств:

Зикри ҳақ эй ёри ман бисёр кун,
 В-ар тавонӣ кор кун бар кор кун
 Пок бошу бевузуъ як дам мабош,
 Чуз ки бе покон даме хамдам мабош.
 Дур бош аз маҷлиси нақшу хаёл,
 Сухбате медор бо аҳли камол.
 Як саруи мӯе хилофи дин макун,
 В-ар кунад шахсе туаш таҳсин макун.
 Раҳравони роҳи ҳақро дӯст дор,
 Раҳравӣ мечӯю роҳе месупор [46,75].

Бесконечно молись, мой друг, упоминая не в суете Его,
 Если можешь, трудись и в делах положишься на Него.
 Будь сердцем чист, ни мгновенья не забывая о чистоте,
 Не ищи дружбы кроме как с благородными, отдавшись суете.
 Будь в дали от собраний с глупцами, с ветром в голове,
 Беседы только с совершенными людьми, позволяй себе.
 В сердце не впускай сомнений к религии и на волосок,
 Коль совершит такое кто-то, выскажи свой ему упрек.
 Возлюби всех тех, кто ищет (Его) к истине пути,
 Сам учись ходить по тем путям, веру сохрани.

Одной из приоритетных видов поклонений, это общественное поклонение и соблюдение прав человека. Оказание помощи и сотрудничество и оказание добра людям, быть на высоте (баргар), не наносить вреда и не растрчивать долю людей, это темы, которые можно встретить чаще других тем в произведениях поэта. Начиная с поэтов прошлого, до времён Шахниматуллоха, которые сочиняли стихи на эти темы,

одним из передовых является сам- Шахниматуллох. Например, в нижеследующем стихотворении видим:

Гар биёзорад маро мӯре наёзорам варо,
 Худ кучо озори мардум эй азизон ман кучо.
 Назди мо зорӣ ба озорию безорӣ мабош,
 То нагирад бар сари бозор озори туро
 Куфр бошад дар тариқи ошиқон озори дил,
 Гар мусалмони чаро озор медорӣ варо? [46,378].

Пусть меня обидит муравей, не отвечу ему тем же,
 Те обиды, что свалились на людей, мне и невиделись далече.
 Ты у нас защиты, беззаботности и беспечности не проси,
 До тех пор, пока на рынке жизни не ранили обидой твоей души.
 В законах любви ранить чье-то сердце – это скверна,
 Коль ты мусульманин, отчего обижаешь его.

Поэт, также в другом стихотворении, указывая на свой возраст, сказал, что на протяжении ста лет своей жизни, даже муравья не обидел. Указывая на это, он хочет довести до читателя, что угнетение народа, растрачивание доли людей, самое плохое деяния, которые никогда не прощаются:

Қурби сад соли умри ман бигузашт,
 Қасди мӯре накардаам ба худо.
 Нони худ хурдаам ба касби ҳалол,
 Моли ғайре нахӯрдаам ба худо [46,214].

Или, в случае использования доли народа, так выразился:
 Сто лет жизни моей пролетев день за днем, канули в лету,
 Богом клянусь, не обидел и муравья, оставаясь верным завету.
 Ел свой хлеб насущный, заработанный честным трудом,
 Чужого нибрал никогда, если же ни так, готов пред ним к ответу.

Необходимо отметить, что поэт кроме великих религиозных деятелей и знаменитых поэтов мира поэзии и литературы, никогда не восхвалял шахов и эмиров своего времени. Он, наоборот советовал шахам, чтобы сторонились от войн и кровопролитий. Совершать добро и взамен этого получать добро является одной из тем, которые обширно использовались и отражались в произведениях всех поэтов персидско-таджикской литературы. Эта мысль, принимая различные поэтические формы и подвергнувшись изучению, представлена для поучения и воспитания всех. Среди произведений поэта, также приведены такие мысли в различных стихотворных жанрах. Здесь приводим образец такой темы в жанре кытъя, которую поэт создал в символической форме:

Гуфта будам туро, ки гандум кор,
 Чун ту чав коштӣ бирав бардор.
 Ҳарчи кори бад он ки бардорӣ,
 Хоҳ гандум бикору хоҳи чав.
 Тухми неки бикору бад бигзор,
 Ба суханҳои неким о бигарав.
 Неку бад ҳарчи мекуни ёбӣ,
 Сухани бад мағу ва ҳам машунав [46,376].

Говорил я тебе, чтобы сеял пшеницу,
 Ты ж посеял ячмень, поди его и собирай.
 Всё, что посеешь, знай то и пожнёшь,
 Хоть ячмень посеял, хоть пшеницу.
 Семена добра ты сей и забудь о зле,
 Внемли этим словам и добром воздастся тебе.
 Зло ты делал иль добро, то и найдешь
 Злословить и слышать дурное не позволяй себе.

Отказу от похоти и безстыдства, пропаганде прилежания, разума и значимости, быть щедрым, поэт, также посвятил много стихотворений:

Ҳарки бо хирс ошно гардад,
Бастаи меҳнати бало гардад.
Ҳарки думболи хирсу оз гирифт,
Раҳмат аз руи худой боз гирифт [46,150].

О, сердце, аскетизма и двуличия стронись,
Коль ищешь бога и стремишься в высь.
Гордыню и чванство от себя отбрось,
Чтобы к корням самолюбия и своеволия не прирос.

В целом, поучительные и нравственные произведения, занимают очень важное место в диванах поэта, и он постарался, описывая различные грани жизни человека, разъяснить читателю её положительные стороны. Он утверждает, что люди должны в земной жизни стараться совершать добрые дела, так как жизнь человека не имеет гарантий, наступит время, когда придётся с ней распрощаться. Поэт всегда утверждает в своих стихах о бренности этого мира и советует провести её именно благодаря добрым поступкам и доброму нраву, счастью и радости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шах Ниматуллах Вали (1331-1431) является великим поэтом XIV-XV веков, и его жизнь прошла в период правления династии тимуридов. Как известно из политического и социального положения того времени, переход правления от одной династии к другой всегда сопровождалось кровавыми столкновениями, разорением и страданием трудового народа. Но местные правители и тимуридские эмиры, которые правили в Меваранахре и Хурасане, в какой-то мере по достоинству отмечали культуру и цивилизацию, в частности оказывали поддержку поэтам мистикам.

Поэты времен тимуридов также, как и предшествующие им поэты в своих творчествах уделяли внимание науке, знаниям и нравоучениям. Ярким примером тому является изучение творчества Шах Ниматуллах Вали. Несмотря на то, что стихотворения и поэзия времен тимуридов отличаются от других периодов правления в Хурасане и Мовароунахре, некоторые из представителей поэтических кругов смогли заполнить пустое место в культуре и литературе между эпохами монголов и тимуридов. Развитие литературы во времена тимуридов больше всего было отмечено сначала на территории, захваченных персами, в том числе Хурасане, Меваранухре, Шахрисабзе, Самаканде, Бухаре, Малой Азии и других регионах с различными языками, такими как Индия, а затем и в самих странах с персидским языком.

Полное имя изучаемого нами поэта Сайид Нуриддин Шах Ниматуллах Вали, но в некоторых источниках упоминается как Шах Ниматуллах Вали и Шах Вали, что свидетельствует о его научной и просветительской результативности. В ходе изучения творчества поэта нами было установлено, что в своих стихотворениях он использовал различные научные терминологии, что указывает на его знание в области метрики, грамматики, астрономии и музыки. Основным вопросом его жизни является год рождения и смерти, который согласно описания самого поэта в одном из трактатов (Зол

бар валодати ман дол малфуз аст). По нашим подсчетам пятница 22-го месяца раджаба (седьмой месяц года по лунному календарю) 330 лунного года хиджри равно 22 сентября 1331 года до нашей эры. Большинство мгновений жизни поэта отражены в его стихотворениях, которые были использованы при восстановлении научного жизнеописания. Последние дни жизни поэта известны, изучение его творчества и отдельных эпизодов показывают, что он умер в 431 году хиджри равно 1432 году нашей эры в городе Махани Кирмани. Также, в различных литературных источниках, в том числе в литературоведческих произведениях [65, 85, 79, 12], толковых словарях, антологических произведениях [1, 18, 99, 82] отображена основная часть стихотворений Шах Ниматуллах Вали, указывающие на его известность и признание со стороны научных кругов. Из письменных копий дивана поэта также имеются несколько копий в библиотеках мира, которые относятся к 18 – 19 векам. Одна из таких копий 17 века находится у автора диссертации. Диван поэта был напечатан исследователями Саъид Нафиси, Ании Козими, Джавод Нурбахш, Мухаммад Расо, Мухаммад Илми и других отпечатан литографическим (Бомбей, Тегеран) и современным способами. Самым лучшим, совершенным и научным является работа Сайида Нафиси. Вместе с тем, продолжается работа по концентрации, научном исследовании и публикации дивана Шах Ниматуллах Вали, которая считается основной задачей будущих литературоведов персидско-таджикской литературы.

Период жизни Шах Ниматуллах Вали является время рассвета литературного вида газели и касыды. С периода становления персидской литературы касыда стала одной из основных и ключевых ее видов и в XI веке заняла ведущую позицию в диванах поэтов того времени. В диване Шах Ниматуллах Вали касыда также занимала высокое положение по сравнению с основным и хвалебным видами. Любовь в газелях поэта является извечной темой персидской литературы и считается самыми лучшими стихами этого направления и изображением специфического воображения занимает особое место в литературе XV веков. Литературная ценность касыд Шах Ниматуллах

Вали наравне с действительной осведомленностью о специфическом времени и месте в демонстрации поэтического таланта является и способ их сочинения. Важнейшей особенностью стихотворений Шах Ниматуллах Вали, которые постоянно повторяют исследователи, является его приверженность к ибн Араби и изображения воображения предшествующих ему поэтов. По мнению всех исследователей, творческий стиль Шах Ниматуллах Вали идеентичен с творчеством поэтов современников и поэтов периода начала правления газневидов, но среди стихотворений Шах Ниматуллах Вали встречаемся с изображениями, которые отличаются своей простотой от иракского творчества. Для выражения своих тонких, нежных и воображаемых мыслей он неизбежно ищет понятия, которые бы определяли их. Теория совершенного человека является основой философских воззрений Шах Ниматуллах Вали в его поэзии. Он связывает совершенство мира с совершенным человеком, таким образом, как жизнь и совершенство тела связаны с душой.

Адолат – справедливость – понимается Шах Ниматуллах Вали, как категория нравственной оценки личности, предполагающая правомочность поступка с позиции намерения совершить зло. Эта категория имеет социальное значение и существует в двух видах - абсолютная, божественная и относительная – людская. Особенную важность справедливости он подчеркивает для царей и правителей, которые должны править в соответствии с земными и божественными законами и не причинять насилие и гнет своим подопечным. «Справедливость преимущество и удел царей»- считает Шах Ниматуллах Вали. А суфии должны отрешиться от вопроса справедливости, ибо они должны воспринимать этот мир, как воплощение Абсолютно справедливого Бога. «Совершенный человек» определяется Шах Ниматуллах Вали как место отражения Бога, как наичистейшее существо на свете, но не абстрактная идея. «Совершенного человека» мыслитель приравнивает к пророкам и полюсам, святым и приближенным к Богу.

«Совершенного человека» он считает избранником Бога. Он - наставник праведных, проводник путников пути и истины.

Одной из важных категорий этики Шах Ниматуллах Вали является любовь, которую он считает также средством познания истины. По Ниматуллаху, мир полон любви, всё имеет влечение друг к другу, а это влечение миру подарено Богом. Любовь имеет для Ниматуллаха великую преобразующую силу, она является причиной возникновения всего, она многокрасочна как мир и содержит все эмоции, радость и страдание. Она - средство закалки характера и мост для соединения с единой Душой.

В этических взглядах Шах Ниматуллах Вали закладываются основы учения «не обижай и не обижайся» - «маранчу маранчон» или «непротивления злу насилием», которое берет начало в этических теориях Мавлоно Джалолуддина Руми и развивается во многих суфийских течениях. Проповедуя совершенствование души и избавление от недостатков - негативных качеств, Шах Ниматуллах Вали приходит к решению, что зло нельзя уничтожить злом. Эта тема стала традиционной для такого течения суфизма, как накшбандия, этика представителей которого была выражена в девизах «дил ба ёр, даст ба кор», «дил ба хак, тан ба халк», «дар зохир ба кор, дар ботин бо ёр», составила основу социального учения суфизма и приобрела большое социальное значение.

Учение Шах Ниматуллах Вали о любви к человеку, провозглашение его совершеннейшим творением, стало основой его гуманистических идей. Все этическое учение Шах Ниматуллах Вали, как адепта течения ниматуллахи, так популярного до настоящих дней в мире, пронизано уважением к человеку, признанием его силы и возможностей, всевышним его роли и приоритета над творениями Вселенной, идеями о не причинении вреда и зла человеку. Гуманизм Шах Ниматуллах Вали стал основной причиной его авторитета, народной любви к его творчеству, а его этические воззрения наполнил глубоким социальным значением, прогрессивными идеями, ставшими достойным вкладом в развитие философской, социально-

политической и этической мысли народов Востока. Именно эти аспекты учения Шах Ниматуллах Вали, ярчайшего представителя суфизма XIУ-XУ веков, приковывают интерес ученых и любителей мудрости мира к его жизни, творчеству и воззрениям. Шах Ниматуллах Вали своим творчеством оказал большое влияние на развитие персидской литературы которые можно встретить в стихах последующих поэтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. На таджикском и персидском языке

1. Абдуразок, Кирмонӣ. Тазкира дар маноқиби ҳазрати Шохнеъматуллоҳи Валӣ/Абдуразок, Кирмонӣ. - Ҷузъе аз маҷмӯа дар тарҷумаи аҳволи Шохнеъматуллоҳи Валии Кирмонӣ. Бо тасҳеҳ ва мукаддимаи Жан Упен. - Техрон: Забон ва Фарҳанги Эрон, 1453. - 374 с.
2. Абулҳасан, Парвини Парешонзода. Баргузидаи ашъори Шохнеъматуллои Валӣ/Абулҳасан, Парвини Парешонзода. - Техрон: Ҳақиқат, 1383. - 196 с.
3. Аҳмадалихон, Вазирӣ. Таърихи Кирмон/Аҳмадалихон, Вазирӣ. -Бо тасҳеҳи Бостони Порезӣ. Ҷ4. - Техрон: Илмӣ, 1370 (1991). - 574 с.
4. Афсаҳзод, А. Адабиёти форсу тоҷик дар нимаи дувуми асри XV/ Афсаҳзод, А. - Душанбе: Ирфон, 1987. - 264 с.
5. Абдуурофеи, Ҳақиқат. Таърихи ирфон ва орифони эронӣ/ Абдуурофеи, Ҳақиқат. - Техрон: Фирдавсӣ, 1389. - 230 с.
6. Абдулҳусейни, Заринкуб. Арзиши меъроси сӯфия/Абдулҳусейни Заринкуб. -Техрон: Илмӣ, 1362. – 340 с.
7. Абдулҳусайни, Фарзод. Дар бораи накди адабӣ/Абдулҳусайни Фарзод. -Техрон: Қатра, 1362. -320 с.
8. Абдулҳусайни, Заринкуб. Ҷустуҷу дар тасаввуфи Эрон/ Абдулҳусейни Заринкуб. -Техрон, 1349. – 428 с.
9. Абдулҳусайни, Заринкуб. Аз гузаштаи адабиёти Эрон/ Абдулҳусейни, Заринкуб. - Техрон, 1358. – 280 с.
10. Анзобинаҷод, Ризо. Чистӣ ва чароии насрҳои ирфонӣ/ Анзобинаҷод Ризо. - Техрон: Пайванд, 1383. -241с.
11. Абдуллозода, Ш. Фалсафаи одамият. / Ш. Абдуллозода. – Душанбе. : Дониш, 2003. - 160 с.
12. Браун, Э. Таърихи адабиёти Эрон. Аз Фирдавсӣ то Саъдӣ. Тарҷума ва ҳавошии Фатҳуллоҳи Мучтабой/Э.Браун. - Техрон: Марворид, 1341. – 464 с.

13. Браун, Э. Таърихи адабии Эрон. Тарчума, хавошй ва таълиқоти Алй Пошо Солеҳ. - Ч.2.- Чопи аввал/Э.Браун. - Техрон: Амири Кабир, 1358. - 1146 с.
14. Воҳиди, Саидтақи. Дар роҳи тасаввуф/Саидтақи В -Техрон: Нахли дониш, 2006. -550 с.
15. Гафуров, Б.Ғ. Точикон/ Гафуров Б.Ғ. - Китоби якум: Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. - Ирфон, 1998. - 701 с.
16. Ғуломризо, Муҳаммад. Сабқшиносии шеъри форсӣ/ Ғуломризо, Муҳаммад. – Техрон: Заввор, 1381. - 231 с.
17. Давлатшоҳ, Самарқандӣ. Тазкират-уш-шуаро/Давлатшоҳ, Самарқандӣ. - Ба тасҳеҳ ва эҳтимоми Эдуард Браун. - Техрон: Интишороти Асотир, чопи аввал, 1382. - 631с.
18. Давлатшоҳ, Самарқандӣ. Тазкират-уш-шуаро/Давлатшоҳ Самарқандӣ. - Ба ҳиммати Муҳаммади Рамазонӣ. - Техрон: Нодир, 1338. - 431 с.
19. Зиенур, Фазлуллоҳ. Ваҳдати вучуд/ Зиенур, Фазлуллоҳ. - Техрон: Интишороти Завол, 1369. - 300 с.
20. Ибни Арабӣ Муҳиддин. Фусус-ул-хикам/ Ибни Арабӣ. Муҳиддин. - Тарҷумаи Муҳаммад Хоразмӣ. - Кирмон: Интишороти Мулк, 1389.- 455 с.
21. Ишутас, Ёис. Шох Неъматуллои Валии Кирмони шоири сӯфӣ/ Ишутас, Ёис. - Кирмон: Саропардаи ишқ, 2005. - 522 с.
22. Қадқанӣ, Шафеъи Муҳаммадризо. Суварӣ хаёл дар шеъри форсӣ. Чопи даҳум/Шафеъии Қадқанӣ, Муҳаммадризо. - Техрон: Огоҳ, 1385.- 732 с.
23. Қайсарӣ, Маҳмуд Довуд. Шарҳи Фусус-ул-хикам. Қайсарӣ, Маҳмуд Довуд/ Бо муқаддима ва тасҳеҳ ва таълиқи Саид Қалолӣддин Оштиёнӣ, Интишороти илмии фарҳангӣ, 1986. - 1384с.
24. Капранов, В. Луғати фурс. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Ч.2. – Душанбе, 1989. –С.116-117.
25. Қасоинаҷод, Зайниддин. Роҳи орифон дар Ислом /Қасоинаҷод, Зайниддин. - Техрон: Ишроқӣ, 1988.- 234 с.

26. Кокой, Қ. Вахдати вучуд ба ривояти Ибни Арабӣ/Кокой, Қ. - Техрон: Илмӣ, 1381. - 480 с.
27. Леонард, Луизин. Мероси тасаввуф/Леонард, Луизин. - Лондон. 1985. -320 с.
28. Лутфалибек, Озар. Оташкада. Бо тасхех, хавошӣ ва таълиқи Хдсани Содоти Носирӣ. Дар се мучаллад.- Ҷ.2. /Лутфалибеки Озар. - Техрон: Амири Кабир, 1338.- Саҳ. 425- 914.
29. Мавлави, Муҳаммад Джалолуддини Балхӣ. Маснави маънавӣ. Комментарий Карим Замони. – Техрон: Иттилоот, 1995. - 920 с.
30. Маъсуми, Шерозӣ. Тароикӯлхақоик / Маъсуми, Шерозӣ Шерозӣ. - Техрон: Саной, Ҷ.4, 1332. - 674 с.
31. Мирзо, Абдулҳусейни Ёсин. Порае аз расоили Шохнеъматуллоҳи Валии Кирмонӣ/ Мирзо, Абдулҳусейни Ёсин. -Техрон: Армуғон, 1311. -214 с.
32. Мирзозода, Х. Таърихи адабиёти тоҷик /Х.Мирзозода. – Китоби I(II). - Душанбе: Маориф, 1980. - 421с.
33. Мирчаъфар, Ҳусайнӣ. Таърихи темуриён ва туркманон Исфохон/Мирчаъфар Ҳусайнӣ. - Исфохон, 1375. -342 с.
34. Муломуҳаммад, Мустафии Яздӣ. Фасле аз ҷомеаи муфидӣ// Муломуҳаммад, Мустафии Яздӣ /Иқтибос аз рисолаи Саналох Неъматуллоҳӣ. - Техрон: Тухурӣ, 1341. -510 с.
35. Муътаман, Зайнулобидин. Тахаввули шеъри форсӣ. Чопи чахорум/ З.Муътаман.- Техрон: Тахурӣ, 1371.- 414 с.
36. Муҳаммад, Аббос. Куллиёти девони Шохнеъматуллои Вали/Муҳаммад, Аббос. - Техрон: Нигоҳ, 1360. - 560 с.
37. Муҳаммад, Қазвинӣ. Девон Шамсиддин Муҳаммад Ҳофизи Шерозӣ/ Муҳаммад, Қазвинӣ. - Техрон: Арван. Чопи дувум, 1373. - 470 с.
38. Муҳаммад, Тоҳири Насрободӣ. Тазкираи Насрободӣ. Ҷ.1 –Техрон: Асотир, 1378. -655 с.
39. Муҳсин, Киёнӣ. Таърихи хонақоҳ дар Эрон/ Муҳсин, Киёнӣ. - Техрон: Завол, 1987. - 345 с.

40. Мухаммад, Ҳамосиён. Баргузидае аз шарҳи аҳвол ва осри Шохнеъматуллоҳи Вали/ Мухаммад, Ҳамосиён. - Техрон: Оянда, 1389. - 230 с.
41. Мухаммадхочаев, А. Инсон ва масъалаи худшиносӣ аз диди Шох Неъматуллоҳи Вали//Ахбори Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. Шуъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. №4, 2010. –С.67-83.
42. Мухаммад, Расо. Девони ҳазрати Саид Нуриддин Шохнеъматуллоҳи Вали/ Мухаммад, Расо. - Техрон: Нигоҳ, 1386.- 538 с.
43. Насруллоҳ, Ҷаводпур. Шеърҳои орифона ва риндонаи Шохнеъматуллои Вали. Насруллоҳ, Ҷаводпур//Маҷмуаи мақолаҳо дар бораи Шохнеъматуллоҳи Вали. - Техрон: Ҳақиқат, 1383. -279 с.
44. Нафисӣ, Саъид. Таърихи назму наср дар Эрон ва дар забони форсӣ. Дар ду ҷилд.- Ҷ.1/ Нафисӣ, Саъид.- Техрон: Механ, 1344.- 664 с.
45. Нафисӣ Саъид. Сарчашмаи тасаввуф дар Эрон/Саид Нафисӣ Техрон: Фурӯғӣ, 1343. – 430 с.
46. Нафисӣ, Саъид. Девони Шохнеъматуллои Вали/ Нафисӣ, Саъид.-Чопи якум. - Техрон: Нигоҳ, 1996.- 735 с.
47. Низомиддини, Шомӣ. Зафарнома (Таърихи футухоти амир Темурӣ Гургонӣ) /Низомиддини, Шомӣ. – Бо кӯшиши Паноҳи Симнонӣ. - Прага, 1902.- 368 с.
48. Никилсон, Р. Ислом ва тасаввуф/ Никилсон Р. Тарҷ Наховандӣ. - Техрон, 1341. -165с.
49. Нуралӣ, Тобанда. Ёде дигаре аз Ҳазрати Саид Нуриддин Шохнеъматуллои Вали/ Нуралӣ, Тобанда//Донишгоҳи Ледин: Нидерландия, 2003. – 140 с.
50. Нуъмонӣ, Шибли. Шеър-ул-Аҷам, ҷ.5. тарҷ. Саид Мухаммадтакии Фаҳри Доии Гелонӣ/ Нуъмонӣ, Шиблии.- Техрон, 1337.
51. Нуъмонӣ, Шибли. Шеър-ул-Аҷам ё таърихи шуаро ва адабиёти Эрон. Иборат аз 5 ҷилд. Тарҷумаи Сайид Мухаммадтакии Фаҳри Доии Гелонӣ. Ҷ.4/Ш.Нуъмонӣ.- Техрон: Дунёи китоб, 1368.- 254 с.

52. Муиззй, Нишобурй. Куллиёти девон. Мукаддима, тасхех таъликоти Мухаммадризо Канбарй. / Муиззии Нишобурй -Техрон: Заввор, 1385.- 1132.
- 53.Рачабов, М.Р Абдурахмони Чомй ва фалсафаи тоҷик дар асри 15/Рачабов, М.Р. - Душанбе: Адиб, 1968. -230 с.
54. Ризозода, Шафак. Таърихи адабиёти Эрон/ Ризозода, Шафак: - Техрон: Интишороти Донишгоҳи паҳлавй, 1362. -648 с.
55. Риссел, Бертран. Таърихи фалсафаи Гарб. Пер. Наджаф Дарёбандари. «Туе», 2-е изд. - Тегеран, 1969. 1337 с.
56. Рипка, Ян. История персидской и таджикской литературы. Пер. с чешск. Редактор и автор предис. И.С.Брагинский//Ян Рипка.- М.: Прогресс, 1970.- 440 с.
57. Рипка, Ян. Таърихи адабиёти Эрон. Тарҷумаи Исо Шаҳобй/Ян Рипка. - Техрон: Бунгоҳи тарҷума ва наشري китоб, 1384.- 646 с.
58. Ризозода, Шафак. Таърихи адабиёти Эрон. /Ризозода, Шафак. - Техрон: Интишороти Донишгоҳи паҳлавй, 1362.-648 сах.
59. Ризонур, Неъматулоҳй. Ганҷинаи подшоҳии шоҳи Моҳон./Ризонур, Неъматулоҳй. - Техрон: Исфаҳон, 1367. -114 с.
60. Сайфий, Ҳиравй. Таърихномаи Ҳирот. Ба тасҳеҳи Мухаммад Зубайри Сиддиқй. - Калкутта: Матбаъаи Гулшан, 1943.- 812 с.
61. Самии, Гелонй. Мабонии сабқшиносии шеър./ Самии, Гелонй. - Техрон: Одобпажӯҳй, 1382. – 340 с.
62. Саниаллох, Неъматуллоҳй. Чомеи Муфидй /Саниаллох Неъматуллоҳй. - Техрон: Суруш, 1432. -213 с.
63. Сарфи, Мухаммадризо. Барасии маънии шиноҳти истиора ва такрор дар ғазалёти Шоҳнеъматулоҳи Валй/ Сарфи, Мухаммадризо. - Техрон: Садопардаи ишқ, 1383. - 522 с.
64. Сагторзода, А. Такмилаи бадеъи форсии тоҷикй/ Сагторзода.А.– Душанбе: Адиб, 2011. -380 с.
65. Сафо, Забехуллох. Таърихи адабиёт дар Эрон. Чилди дувум /З. Сафо. - Техрон, Фирдавс, чопи понздаҳум, 1381-1128 с.
66. Сафо, Забехуллох. Таърихи адабиёт дар Эрон. Чилди сеум/ Сафо, Забехуллох. - Техрон, Фирдавс, чопи понздаҳум, 1381.-705 с.

67. Сафо, Забехуллох. Таърихи адабиёт дар Эрон. Чилди якум/ Сафо, Забехуллох. - Техрон, Фирдавс, чопи понздахум, 1381.- 742 с.
68. Сафо, Забехуллох. Ганчи сухан/Сафо Забехуллох. - Чопи дувум. - Қакнус, 1374.- 851 с.
69. Сафо, Забехуллох. Хамосасарой дар Эрон. / 3.Сафо. -Техрон, 1333.
70. Саъид, Гулбобо. Культура общих суфийских терминов Ибн Араби/ Саъиди Гулбобо.- Техрон: Заввор, 2009.- 1205 с.
71. Сатторзода, А. Таърихчаи назариёти адабии форсии тоҷикӣ/ Сатторзода А. - Душанбе: Адиб. - 2001. -139 с.
72. Сируси, Шамъисо. Сабкшиносии шеър/Сируси Шамъисо.- Чопи савум.- Техрон: Фирдавсӣ, 1382. -180 с.
73. Сиддиқӣ, Муҳаммад Зубайр. Муқаддима бар «Таърихномаи Ҳирот»-и Сайфии Ҳиравӣ. Тарҷума аз англисӣ ба форсӣ аз Мирзо Мӯҳсини Намозӣ/Сиддиқӣ, Муҳаммад Зубайр.- Калкутта: Матбаъаи Гулшан, 1943. – 330 с.
74. Соммирзои, Сафавӣ. Тӯҳфаи Сомӣ/ Соммирзои, Сафавӣ. –Техрон: Анҷумани осор ва мафоҳири фарҳангӣ, 1389. - 348 с.
75. Хоҷа Шамсуддин Муҳаммад Ҳофиз. Девони ашъор. Бо муқаддимаи Муҳаммадризо Джалолӣ Ноини и Назир Аҳмад. - Техрон: Амири кабир. Ч.6, 1989. - 783 с.
76. Хондамир, Гиёсиддин. Дастур-ул-вузаро. Ба кӯшиши Саъид Нафисӣ/ Хондамир, Гиёсиддин. – Техрон: Заввор, 1355. -410 с.
77. Хондамир, Гиёсуддин. Ҳабибуссияр. Бо муқаддимаи Ҷалолуддин Хумоӣ. Зери назари Дабири Сиёқӣ, - Техрон: Вазирӣ, 1362. -540 с.
78. Ҳақиқат, Саодат. Зиндагӣ ва эҷодиёти Шохнеъматуллоҳи Валӣ./Ҳақиқат, Саодат. - Кирмон: Донишгоҳи улуми инсонӣ, 2005.- 132 с.
79. Ҳамид, Фарзод. Таҳқиқ дар аҳвол ва нақди афқору осори Шохнеъматуллои Валӣ/Ҳамид, Фарзод. - Техрон: Суруш, 1996.-666с
80. Ҳамдуллоҳи, Муставфӣ. Таърихи гузида. Ба эҳтимоми Абулхусайни Навоӣ /Ҳамдуллоҳи, Муставфӣ. - Техрон: Амири Кабир, чопи дувум, 1362. – 439 с.

81. Ҳидоят, Ризоқулихон. Мачмаъ-ул-фусахо. Ба кушиши Мазохири Мусаффо. Бахши савум аз чилди аввал./ Ҳидоят, Ризоқулихон. - Техрон: Амири Кабир, 1382. -1753 с.
82. Ҳидоят, Ризоқулихон. Риёзулорифин. Чопи дуввум/ Ҳидоят, Ризоқулихон. - Техрон: Борон,1234. – 234 с.
83. Чавод, Нурбахш. Куллиёти ашъори Шохнеъматулоҳи Валӣ/ Чавод, Нурбахш. - Техрон: Ялдоқалам, 1380. - 678 с.
84. Чалолиддин, Ҳумой. Фунуни балоғат ва саноати адабӣ/ Чалолиддин, Ҳумой. - Техрон: Ҳумо, 1378. - 350 с.
85. Чаввод, Нурбахш. Зиндагӣ ва осори кутбулмуваҳиддин чаноби Шохнеъматуллоҳи Валӣ/Чаввод, Нурбахш. - Техрон: Хонақоҳи неъматуллоҳӣ, 1959. - 214 с.
86. Чаввод, Нурбахш. Рисолаҳои Шохнеъматуллои Валӣ. - Техрон: Хонақоҳи неъматуллоҳӣ, 1976. - 450 с.
87. Қомӣ, Мавлоно Нуриддин Абдураҳмон. Нафаҳот-ул-унс мин ҳазарот-ил-қудс. Таҳиягарони матн, муаллифони муқаддима ва феҳристҳо Мӯътабар Оқилова, Баҳром Мирсаидов /Қомӣ Мавлоно Нуриддин Абдураҳмон. – Душанбе: Пажӯҳишгоҳи фарҳанги форсӣ-тоҷикии Сафорати Ҷумҳурии Ислонии Эрон, 2013. – 865 с.
88. Шарофиддин, Алии Яздӣ. Зафарнома /Шарофиддин Алии Яздӣ. Бо эҳтимоми Муҳаммад Аҳмади Паноҳӣ. - Техрон: Амири кабир, 1957. - 496 с.
89. Шаҳром, Пожукӣ. Мачмуаи мақола дар бораи Шохнеъматулоҳи Валӣ / Шаҳром Пожукӣ. - Техрон: Ҳақиқат, 1383.-279 с.
90. Шарипов, А. Хатлон дар аҳди Темуриён//Мач. Тоҷикистон. № 4-6. - С.18-19.
91. Шарифов, Х. Адабиёти асрҳои миёна /Х.Шарифов//Сухан аз адабиёти миллӣ. Мач. мақ. - Душанбе: Пайванд, 2009. - 476 с.
92. Шарифов, Х. Функсияи маърифатии касида дар адабиёти тоҷик / Шарифов Х.// Ёдбуди устод Рудақӣ.- Душанбе: Дониш, 1978.- Саҳ. 103-111.
93. Шуқуров Ш., Абдучабборов Т., Ходизода, Р. Фарҳанги истилоҳоти адабиётшиносӣ. -Душанбе: Ирфон, 1966. -145саҳ.

94. Шамсиддин, Муҳаммад ибни Қайси Аррозӣ. Алмуъҷам фӣ маъойири ашъорил Аҷам. Ба тасхеҳи аллома Муҳаммад ибни Абдулваҳҳоби Қазвинӣ ва тасхеҳи мучаддади мударриси Разаӣ ва тасхеҳи мучаддади дуктур Сируси Шамисо/Шамсиддин Муҳаммад ибни Қайси Аррозӣ. - Техрон: Илм, 1388.- 640 с.
95. Шоҳнеъматуллоҳи, Валӣ. Мактубот. (Маҷмӯаи 104 рисола)/ Шоҳнеъматуллоҳи, Валӣ. - Муқадимма ва ҷамъовариҳои Муҳаммад Расо.- Техрон,1390. - 1028 с.
96. Шоҳнеъматуллоҳ, Валӣ. Девони ашъор/ Шоҳнеъматуллоҳи Валӣ. - Техрон: чопхонаи Муҳаммад илми,1990. – 784 с.
97. Шоҳнеъматуллоҳи, Валӣ. Девони ашъор. Бо сарсухани Саид Нафисӣ/Шоҳнеъматуллоҳи, Валӣ. - Техрон: Нашри нахустин, 1996. - 735 с.
98. Шоҳнеъматуллоҳи, Валӣ. Расоил / Шоҳнеъматуллоҳи, Валӣ. - Бо кӯшиши Ҷаввуд Нурбахш.-Тегеран: Хонақоҳи неъматуллоҳӣ, 1957.- 484 с.
99. Шермалик Воизӣ. Рисола дар сайри Шоҳнеъматуллоҳи Валӣ/ Шермалик Воизӣ. - Ҷузъе аз маҷмӯа дар тарҷумаи аҳволи Шоҳнеъматуллоҳи Валии Кирмонӣ. Бо тасхеҳ ва муқаддимаи Жан Упена. - Техрон: Тухурӣ, 1341. - 374 с.
100. Шоҳнеъматуллоҳи, Валӣ Моҳонии Кирмонӣ. Девон/ Шоҳнеъматуллоҳи Валӣ Моҳонии Кирмонӣ. Бо тасхеҳи Муҳаммад Илмӣ. - Техрон: чопхонаи Муҳаммадхусейни илмӣ, 1339. - 750 с.
101. Шоҳнеъматуллоҳи, Валӣ. Истилоҳоти сӯфия. Шоҳнеъматуллоҳи Валӣ/ Бо кӯшиши Насруллоҳ Пурҷаввӯдӣ. - Техрон: Ожанд, 1303. - 256 с.
102. Шоҳнеъматуллоҳи, Валӣ. Маротибу-л-ҳолия. Бо тасхеҳи Ҷаввуд Нурбахш. - Техрон: Хонақоҳи Неъматуллоҳӣ, 1957. - 484 с.
103. Шоҳнеъматуллоҳи, Валӣ. Расоил/ Шоҳнеъматуллоҳи Валӣ/ Бо кӯшиши Ҷаввуд Нурбахш.-Техрон: Хонақоҳи неъматуллоҳӣ, 1957. - 484 с.
104. Шиблии, Нуъмонӣ. Шерулаҷам ё таърихи шуаоро ва адабиёти Эрон. Тарҷумаи Саидмуҳамади Фаръии Гелонӣ. - Техрон: Ибни Сино, 1332. - 520 с.

105. Шиблии, Нўъмонӣ. Шеър-ул-Ачам, ҷ.5. тарҷ. Саид Муҳаммадтақии Фаҳри Доии Гелонӣ/ Шиблии Нўъмонӣ. - Техрон, 1337. -240 с.
106. Шукӯҳи қасида. Ба интихоби Абдулмуҳаммади Оятӣ/ Шукӯҳи қасида. - Техрон, чопи дувум, Интишорот ва омӯзиши инқилоби исломӣ, 1372. - С.3-14.
107. Эдвард, Браун. Таърихи адабиёт дар Эрон (Аз Саъдӣ то Ҷомӣ. Эдвард Браун). - Лондон, 1889.- 420 с.
108. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Ҷ.2. –Душанбе: Адиб, 1989. - 559 с.
109. Эҳсон, Ёршотир. Шеъри форсӣ дар аҳди Шохруҳ/Эҳсон ёр Шохтур. - Чопи дувум. - Техрон: 1373. - 316 с.
110. Эте, Х. Таърихи адабиёти форсӣ. Тарҷума ва хавошии Ризозода Шафак. Чопи дувум//Х.Эте. - Техрон: Бунгоҳи тарҷума ва нашри китоб, 1357.- 361 с.
111. Яъқуби, Ожанд. Таърихи Эрони давраи Темурӣ/Яъқуби Ожанд.- Чопи аввал. - Техрон: Ҷомӣ, 1389. - 600 с.
112. Шарифи, Муҳаммад. Культура персидской литературы. – Тегеран: Муини, 1387.– 1254 с.

II. на русском языке

113. Ахмад, Тамимдари. История персидской литературы./ Ахмад, Тамимдари. - СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. - 240 с.
114. Арберри, А. Суфизм. Мистики ислама.– М.: Сфера, 2002. -260с.
115. Анри, Корбин. История исламский философии. Перевод с французского А.А.Кузнецова/Анри, Корбин. - М.: Прогресс Традиция, 2010. - 360 с.
116. Бертельс, Е. Э. История персидско-таджикской литературы/Е. Э.Бертельс/Изб. труды. Т.1. - М., 1960. - 555 с.
117. Бартольд, В.В. Мистицизм в исламе/В.Бартольд. -Соч., т.6. – М.: Наука. -600 с.
118. Бартольд В.В. Туркистан в эпоху мангольского нашествия/ Соч, Т.1/В.В.Бартольд. - М., 1963. - С.45-600.

119. Бертельс, Е.Э. Суфизм и суфийская литература/Е.Э.Бертельс. – М.: Наука, 1965. -164 с.
120. Бертельс, Е.Э. Литература на персидском языке в Средней Азии //Избр.труды. История литературы и культуры Ирана/Е.Э.Бертельс. - М.: Наука, 1988. - С.261-301.
121. Брагинский, И.С. Из истории персидской и таджикской литератур/ Брагинский, И.С. - М.: Наука, 1076. - 522 с.
122. Брагинский, И.С. Проблемы востоковедения. Актуальный вопросы восточного литературоведение/Брагинский, И.С. – М.: Наука, 1974. - 240 с.
123. Исмаатов, Б. Пантеистическая философская традиция в персидско-таджикской поэзии IX-XV вв./Исмаатов, Б. – Душанбе: Дониш: 1986. - 256 с.
124. Рассел, Бертран. Мистика и логика./ Рассел, Бертран.- Пер. Наджаф Дарёбандари,Техрон: Нохид, 2011. -210 с.
125. История таджикского народа. Том III. XI-XV века. – Душанбе: Дониш, 2013. -580 с.
126. Тримингэм, Дж. С. Суфийские ордены в исламе./ Тримингэм Дж. – М.: Наука,1989. -328 с.
127. Упен, Жан. Сборник переводов о биографии Шаха Ниматуллаха Вали Кирмани./ Упан, Жан. - Тегеран, 1993. -343 с.
128. Хазрат Маджзуб Алиша. Путь суфия. Введение в орден Ниматоллахи Султана Алишаха./ Хазрат Маджзуб Алиша.- Пер. с фарси. – Х.: ФЛП, Петрова И. В., 2008. – 72 с.
129. Тераскольский Л.М., Чистяков Н.Л. Суфийские практики в ордене Ниматуллахи. rhga.ru/science/center/ezo/publications/chistyakov
129. Шиммел, Анн Мори. Мистические ответвления ислама/ Шиммел, Анн Мори Пер. Абдуррахим Гувохи.- «Фарханги исломи». 4-е изд. 2003. -703 с.
130. Якубовский А.Ю. Тимур. (опыт краткой характеристики) ВИ. А.Ю.Якубовский. //Известия АН СССР.- Отд. общ. Наук.-М.,1946. № 8,9.

131. www.wikipedia.org Шах Ниматулло Вали Кирмани. Диван стихов.
- С.617.

III. на английском языке

132. Arberry A. J. Classical Persian Literature.- London: Unwin brathes limited, 1958. – 464 p.
133. Masters of the Path: A History of the Masters of the Nimatullahi Sufi Order by Dr. Javad Nurbakhsh, Khaniqahi Nimatullahi Publications, New York and London, 2nd Edition, 1993. – 200 p.
134. Kings of Love - The History and Poetry of the Ni'matullahi Sufi Order by Nasrollah Pourjavady and Peter Lamborn Wilson, Imperial Iranian Academy of Philosophy, Tehran, 1978. -160 p.
135. A Collection of Works on the Occasion of the First International Symposium on Shah Nematollah Vali.San Jose State University San Jose, Simorgh Sufi Society,California October, 2002. -140 p.
136. Leonard Lewisohn The heritage of Sufism. Oxford, Oneworld. 1999. - 220 p.
137. Nasrollah Pourjavady and Peter Lamborn Wilson. Ismailism and Nimatullāhīs. Studia Islamica, Published By: Brill No. 41 (1975), pp. 113-135 (23 pages).
138. Terry Graham. Shah Ni 'matullak Wali: Founder of the Ni matullhi Sufi Order. The heritage of Sufism.Edited by Leonard Lewisohn.Oxford: Oneworld, 1999. -180 p.
139. Jean Aupin, Matrinuxpour In biographie de Shah Ni'mntullah Wali Kirmdni, (Tehran & Paris, 1983). – 200 p.
140. J. Spencer Trimingham, The Sufi Orders in Islam.Oxford University Press 1971; rpt. 1973). -P. 273.
141. Sun'ullah Ni'matullahi's account as retold by Mufid Mustawfi Yazdi in the Jomeyi Mufdi', cited in Aubin, op. cit. -P. 164.
142. E.G. Browne, A Literary History of Persia, Vol. I11 (Cambridge University Press1920; rpt 1956). -346 p.